

В. В. БАТЫРОВ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. В. БАТЫРОВ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Монография

Элиста
2014

УДК 908-29
ББК 63.3(2)
Б 28

Научное издание

*Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук*

Рецензент

Э. П. Бакаева, докт. ист. наук

Батыров В. В.

Б 28 Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. (По материалам фондов НА РК): Монография. [Текст] – Элиста: КИГИ РАН, 2014. – 250 с.

Настоящее издание представляет собой очерки традиционной культуры калмыков, основанные на архивных источниках конца XVIII – первой половины XIX в., содержащих материалы по истории и этнографии калмыцкого народа.

Анализ состояния традиционной культуры калмыков в исследуемый период проводится с учетом политики российской администрации, а также глубокого социально-экономического кризиса, поразившего калмыцкое общество после 1771 г. Освещаются основные аспекты этнографических исследований – этническая история, хозяйство, материальная и духовная культура, общественные отношения калмыков.

Издание адресовано всем, кто интересуется историей и культурой народов России.

ISBN 978-5-903833-70-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2014

© Батыров В. В., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
--------------------	---

Глава 1. Историко-географические описания калмыцкого народа

1.1. Топографическое описание 1784 г. как источник по истории и этнографии калмыков	11
1.2. Описание калмыцкого народа, составленное для профессора П. С. Палласа	40
1.3. «Краткое описание об образе жизни калмык, трухмен, кумык и чеченцов» Главного пристава С. Л. Халчинского как источник по истории и этнографии	47
1.4. «Краткое описание Калмыцкаго и Трухменскаго народов» Я. К. Ваценко	53

Глава 2. Среда обитания, экономика и этническая культура

2.1. Система традиционных кочевий у ойратов в XVIII – первой половине XIX в.	69
2.2. Традиционная одежда в первой половине XIX в.	92
2.3. Этническая группа <i>деед ламин шевир</i> : из истории шабинеровского сословия Яндыковского улуса в XIX веке	99
2.4. К вопросу о происхождении калмыков-цохуров	107

Глава 3. Военное дело калмыков в контексте традиционного общества

3.1. Вопросы военной организации и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в.	117
3.2. Проект формирования астраханского калмыцкого казачьего полка в первой половине XIX в.	127

Глава 4. Семья, общество и культура. Этнокультурная и социально-экономическая адаптация к изменяющимся условиям

4.1. Брак умыканием в первой половине XIX века	142
4.2. Левират и сорорат у калмыков	149
4.3. Усыновление у калмыков: социокультурные особенности	158
4.4. Карточные игры в калмыцком обществе	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	205
ПРИЛОЖЕНИЯ	213
ИЛЛЮСТРАЦИИ	242

ВВЕДЕНИЕ

Расширение источниковой базы по истории и культуре народов России является одной из неизменных и главных задач отечественной науки, в том числе этнологии. Ввод в научный оборот архивных источников из Национального архива Республики Калмыкия позволяет документально проследить и проанализировать этапы развития этнической истории и культуры калмыков. В настоящее время содержащиеся в различных исследованиях по истории и этнографии калмыков источники довольно фрагментарны, что препятствует разностороннему и объективному изучению истории и культуры народа. Это связано с тем, что архивные источники в калмыцкой этнографии не получили еще достаточно-го описания и оценки.

Период с конца XVIII в. по начало XIX в. занимает особое место в истории калмыцкого народа. Уход большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и последующая ликвидация Калмыцкого ханства привели к нарушению традиционной системы кочевий, которая позволяла наиболее оптимально распределять кормовые ресурсы для обеспечения скота, и к упадку скотоводства калмыков. В свою очередь это стало причиной снижения мобилизационных возможностей калмыков в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по

охране южных границ России, уже не могли в той же мере реализовывать их в конце XVIII – первой половине XIX в., изменился и особый военно-кочевой уклад жизни калмыков. Все это повлекло за собой глубокие адаптационные изменения в традиционной культуре, в частности в этнической структуре калмыков, за относительно короткий период. В течение конца XVIII – первой половины XIX вв. происходят изменения в духовной и материальной культуре калмыков, в их основе лежит сложное сочетание традиционной кочевой культуры и новых традиций оседлых народов. Глубинные корни данного явления во многом определяют современное своеобразие и самобытность калмыцкой национальной культуры.

Источниковую базу исследования составили документы Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), где хранится множество неопубликованных источников, которые могут дополнить сведения по калмыцкой этнографии. Национальный архив Республики Калмыкия является уникальным хранилищем ценных неопубликованных источников по этнографии калмыцкого народа. Сегодня в нем хранятся документы с 1713 г. и по настоящее время.

Цель нашего исследования — обзор архивных источников конца XVIII – первой половины XIX в., содержащих материалы по этнографии калмыцкого народа.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- выявлены архивные документы, касающиеся указанной тематики;

- определена новизна и оригинальность содержащихся в архивных источниках сведений и их значение в историко-этнографическом изучении калмыцкого народа;

- сгруппированы материалы, содержащиеся в источниках конца XVIII – первой половины XIX в., по основным аспектам этнографических исследований.

Рассмотрение традиционной культуры калмыков проводится с учетом политики российской администрации, а также глубокого социально-экономического кризиса, поразившего калмыцкое общество после 1771 г. В самом исследовании освещены основные аспекты этнографических исследований — этническая история, хозяйство, материальная и духовная культура, общественные отношения калмыков.

В рамках монографии были рассмотрены и изучены делопроизводственные дела административных органов Астраханской губернии, которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК) в фонде 1 «Главный Пристав» (286 д., 1801–1897 гг.), в фонде 7 «Канцелярия Главного Попечителя калмыцкого народа по заселению дог» (367 д., 1836–1883 гг., 1893 г.), в фонде 9 «Управление калмыцким народом» (6179 д., 1836–1917 гг.), в фонде 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии» (198 д., 1771–1786 гг.), в фонде 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» (423 д., 1713–1771 гг.), в фонде 42 «Ламайское духовное правление» (53 д., 1831–1859 гг.).

В фонде 1 «Главный Пристав» выявлены данные по материальной и духовной культуре калмыков. Особый интерес представляют архивные документы с описаниями калмыцкой одежды и жилища. Изучены дела, которые проливают свет на появление шабинеровых родов Калмыкии и их преобразование из социальных в этнические группы. В документах фонда найдено и вводится в научный оборот «Краткое описание Калмыцкаго и Трухменскаго народов», составленное Главным приставом калмыцкого народа Я. К. Ваценко. Несмотря на присущую всем краеведческим трудам первой половины XIX века известную описательность, Я. К. Ваценко смог представить первый серьезный анализ социально-экономического положения калмыцкого

народа. В труде добросовестно отражены нравы и быт калмыцкого народа, указаны места кочевок в начале XIX в., приведены важные статистические сведения о количестве кибиток, скота и многом другом. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание принадлежит очевидцу и участнику событий.

Проблемы трансформации традиционной культуры калмыков отражены в материалах фонда, связанных с запретом азартных игр. Широкое распространение отходничества вызвало к жизни новые формы социальной жизни. Появление азартных игр у калмыков знаменует собой начало трансформации традиционного уклада под влиянием российского рынка (индустриально-урбанистического уклада). Город, населенный представителями самых разных культур и языков, ограниченный в пространстве каменными и деревянными домами, подавлял вынужденных отходников, привыкших к обширным степным пространствам.

Также об этом свидетельствуют материалы фонда по вопросам семьи и брака. Так, на основании изучения целого ряда архивных свидетельств можно сделать вывод: распространенность брака умыканием привела к учащению жалоб и обращений населения Калмыцкой степи, которые стали причиной для разбирательства российской администрации. Это привело к тому, что в 1839 г. Ламайское духовное правление признало у калмыков похищение невесты против ее желания и ее родителей уголовным преступлением. По нашему мнению, недостаточная «законность» или, вернее, недостаточное соответствие нормам оформления традиционной свадебной обрядности при браке умыканием в глазах современников стали причиной того, что такие браки могли быть непрочными и недолговечными. Между тем в калмыцкой историографии на эту особенность брака умыканием не обращали внимания, акцентируя экономическую выгоду подобной формы брака.

Рассмотрены и изучены делопроизводственные дела, которые хранятся в фонде 35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии», где имеются неопубликованные материалы по топографическому описанию Астраханской губернии «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии». Материалы были составлены в рамках проведения реформы административно-территориального деления Российской империи по указу императрицы Екатерины II «Учреждение для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г., в соответствии с которым в 1775–1785 гг. Следует отметить, что указанное описание является неоценимым источником для истории Калмыкии благодаря содержащемуся в нем фактическому материалу. Топографическое описание подробно информирует исследователей о различных сторонах жизни улусов Калмыцкой степи: их географии, водных ресурсах, хозяйстве, демографии, занятиях и быте жителей. Описание дает нам возможность уточнить внутренние и внешние границы Калмыцкой степи. В нем имеются сведения об особенностях территории региона, водных источниках и коммуникациях.

Выявлены материалы по некоторым этническим группам Калмыкии. В конце XVII в. в истории Калмыцкого ханства появляется такое административное подразделение, как Цохуровский улус. Цохуры (калм. *цоохр*), признавая свою принадлежность к субэтносу торгутов, называли себя «*цоохр-торгуд*» (букв. «пестрые торгуты»). Анализ сложной и запутанной истории позволяет сделать вывод, что цохуры не были изначально этническим образованием, а являлись смешанной по составу группой (включавшей самые разные этнические подгруппы), которая в конце XVII в. и составила новый Цохуровский улус.

Рассмотрены и изучены делопроизводственные дела фонда 7 «Канцелярия Главного Попечителя калмыцкого на-

рода». Выявленные материалы по военно-кочевому укладу жизни калмыков показывают высокую эффективность деятельности кочевых войск на протяжении всего XVIII в. В период Калмыцкого ханства существовала развитая система комплектования войск, которая позволяла в максимально быстрые сроки обеспечить сбор воинов. Отлаженная система комплектования войск была нарушена после 1771 г., когда мобилизационные возможности калмыков намного уменьшились в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Это обусловило тот факт, что калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по охране южных границ России, уже не могли активно участвовать как в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., так и в последующих военных кампаниях. В целом анализ военного дела у калмыков во второй половине XVIII в. приводит нас к выводу о том, что оно представляло собой целостную систему с развитой организационной структурой и функциями, которая была серьезно подорвана лишь после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г.

Рассмотрены материалы фонда 42 «Ламайское духовное правление», где были выявлены материалы по социальной истории калмыцкого народа. Так, в результате самых разных причин, в частности отсутствия различий в социальном статусе между шабинерами и албату, отдельные социальные группы калмыков часто трансформировались в этнические. Например, появившаяся в 1772 г. социальная группа шабинеров Яндыковского улуса, оформленная как находящаяся в услужении у ламы Лузанг джамбы, на протяжении XIX в. стала одновременно определяться и как этническая.

Выявленные и систематизированные автором архивные источники, вводимые в научный оборот, позволяют документально проследить и проанализировать основные этапы развития этнической истории и культуры калмыцкого народа в последней трети XVIII в. – первой половине XIX в.

Глава 1.

Историко-географические описания калмыцкого народа

1.1 Топографическое описание 1784 г. как источник по истории и этнографии калмыков

Источниковая база XVIII в. по истории и этнографии народов России, связанная с особенностями быта кочевых народов, нередко ограничивает исследователя в выборе тех или иных тем. В XIX и XX вв. ученые стали более активно проводить исследования по истории и этнографии кочевых народов России, но историко-географические материалы начали применяться учеными лишь с недавнего времени.

Начиная со второй половины XVIII в., правительство Российской империи предприняло целую серию мероприятий, направленных на экономическое и историко-географическое изучение России. В результате многочисленных экспедиций, анкетных обследований сложился значительный корпус материалов историко-географического и экономико-статистического характера. Немалая часть этих документов, в частности топографические описания различных регионов России, содержат большое количество сведений по истории, географии, этнографии, экологии, необходимых для изучения прошлого Калмыкии и соседних регионов.

В XVIII в. российское правительство стремилось создать хранилище данных о социально-экономических возможностях и ресурсах регионов государства. Разработанный к тому времени В. Н. Татищевым анкетный метод обследования, который оставался в арсенале средств русской науки вплоть до 1914 г., и лег в основу создания материалов такого рода — топографических описаний [Кузьмин 1987: 92]. Современный исследователь В. А. Сергеев дает подробное определение, топографическому описанию — это документ описательного характера, созданный в XVIII – начале XIX века и выполненный по определенной схеме (анкете), который посвящен описанию ресурсов одной конкретной местности в целом или ее географической единице, (наместничества, губернии, города, уезда), содержит элементы научности, местного собирания источников и известных со- ставителям опубликованных данных [Сергеев 2003: 3].

Топографические описания второй половины XVIII в. несли большое количество историко-географической, экономико-статистической и этнографической информации. В свою очередь, топографические описания, созданные между 1777 и 1796 годами, характеризуются четким структурированием содержания, относительной однотипностью, большим количеством сведений по истории, природе, экологии, географических особенностях региона, собранных на научной основе, а также о его социально-экономических возможностях [Сергеев 2003: 3].

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранятся неопубликованные материалы топографического описания «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179], составленные в 1784 г. в рамках проведения реформы административно-территориального деления Российской империи по указу императрицы Екатерины II «Уч-

реждение для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г.

Начало сбора материалов было положено 23 апреля 1784 г., когда астраханский губернатор М. М. Жуков отправил первое письмо с запросом к дербетскому владельцу Цендену [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 145], в котором писал: «Во исполнение Высочайшего Ея императорского Величества соизволению к сочинению для собственного Ея Величества употребления топографического описания нужны сведения по приложенным вопросам». Помимо дербетского владельца письма разослали: владельцу Маше, владельцу Цаган Кичику, владельцу Тюменю, владелице Битюке с правителями, владельцу Цагалаю, багацохуровским зайсангам умершего полковника А. Дондукова, в калмыцкий суд — Зарго.

В деле также присутствовала и сама анкета, которую мы приводим полностью. Анкета, как видно из содержания, затрагивает множество вопросов по картографии, истории, статистике и экономике региона.

«План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии»

1. Кочующая степь коликое имеет вообще местоположение гористое или ровное, и какой больше грунт земли сухой или влажной, черноземной или глинистой в каких именно местах и урочищах.

2. Естли какие горы, или бугры, кои бы от обыкновенных чем и не есть отличились то есть своею высотой, образом с всего лежания или содержанием в себе металлов и минералов.

3. Имеются леса и каких родов деревья насколько верст простираютца и блис каких рек.

4. Какие есть болота и естли примечания заслуживающие.

5. Какие реки протекают со описанием их ширины и глубины по указанным местам качества их вод плавания по ним порогов и мелей препятствующему оному, пристаней и перевозов и приурочив вершины тех рек: то есть: означив имянно откуда оные имеют и у озера, болота или горы и в какую реку впадают, и какая сторона и тех рек нагорная, и какая луговая, насколько верст течение свое простирают, каких родов рыбы содержат, и насколько верст — примером течения имеют, — ежели есть в них рыбы отменные от обыкновенных; и о сих показать.

6. Естли ли достопримечательные озера в рассуждении величины их или других каких обстоятельств; и как оные велики и какая в них реки впадают, или из них исходят — Также и какая рыбы в них находятся.

7. В рассуждении место положения какая бывают в воздухе перемены.

8. Какие водятся птицы и нет ли каких особливых родов таковые описать обстоятельнее.

9. Какими судами и властями калмыцкой народ управляется.

10. Что имеют оне отменного в образе их жития правах, обычаях, одеждах реченных и нет ли чего особливаго в их нравах поверьях обрядах образе жития и обхождении: не имеет ли оной отмены в покрое своего платья построении своих кибиток, и выправлении своего скотоводства.

11. Сколько имянно душ мужеска и женска пола разных чинов состояния.

12. Сколько владельцев и у них во владении (*неразборчиво*) кибиток.

13. Сколько духовных чинов и причетчиков.

14. В чем торговля и промысел калмыцкаго народа состоит, откуда товары получают: какие имянно для своей надобности: куда свои отвозят на какую по примеру сумму.

Какие имеют художества и ремесла и в котором больше занимаются или превосходят, не отходят ли по пашпортам для промыслу и работ своих куда имянно и для каких работ.

15. Бывают ли ярмонки в которое время года долго ли продолжаются, чем на оных торгуют и какие по большей части товары.

16. Откуда получают нужные для пропитания и для жия вещи.

17. Нет ли по кочующим степям отменных каких деревьев, не употребляют ли калмыки какие травы в лекарства, или краски, не водятся ли какие особливия звери, птицы, пресмыкающиеся гады и насекомые [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 146–147об].

Надо отметить, что полученные ответы на вопросы по анкете часто носили формальный характер, но отдельные представители калмыцкой администрации ответственно подошли к делу и дали подробное и детальное описание калмыцких кочевий, культуры и быта. Всего было шесть писем на имя астраханского губернатора М. М. Жукова от шести улусов, в которых правители дают ответы на вопросы, указанные в письмах. Составителями выступили: определенные «к правлению бывшего г-на полковника князя Дондукова улуса» зайсанги от Багацохуровского улуса; хошутский владелец Цагалай; дербетский владелец Ценден Дорджи; «зенгорский» владелец Тюмень; владелица Битюка и зайсанги — правители Яндыковского улуса; владелец Цаган Кичик Икицохуровского улуса. Все письма поступили в течение 1784 г., первое письмо было получено уже в мае от правителей Багацохуровского улуса. Надо отметить высокую скорость составления указанного топографического описания. Так, 23 апреля 1784 г. астраханский губернатор М. М. Жуков отправил первые письма с запросами, а последнее пись-

мо с материалами для топографического описания было прислано 21 сентября 1784 г. икицохуровским владельцем Цаган Кичиком.

Наиболее подробные сведения все составители дали по первому пункту. В их материалах имеются краткие сведения описательного характера о кочевых местах, водных источниках, флоре и особенностях рельефа местности. В материалах отражен тот факт, что успешное скотоводство было возможно только при сезонных кочевках, которые могли обеспечить пропитание скота. Можно отметить, что сезонные перекочевки происходили в основном в меридиональном направлении.

1. Багацохуровский улус: «В летнее время пребывания мы имеем от берега реки Волга до урочища Сарпы, иголго-иским лежащим и Волги местам, также и по колодцам, а в зимнее время из оных мест выкочевав зимуем по урочищам от Гашун Коля вниз по ухвостью реки Кумы, даже до урочища называемого Кюзюк, в оных же местах бугров не имеется, земля ж имеет полагение равное и буярачистое, глинистой и влажной земли нет, а весьма крепкая земля, тож и отменной пещаной или глинистой земли, кроме вырывааемых для поения скота колодцов где от скотского пригона бывает небольшая глина никакой не имеется».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Подвластных моих калмык кочевые и пребывающие места ровные и чистые в зимнее время зимуют при реке Куме по урочищу Гахаин Гаталгану при которой реке выше имеется лес а противу нас где имеем зимовье камыши и вода не очень большая и мало быстрая в вешнее время выкочевывая из оных переходим полужем от снегов натекающих до реки Сарпы которая имеет камыши и не весьма большее озеро откуда кочевье имеем по речке Вязовке и по берегу Волги оная река течение имеет быстрое и пространное где имеется лес ветла, осокор, дуб,

вяз, тальник, торн и яблонник а от оной реки Волги в осеннее время кочуем по колодцам называемых Элясту худук, Бурату худук, Тоосту худук, и Бузогон худук, чрез которые доходим к Куминскому урочищу Гахаин Гаталгану и во все четыре время пребывания мы имеем по вышереченным местам».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Кочевье мы имеем по речкам протекающим из Дону в которых местах гор не имеется, ровное место и более крепкая земля тож и влажных мест нет земля черная а гор при оных местах никаких не имеется оные же речки называются Манца то есть Маныч течением выходит из Дону вода оной горькая и в ней земля тинестая для переезду чрез оную переправных мест мало ширины имеет близ одной версты самые ж неширокие оной места по примеру сказать как на два перестрела из саидака стрелюю длиною, имеет оная от ухвостья до вершины верховой езды не менее четырех дней в летнее время вода бывает горькая а потому при оной и летовать никак не можно а в зимнее время когда бывают снега постребляя оной вместо воды при ней зимуем. Дерев никаких не имеется мы издавно кочевье свое имели при речках протекающих из Дону называемых Маныч и Салу, Курмояровском аксаи, Есауловском аксаи, Мишкове, Донской царице, и Карповке. А ныне по оным местам от ухвостья в верх до половины войска Донскаго казаки поделав кутора произвели землепашество, и содержат свой скот и от того притеснения кочевье имеем по вершинам оных речек».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Урочище называемое Коровья Лука, пещаные бугры и разбугорья в коих и поблиз их по буяракам имеютца колотцы трава растет по лощинам по калмыцки называемых юркюк и полычник, по долинам щотка белоголовник, или ковыль, и мочка от коего урочища в виду в степь. Урочища ж называемое

Кюпчик, тож имеет пещаные разбугорья при коих повскраинам колодцы. А травы более никакой как и в Коровьей Луке не имеетца прорастает тонкой жидовинник а от онаго в степь тож в виду урочище называемое Хорин Худук, где тож пещаные разбугорья а по вскраинам оные буяраки на коих растет трава также выше онаго урочища Хорин Худука в самом виду называемое Могоит, пещаные бугры а поблиз онаго буяраки выше онаго имеютца колотцы, трава прорастает по оным, равно таковая ж бугры пещаные называемые Могоиту и Хулхуту расположение имеют между собой в виду поблиз оных по вскраинам буяраки и колодцы трава онаго места такая ж урочища Суркилту пещаной бугор, по вскраину онаго буяраки и колодцы и трава онаго места такая ж а от него чрез полторы кочевки урочища Митеная Лука а от оной чрез одну кочевку остров называемой Шанбай, называетца пещаной остров в оной растет лес ветла, и тальник и от онаго урочища на одну кочевку остров называемой Хабан Ату, то есть круглый остров растет лес ветла, и тальник а кроме онаго другаго леса не имеется от онаго чрез одну кочевку мой сад, в коем растет растет овощ, виноград, вишня, слива, груши, яблоки, а близ онаго сеютца арбузы, дыни, огурцы, капуста, тыква, петрушка, морковь, ретка, пшено, и овес».

5. Яндыковский улус: «Бывшего владельца Яндыка жены ево владелицы Битюки подвластные калмыки вовсе четыре время состоящие кочевные места а имянно, урочища называемое Бай Кюцюк при оном большой пролив, от онаго на одну кочевку урочища Джурук от Журука на одну кочевку урочище Башлу, от Башлы на одну кочевку Жиджили, от Жиджилей на кочевку Шурали, от Шурали на кочевку Шюргюту, от онаго на одну кочевку Тернек, от Тернека Албагату на одну кочевку от Алабагуты Джанбыш, от онаго урочища Кюзюко на одну ж кочевку, от Кюзюксоя Уксюн

Бюрю, от Усюн бюрюка Ханби, оных же мест вода от самого Байкюцюка до урочища Шурали течение имеют из Волга а от Шюрготы до урочища Ханби реки течение имеют из моря в верх от урочища Хайби на одну кочевку урочища называемое Адака Хорин худук, от онаго в верх на одну ж кочевку место называемое Зунду Хорин, выше онаго бугора называемой Эргю Тологой близ онаго имеютца родники и растут болшие деревья желж, по правую ж онаго сторону расстоянием в полутора кочевках анхатарские буяраки по которым лес растет осокорчик, такльник, торн, и яблоня, от онаго в верх на одну кочевку буяраки называемые Арцату глее растет мозжевельник выше оных буяраков называемые Истаман при оных имеются родники, по левую сторону оных расстоянием близ одной кочевки буяраки ж называемые река Кума, при которой имеются комыши и чакан, от оной по левую сторону в полутора кочевках урочища называемое Джанай колодесь от онаго по правую сторону в одной кочевке бугор называемой Барга Боро Тологой близ онаго колодцы от онаго по левую сторону в полутора кочевках Гашун колодец, от онаго вниз на одну кочевку *Хаирцаклу* колодец, ниже онаго чрез кочевку Хорин колодец от онаго ж в верх Гашун колодец выше сего чрез одну кочевку Харгаиту колодец, от онаго по левую сторону чрез кочевку Удуту колодец, ниже онаго верстах в пяти Саинцан колодец, от онаго близ кочевки Кюшюту колодец, в верх от онаго чрез кочевку Тосту колодец, ниже сего на кочевку Кисту колодец, а ниже онаго чрез кочевку Хара Худжир колодец. От онаго вниз чрез кочевку ж Шоро колодец, выше онаго на кочевку Юндюр гелюнгин худук, в верх онаго Малзаран колодец, от онаго в верх чрез одну кочевку Таган колодец, кочевье имеем во оных кочевных нами местах имеется урочище называемое Забан длинные разбугорья земля ж ровная и буярачистая, глинистая, и пещаная смешенная».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Кочующие подвластных моих калмык места ровные ... кочуют по нагорной стороне берега реки Волга от урочища называемого Хакшакут вниз до Копоновского займища и по берегу оной реки имеющим островам и лесам по Сарпе голгою Эргенинским ширям Киитун Булуке урочищах ороке, Хорине Тосте, Малзараке, и по Баш Мачагинским местам от куминского урочища называемого Джиланга до ухвостья оной реки Кумы по сухой Куме и джирлыгам».

Полученные ответы дают новые сведения о территориях калмыцких кочевий, о топонимах и хозяйстве калмыков. Так, р. Маныч в деле имеет калмыцкое название Манца. Можно отметить, что общим для всех калмыцких улусов является указание на то, что сезонные перекочевки у калмыков происходили в меридиональном направлении, как и у всех номадов Центральной Азии. Весь скот круглогодично находился на подножном корме, перегоняемый с места на место по мере скармливания трав на ближних пастбищах.

По второму пункту почти все составители ответили кратко. За исключением, Тюменя Джиргалана, который оставил нам интересное и подробное описание территорий на луговой стороне р. Волги. Составитель нойон Тюмень Джиргалан проявил немалое трудолюбие, описав не только флору и фауну своих кочевых мест, но и дав некоторые сведения по топонимике калмыцких территорий на луговой стороне р. Волги. Особенно интересно упоминание о том, что известная священная гора калмыков – Богдо, ранее имела другое название — «Баскунчак». Далее составитель пишет о том, что возле оз. Баскунчак добывали краску для решеток и унин калмыцкой кибитки «называемой Зосо». По поводу хозяйства составитель указывает, что на территории Рын пе-

сков, калмыки роют неглубокие копани для поения скота, «которая неглубже бывает как в колено». Дает калмыцкие названия различным растениям: шиповник — торлок, ковыль — цаган юбсун, белоголовник — еркок, и др.

1. Багацохуровский улус: «Отменных гор и разбугорьев нет, також руд золотой, серебряной, медной и железной мы совсем сведения не имеем».

2. Хошутровский улус Цагалая: «В кочевных наших местах ничего отменного к премечанию достойного не имеется».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Противу протчих мест при оных речках никаких высоких кроме небольших бугров гор не имеется руд золотых, серебряных, медных и железа не обретается. И каменьев нет».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «По нагорной степе в кочующих мною местах как высоких гор, так и протчего отменного ничего не имеетца, по луговой стороне, урочища называемое Киигас косы за Красным Яром из Гурьеву, вода в оные имеет течение из моря где много имеетца озер, по берегам оных прорастает камыш, и чакан, а между ими много имеетца бугров на которых растет лес ветла, тальник, и жидовинник, трава щетка, полынь, солодской корень, красна краска, чидегеню, во озерах имеетца рыба, сом, сазан, судок, линь, щука, лещ, окунь, вобла, и карась, а во оных урочищах имеетца зверь волк, лиса, заяц, кабан, корсук, и саиgak, от урочищ называемое Зеиде, в трех кочевках, Богдинский бугор, он же называется и Боскунчак, расположение имеет к востоку, наверх онаго вхождения мы неимеем, последую ж сторону соленое озеро а по вскрай мел и дикой камень, краска, что употребляется для крашения калмыцких кибитошных решеток и палок, называемой Зосо. По правую ж сторону онаго к югу окружные воды, близ оных растет ревень черенковой, за соленным озером вода называемая Богдинскою, от Богдинского бугра разстояние день езды урочища называемое Чапчачи

высокое место в нем имеется и ледская соль, а близ онаго колдцы земля черная, и гладкая, трава щетка, полынь, и краска ревень, урочища Рын пески, место пещаное от урочища Чапчачи, до урочища называемого Нарини Гурбан Зекде, езды имеется полтара дни, от Зекди чрез полторы кочевки урочища Гурбан Таириту болшие буяраки а от онаго вниз урочища Араш, тож болше буяраки, а от него вниз же чрез одну кочевку урочища Яш, а от онаго, вниз чрез одну кочевку буяраки называемые Дельтю. Ухвостие Рын песков, называемое Дельтю, по оным буграм, вод никаких протекающих и стоячих озер не имеется, места весьма пещаные и с коих воду вырывают, которая неглубже бывает как в колено, под сем же оным буяракам растет лес мог, оскар, тальник, шиповник, так калмыки называют и торлок, и травы по калмыцкому ж названию тюнге, ялмань чикин, еркок, цаган юбсюн, то есть ковыльник. Зверь в оных местах, волк, лиса, заиц, и кабан, от Рын песков, езды, полтара дни озеро называемое Самара, которое имеет в длину езды на полторы дни, а ширины на один день, близ коего также много есть озер, а между оными острова, камыш, чакан, и жидовинник, вода онаго горькая, однакож в вешнее время оную как для поения скота, таки и людем употреблять можно, а в осеннее время чрезвычайно горкнит (т.е. горчит), а земля чернотинистая с одного острова, на другой свободный переезд, а в воде имеется рыба, сазан, щука, лещ, окунь, линь, и вобла, зверь в оных местах, волк, лиса, заиц, и кабан, птица, лебедь, утка, и баба, растет трава полынный, белоголовник да по калмыцкому названию еркок, керсен, ялман чикин, земля тинистая, и солончатая и там более сего ничего отменного подвластные мои зайсанги не знают».

5. Яндыковский улус: «Отменных гор и бугров неиметца».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Противу прочих мест отменных гор и бугров нет так золотой, серебряной, медной, и железной рудах мы неизвестны».

Никаких затруднений не составил третий пункт. Все составители дали довольно лаконичные ответы:

1. Багацохуровский улус: «В кочевных наших местах кроме Волги нигде никакого леса не имеется».

2. Хошутровский улус Цагалая: «При Волге лес по большой части и нам известный имеется. Ветельник, осокорник, и тальник».

3. Дербетовский улуса Ценден Доржи: «При оных речках дерев не имеется».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Для собственной моей ставке кочевные места два острова один Круглинский, а другой Пешанской, имею один сад».

5. Яндыковский улус: «Тож в кочевных наших местах отменных дерев никаких нет».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «При Волге имеется лес дуб, ветла, тополь, тальник, и торновник».

Столь же кратко составители отвечали и на четвертый пункт.

1. Багацохуровский улус: «Тин и болот нет».

2. Хошутровский улус Цагалая: «В кочевных наших местах тин и болод протчего о чем спрашивается не имеется».

3. Дербетовский улуса Ценден Доржи: «Оных речек, воды слаткие, неширокие уские и неглубокие мелкие судам прохода в оных быть никак не можно, а местами и вода совсем пересыхает, болот не имеется».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Тин и болот никаких не знаем».

5. Яндыковский улус: «В оных же местах известных болот никаких не имеется».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Тин и болот мы не знаем».

В ответах по пятому пункту содержится интересная информация в письме дербетского нойона Ценден-Доржи, в котором он дал ряд сведений по флоре и фауне кочевых мест его подвластных. Также в тексте имеются уточнённые данные по территориям кочевий калмыков Дербетовского улуса:

1. Багацохуровский улус: «Кроме реки Волги при кочевых нами местах протекающих других рек не имеется».

2. Хошутровский улус Цагалая: «В кочевных же нами местах никаких других отменных кроме как всем известных рыб не имеется».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «При вершине тех рек бугров не имеется також и родников нет, вершины оных течением выходят из реки Дона и простираются до урочищ Эргенинских разбугорей где течение свое и прекращают, река Сал, имеет длину полтора дней верховой езды, а протчие речки, один день, езды в оных же речках, отменной рыбы, кроме малой шуки, и другой мелкой никакой не имеется. Еще ж мы кочевье имеем по урочищу Эргенинским ширям по нагорной стороне и от рынка высакого называемого Монг Хамара вниз до рынка ж каменистаго называемого Таш бурум, Эргенин ширинские речки, кои воды горькие и места болшой частью пещаные, при коих есть довольно родников, а от того Таш Бурум называемого рынка к стороне реки Кумы подходя к вершине речки Маныча, прерывается по примеру верстах в четырех а близ оной болшие красные воды и еще имеем кочевание по нагорной стороне реки Волги с неболшим числом подвластных моих калмык собственным своим домом и с самой весны до осени во все летнее время пребывание я имею по Ергеней ширям по донским речкам и по берегу реки Волги в которых местах никакого отменнаго зверя кроме волка, лисы, саигака, и зайца, не

имеется, в зимнее время пребывания имеем, по Куме, Манычу, по Карагону, Мин.. ату, Хазак, Гюудук по Маджарам, по урочищу Дугурин Шара, Тохую, и до Байвалы распространяемся кочевьями по Куме и Карагону растет лес яблоник, груша, торновник, ветла, осорок, тальник, шиповник, киртшина, противу зимующих наших местах, вода реки Кумы слаткая течение имеет быстрое, шириною не более как сажень семь, от Корогона вниз к ухвостью имеются большие камыши и чакан. А вода горькая, ухвостья ж онаго места не соединяясь с другими водами имеет перерыв, еще зимнее ж наши места от Корогона в верх по Куме и при верху, и Дугурин Шара Тохую большие камыши. По правую сторону место высокое а по левую низкое ровное в тех местах растет лес яблыня, груша, торн, крушинник, шиповник, ветла, тальник, осакарь, и вяз. Выше ж оных мест высокие горы и река Кума, течение имеет из гор. От ухвостья урочища Байвалы в верх к вершине реки Кумы место высокое и лесу всякаго рода весьма довольно о званиях тех лесов неизвестно нам по притчине той что мы кочевьем до тех мест не доходим, река Кума начало течение имеет и с новых гор по тем местам имеется зверь, олень, дикая свинья, белогуска, волк, лиса, заиц, дикая кошка, порешина».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Рек отменных никаких не имеетца».

5. Яндыковский улус: «Вод которыми суда могли ход иметь не имеется ж».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Какие имеются реки ширины и глубины а в оных суда могут ли иметь хот или нет можно ли зделать пристань, естли в воде каменье сколь мелки оные в каких находятся местах и откуда имеют течение онаго сего сведения мы не имеем противу протчих мест отменных других рыб мы не знаем же».

У составителей не вызвал затруднений и шестой пункт. Краткие ответы составителей достаточно емко характеризуют аридный характер территорий калмыцких кочевий.

1. Багацохуровский улус: «Сарпинское и Гологонское два озера, оные естли зима бывает велико снежна то в них воды довольно а когда сниги малые тогда в летнее время воды почти не бывает, в Сарпинском озере кроме шуки и линия другой отменной рыбы никакой не знаем».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Всего требуемого к сведению в наших местах не имеется».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «В кочевных наших местах отменных к примечанию застойных вод и озер никаких не имеется а только от снегов по плоским местам разливаются озера но и те в летнее время от жаров совсем пересыхают».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Тож и озер нет».

5. Яндыковский улус: «Больших озер никаких нет».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Для отменных и других надобностей к сведению надлежащих озер никаких не знаем».

Фактически отпиской можно назвать ответы составителей на седьмой пункт. Здесь нельзя поставить им это в вину, а можно только посетовать на излишнюю сложность вопросов самих составителей указанного вопросника.

1. Багацохуровский улус: «Воздух перемену имеет полагаем как единственно от мокроты дождей и снегов».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Воздух имеет такую перемену в вешнее время от вод и мокроты растет трава зеленая, в летнее время после великих паров трава посыхает и

желкнет а в зимнее время от жестоких стуж и великих снегов земля инеет более ж другого мы ничего мы не знаем».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Воздух имеет перемену по положению мест естли случаются великие жары то трава весьма рано посыхает а когда жары бывают умеренные травы и сохнут поздно».

4. Хошутовский улус Тюменя Джиргалана: «Трава, земли оной, и древа иногда по случающимся чрезвычайным жарам, высыхают прежде времянно».

5. Яндыковский улус: «Трава вырастает весною и по приключившимся чрезвычайным жарам посыхает рано, а когда жары бывают умеренные то сохнет онае в меру время».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «По положению места воздух каким образом имеет перемену неизвестны».

Шестой пункт сразу дает нам возможность получить отрывочные сведения об орнитофауне Калмыцкой степи, главным образом, ценной в промысловом отношении. Судя по упоминанию, прежде всего, ловчих птиц, то калмыки активно использовали их для охоты.

1. Багацохуровский улус: «Издавно при Волге в кочевных нами местах имеется птица лебеть, стерех, драхва, журавль, гучь, казара лун, утка, утка ж красная, чепура, аист, беркут, орел, ястреб, балабан, сокол, могильник, пиголица, тумана, синица, воробей, скворец, ластычка, перепел и кулик».

2. Хошутовский улус Цагалая: «Птиц других отменных никаких кроме всем известных мы не знаем».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «В кочевных наших местах отменных птиц кроме журавля, гуся, драхвы, всякаго рода уток, кулика, пиглицы, тетерева, пелепела,

скворца, жаворонка, воробья, синицы, коропатки, балабана, орла могильника, белой и серой луни, мышеловника филина, коршуна, туманы галки, вороны, и сороки, других никаких не имеется».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «В местах в которых я имею птичью охоту имеитца птица лебедь, стерх, журавль, драхва, казара, чапура баба, красная утка, пестрая утка, серая утка, баклан, кошкалдак, кваква, синица, пиглица, и пелепел».

5. Яндыковский улус: «В кочевных наших местах отменных птиц кроме всем известных других никаких не имеется».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Кроме птиц сокола, ястреба, балабана, лебеда, гуся, утки и драхвы никаких отменных других не знаем».

Девятый пункт дает возможность исследователям представить картину управления калмыцкими улусами. В нем дается четкая картина государственного статуса калмыков после 1771 г.¹ По рескрипту Екатерины II от 19 октября управление над калмыцким народом переходило в руки астраханского губернатора. Единоначалие калмыцких ханов и наместников было заменено единоначалием русских чиновников, астраханских губернаторов со второй четверти XVIII в.

1. Багацохуровский улус: «По повелению Великой Государыни правление над нами имеет г-н владелец, а по приказаниям ево зайсанги исполняют дела».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Калмыцкие улусы состоят под управлением владельцев».

¹ В 1771 г. большая часть калмыцкого народа покинула пределы России. После этих событий Калмыцкое ханство было ликвидировано.

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Хотя правление над калмыками имеют владельцы однакож находятся под повелением определенных от Высочайшей Великой Государыни господ астраханских губернаторов».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «По Высочайшим Ея Императорскаго Величества соизволения из господ астраханских губернаторов повелением чиню во всем точные исполнение и подвластных моих калмык содержу в согласность во всяком повелениев повиновении».

5. Яндыковский улус: «Калмыцкие улусы состоят под управлением владельцев».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Калмыцкой народ находится под управлением астраханских губернаторов».

Определенные сведения по этнографии калмыцкого народа мы можем почерпнуть из ответов на девятый пункт. Так, сведения по одежде дополняются обязательным упоминанием одного из главных маркеров этнической специфики калмыков — красной кисти (*улан зала*). Надо отметить встречающееся единодушное мнение о том, что богатство у калмыков всецело зависит от кочевных территорий.

1. Багацохуровский улус: «Пребывание ж имеем по нашим древним обрядам платье носим пространное, широкое, разговор имеем древний мунгульский: кибитки делаем и покрываем из валяных овечьей шерсти кошом но круги паки решетки и двери тонкой лес берем от Волги для воспитания скота место естли пространное тож кормов и вод довольное то скот расплождается».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Разговор наш противу протчаго народа отменной при начатии делания новаго платья и кибиток выбираем хорошие счастливые дни принося

богу жертвы с прочтением духовных чинов молитв и потом берем себе во употребление».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Противу протчих народов обряды калмыцкие отменные, платья имеем, шапки с кисьми красного шелка, разговор имеем от протчих особой мужеской пол носят платья, халаты, и бешмети, женшены носят платье безрукавное длинное наподобие сарафана и с рукавами шубы, для житья покоя, или кибитки наши делаются ис тонкого леса и составляются кибитки из решеток длинных палок и круге а потом покрываются оные кошмами для воспитания скота кочевье имеем по хорошим кормам и водам пастухи же естли безотлучное встережении скота обращение имеют, то тем скот расплождается».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Проезжающих людей, как в наслеггах, так и в проездах их всякому человеку, по возможности своей чиним почтительное угощение, платье, носим рубахи распашные, портки широкие, бешмети, и халаты, шапки, с кистми красного шелка, сапоги, сафьяновые, и кушаки. Разговор имеем от протчих особой говорим между собой по калмыцки, для кроения платья и деления кибиток разбираем хорошие и счастливые дни, скотское воспитание имеем в следующем сенов не косеем, а изыскиваем в зимнее время, камышинные, и кормные места, а кто таковых мест не сыщет, то скот оный от стуж мрет, в вешнее, летнее, осеннее трия время, не останавливаясь на колодцах а кочуем при Волге при родниках, и хороших дождевых лучинах, изыскивая хорошие кормные места и в оных скот свой питаем подножным кормом естли же кто таковые удобные места отыщет, то те обогащаются».

5. Яндыковский улус: «Калмыцкое обыкновение ма-нер платья шапки носим вершки желтаго сукна с кистями красного шелка, разговор имеем от протчего народа отменной при начатии делания новаго платья и кибиток выбира-

ем счастливые дни, по зделании платья приносим оное для жертвы богам на один день и потом надеваем на себя, а по зделании кибиток служим молебное пение и по освящении оной раскидываем ... воспитании скота, кочевье имеем по хорошим кормам и водам и естли кто таковые удобные места сышет того скот расплождается».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Калмыцкое поведение и обряды состоят по владельческому приказаниям и силе судов платье кроитца широкое разговор имеют по монгольскому письму. Для себя делают кибитки ис кошем и дерева а скот воспитывается не иначе как от хороших кормов и прозрачных вод».

Рассматривая ответы владельцев и правителей улусов по данному пункту, можно примерно подсчитать общее количество калмыцкого населения в конце XVIII в., которое составляло 39071 человек.

1. Багацохуровский улус: «В способных к службе в дву тысячах девятистах сороки дву кибитках мужеска и женска пола душ состоит восем тысяч девять сот двенадцать в том числе четыре тысячи четыре ста тридцать душ мужеска, а женска четыре ста восемдесят две души, к службе неспособных сто сорок четыре кибитки».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Подвластных моих было семьдесят пять кибиток из того числа вымерло шесть. Затем осталось шездесять девять кибиток в коих мужеска пола детей состоит сорок семь душ, женска семдесят одна».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «О числе душ мужеска и женска пола, хотя и требовано было на в разсуждении том что о числе всего онаго поданной реэстр в калмыцкой экспедиции имеется а по душам по рознь счисления не делали, а только по примеру полагаем быть всех осмнадцать тысяч шездесять одна душа».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Подвластных моих калмык всего восим сот девяноста две кибитки, всего (по примерному положению) три тысячы четыреста душ».

5. Яндыковский улус: «Бывшего владельца Яндыка старых подвластных калмык мужеска пола тысяча триста пятьдесят одна душа, женска тысяча триста семьдесят три души, новопожалованных мужеска пола тысяча семьдесят девять душ, женска пола тысяча сто тридцать три души ботогоновых шабинеров мужеска пола сто тридцать пять душ, женска пола сто сорок девять, а всего всех пять тысяч двести девятнадцать душ».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «подвластных моих мужеска и женска пола три тысячи триста шездесят одна душа».

В двенадцатом пункте даются сведения о количестве калмыцких семей-кибиток в улусах и составе высшего правящего сословия у калмыков — нойонов-улусовладельцев.

1. Багацохуровский улус: «Господин наш князь Дондуков сего 1784 года апреля 15 дня поутру умре».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Хошоутовых владельцев всех а имянно Тюмень, Цагалай, Цебек и Цаган Кюукен, всего четыре человека».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «О владельцах сколько их имеется требовано ж сведение. Я дербетев владеец Ценден Дорджи, дети мои большой сын Бодогой, Делегер, Шарап Джанба, Баила Ату, Цуклату, и Мукааджи. Родственник ж мои владеец Иодиорго, имеет подвластных шездесят пять кибиток, владеец Чуучей, подвластных имеет пятьдесят пять кибиток, владеец Убаша, имеет подвластных девяноста две кибитки, владеец Нима имеет пятнад-

цать кибиток, Хапчик девять кибиток, и владелец Шанбай девять же кибиток».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Я владелец Тюмень, с сыном Сербеджапом, при мне ж имеютца умершаго владельца Джиргала дети Цебек и Убаши два сына».

5. Яндыковский улус: «Владелица наша Битюка одна, подвластных калмык тысяча двести тридцать кибиток престарелых двести две кибитки».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Владелец Цаган Кичик и Цебек Убаши, Санжила, Нохоин Кюбюнь. Калмыцкие владельцы владелец Маши, владелицы Битюка, Ценден, Иодиоргю, Чючей, Тюмень и Цагалай у оных сколько имеется подвластных калмык мы не знаем моих подвластных девять сот девяноста шесть кибиток в службу способных семь сот девяноста семь кибиток неспособных сто девяноста девять».

В тринадцатом пункте даются сведения по численности калмыцкого духовенства.

1. Багацохуровский улус: «Геленгов сто восемнадцать человек, гецулей двести одиннадцать, манжиков четыре ста тридцать душ».

2. Хошутровский улус Цагалай: «Подвластных моих гелюнгов восемь, гецулей семь, манжиков пять человек».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «О числе духовнаго чина от нас как то гелюнгах, гецулей и манджиках реэстр уже подан Гецули и манджики особых кибиток у себя не имеют, а находятся при своих отцах в одной кибитке то оные потому и вмещены в число вышеписанных душ».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Начальник духовнаго чина называемой лама один, гелюнгов, сорок один, гецулей семьдесят пять, манджиков двадцать пять человек».

5. Яндыковский улус: «Штатных число духовных первое лама, сорок девять гелюнгов, шездесят шесть гецулей, манджиков осмнадцать у Ботогона при cure семь гелюнгов, гецулей пятнадцать, манджиков семнадцать. Всего всех духовных сто семдесят человек».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «о числе гелюнгов гецулей, и манджиков прежде сего от нас предписано».

В данном пункте отражены новые хозяйственные явления — отходничество, когда в результате обеднения калмыки все чаще находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах.

1. Багацохуровский улус: «Торгов не имеем, товаров никаких не делаем мастеровые же наши люди делают колчаны и сайдаки, стрелы, слесари делают дротики, сабли, ножи и шилья, а самые лутчие мастера делают и ружья, духовныя наши старание и прилежание имеют ко обучению грамоти и закона, простые калмыки попечение имеют к службе Государыниной и в содержании себя, и в размножении собственного своего скота, для приобретения ж себе скота, в работы нанимаются с письменными видами».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Подвластных моих калмык имеется как небольшое число то оные никакого художества не имеют».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «В калмыцком народе как начальник духовного чина лама, так и гелюнги, гецули, и манджики в науке грамоты и знании закона упражняются и в том но и прилежно настоять владельцы старание имеют в правосудии в силу положеннаго уложения, а подлые калмыки прилежание имеют к нужному и поспешному для калмык упражнению мастеровые наши люди серебряки, слесари, и

столяры, каждой своем художестве употребляется сверх того учение имеют как противу неприятеля стрелить из ружья и из сайдака а которые из ружья и сайдака стрелять непреобыкновенные люди то таковые подпоясывают сабли и берут дротики протчие же большая часть обращаются в воспитании и в преобретении скота и в наймах работы для коих берут пашпорты, бедные ж люди нанимаются у богатых в работники».

4. Хошутовский улус Тюменя Джиргалана: «С продающим товаром торговых людей у меня не имеется, самих же мы кроме валяния кошем, никакого ремесла не имеем, а для ношения теплую одежду употребляем, и скота своего овец мерлушчетые, и овчинные тулупы, и кошемные валеные чулки, а протчей потребной для нас товар покупается нами из Астрахани, скот продаем как в Астрахани, так и в протчих городах и теми вырученными деньгами исправляем свои надобности, духовные наши упражняютца навсегда, в учении грамоты и знании закона, владельцы разобрание судных дел имеют по своим калмыцким уложениям, и суды разбирают посамой сущей справедливости смотря по уложению, зайсанги и подлые калмыки склонную охоту более имеют к стрелянию из ружья и сайдака токож к лошединой верховой езде, живописцы старание всегда употребляют в написани наших бурханов, золотари и серебряки упражняютца во оправках седел, узд, сайдаков, ружей, и всего для калмык потребного, слесари делают стремена, удела, подпружные и чрезседельные пряшки, дротики к стрелам копыи, тож все что для калмыков пригодное. Бедные наши калмыки нанимаются в работы как в Астраханской купеческой рыбной канторе, так и у разных купцов, с сроками на три, и на четыре месяца и во весь год для которых работ пашпортов, ни откуда не получают а нанимаютца за поручительством только определенным от владельцев боодокчеев, с приложением их рук, по условленным договорам».

5. Яндыковский улус: «Торгов никаких не имеем, слесори кузнецы и плотники у нас имеются, духовные наши стараются для проповедания Закона и посвящается в оной в духовный чин, а протчие калмыки усердствуют в прошении о избежании жестоких стуж, болезней, скотского падежа, и о получении в будущей жизни вечного себе покоя. Для ж преобретения скота и дальних отъездов берем от владельцев своих письменные виды и нанимаемся в разные работы, то есть и неводам и сетям, и снастям в весельную работу и для присмотров в степи скота».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Калмыки торгов не имеют, для своего употребления покупают товар а оставшие за излишеством от того разбирают меж собой покупки чинят каждой по состоянию своего имени собственной свой скот продают по городам состоящим реке Волге в которые настоит скоту цена, золотари, серебряки, слесоря и плотники у нас имеются при откочевании имеют как о благоденствии пребывания всей временной жизни так и о жизни будущего века для приобретения скота и наемки в работы езда со взятыми пашпортами».

Отсутствие ярмарок в Калмыцкой степи достаточно много говорит о слабости торговых связей и торговли, что позволяет утверждать о достаточной степени натуральности калмыцкого хозяйства. Так и о том, что калмыцкие улусы еще не полностью вошли в экономическое пространство России.

1. Багацохуровский улус: «Ярманок никаких у нас не бывает а скот свой как приежающим купцам так и по городам продаем».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Подвластных же моих ярманок не бывает».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Ярманок никаких у нас не бывает».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Ярманак никаких у нас не имеетца».

5. Яндыковский улус: «Ярманок у нас не бывает».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «калмыки ярманок не имеют».

В шестнадцатом пункте имеются сведения о питании калмыков. Подытоживая ответы, данные нам составителями, можем отметить, что во всех ответах указывается на повсеместное употребление калмыками блюд из ржаной и пшеничной муки. Более того, настойчивые упоминания о покупках муки говорят о достаточно значимой роли указанного продукта в питании калмыков. Упоминание о покупках пшена достаточно ясно говорит о появлении в кухне калмыков каши. Несомненно, что это связано с развитием отходничества в Калмыцкой степи.

1. Багацохуровский улус: «Собственное ж пропитание имеем от собственного своего скота молоком, маслом, и мясом, сверх сего ж покупаем из ближних городов муку, и протчее для нас потребное».

2. Хошутровский улус Цагалая: «Владельцы старание имеют подвластных своих содержать в добром порядке а подвластные со испрошением у бога помощи каждой старается в воспитании своего скота».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «Собственное ж наше пропитание состоит следующем по поданным Ея Императорскаго Величества приезжающим для закупки купцами скот свой продаем а когда купцам приезд случиися малой, то по ярмонкам и городоам езда со взятыми пашпортами оной продаем и как оным так и скотским молоком имеем себе пропитание».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «Для употребления в пищу, пшеничную, и аржанную муку покупаем из Астрахани, а бедные наши калмыки в зимнее, в летнее, и во всегдашнее время для своего пропитания обращаются при купеческих ватагах, где от неводов во время тяг покупают леща и воблу и тем имеют себе питание».

5. Яндыковский улус: «По городам продаем собственной свой скот и тем имеем питание».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «Для собственного пропитания употребляют скотское мясо и молоко сверх того покупают у российских людей муку и пшено».

В данном пункте все составители указали, помимо перечисления особо знаменательных представителей животного мира, что калмыцкие лекари употребляют в лечении травы, но только хошутровский нойон Тюмень Джиргалан указал, какие именно травы используются для этого «шинген=ганди гара, дангун, дакша, дугма, нигн, аджик, и множество таких трав». Также он указывает на известные калмыкам растительные краски «красная краска ревень и тушид желтая краска».

1. Багацохуровский улус: «В кочевных наших местах, отменных древ нет, лекори наши для лекарства травы покупают из городов товаров никаких мы не делаем, а потому по краскам знать не знаем, в оных пребывающих нами местах имеется зверь волк, лиса, корсук, саидак, кабан и зайц, в степных местах имеются серые змеи, а близ рек черные змеи, серопестрые, желтопестрые, и желтые бабачки, а кроме сего отменного зверя птиц, змей и бабачек нам неизвестно».

2. Хошутровский улус Цагалая: «В кочующих мною местах отменных дерев никаких нет и не знаем. Травы в лекарство употребляем красок у нас некто не собирает, кроме

всем известного зверя — птиц, змей, козляков, и бабачек других никаких мы не знаем».

3. Дербетовский улус Ценден Доржи: «В кочевных калмыцких местах отменных дерев никаких не имеется. Калмыцкия лекоря наши трав в лекарство употребляют довольно, крашение красками никакого не имеем, отменных зверей, птиц, змей и бабачек никаких у нас не обретаются».

4. Хошутровский улус Тюменя Джиргалана: «отменной величины дерев никаких у нас не имеитца в лекарство употребляются травы шинген=ганди гара, дангун, дакша, дугма, нигн, аджик, и множество таковых трав употребляем в лекарство, из вестная ж нам красная краска ремень и тушид желтая краска. Из зверков имеютца суслик, землянные зайцы, мыши, большия и малыя змеи, ящерицы, лягушки, тарант паук, мурвейники, жук. Бабочки, слепни, пестрец, муха, камар, каромысл, неремеза».

5. Яндыковский улус: «В кочевных наших местах отменных дерев никаких нет, травы в лекарство употребляем, красками крашения никакого не имеем и кроме ж зверей птиц, змей, и бабочек других отменных никаких у нас не имеется».

6. Икицохуровский улус Цаган Кичика: «В кочующих кочевных калмыцких местах отменных дерев не имеется подлежащие в лекарство травы собирая употребляем. Кроме зверей оленя, лани, дикой свиньи, волка, сайгака, лисы и зайца других отменных птиц змей и бабочек не имеется».

В заключение следует отметить, что указанное описание является неоценимым источником для истории Калмыкии, благодаря содержащемуся в нем фактическому материалу. Топографическое описание подробно информирует исследователей о различных сторонах жизни улусов Калмыцкой степи: их географии, водных ресурсах, занятиях и быте жителей. Также составители топографического описания собрали экономическую и демографическую информацию.

Описание дает возможность уточнить внутренние и внешние границы Калмыцкой степи. В нем имеются сведения по особенностям территории региона, водным источникам и коммуникациям.

1.2. Описание калмыцкого народа, составленное для профессора П. С. Палласа

На протяжении всего XVIII в. в России велось целенаправленное изучение восточных народов, что в конечном итоге привело к формированию монголоведческой науки. В конце XVIII в. на службу российского государства поступили иностранные подданные: Г. Ф. Миллер, Е. И. Фишер, Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас и другие. Их труды стали основой для дальнейшего развития российского монголоведения. Среди всех иностранцев, работавших в России, одно из самых заметных мест принадлежит Палласу. Петер Симон Паллас (нем. Peter Simon Pallas; 1741–1811) — знаменитый немецкий и русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII–XIX веков, академик Петербургской Академии наук (с 1767 г.), член Лондонского королевского общества, Римской Академии Наук, автор книг «Путешествие по различным провинциям Российского государства», «Флора России», многочисленных трудов по зоологии, палеонтологии, геологии, ботанике и этнографии, основатель парка «Салгирка» и инициатор закладки Никитского ботанического сада в Крыму, отец русского промышленного винодела и изобретатель российского шампанского. Он 42 года прожил в России, занимая различные посты на российской государственной службе в области науки (с 1767 по 1810 г.) [Юргенсон 2011: 5].

В данной работе мы освещаем одну из малоизвестных сторон научной деятельности знаменитого ученого-исследователя П. С. Палласа как монголоведа.

Важной вехой в изучении калмыцкого народа является 1768 г., когда Санкт-Петербургская Императорская Академия наук организовала несколько научных экспедиций по изучению и описанию регионов Российского государства. Экспедицию Академии наук в 1768–1774 гг. в восточные регионы России возглавлял известный ученый Петр Симон Паллас. Маршрут его отряда из Петербурга проходил через Москву, Владимир, Поволжье, Оренбург, низовья реки Урал, южную часть Уральского хребта, Екатеринбург, юг Западной Сибири, по Алтаю и Саянам, через Иркутск, Байкал и по Забайкалью. На обратном пути Паллас должен был посетить низовья Волги и волжских калмыков. Экспедиция состояла из пяти небольших отрядов — трех в Оренбургскую губернию и двух в Астраханскую. Подготовка к экспедиции заняла год: только в июне 1768 г. Паллас со своим отрядом выехал из Санкт-Петербурга. П. С. Паллас руководил основным отрядом (1-м отрядом Оренбургской экспедиции) с 21 июня 1768 г. по 30 июня 1774 г. Отряд побывал в центральных губерниях, районах Поволжья, Прикаспийской низменности, Урала, Западной Сибири, Алтая, Байкала и Забайкалья.

Во время своей первой поездки в калмыцкие кочевья в 1769 г. П. С. Паллас вел путевой дневник, где записывал все, что входило в круг его интересов, в частности, различные сведения о калмыках [Han F. Vermeulen 2013]. Этнографические характеристики дополнялись рисунками с изображениями национальных костюмов и т. п. Несмотря на то, что значение представленных им сведений по истории и культуре калмыков трудно переоценить, основным их недостатком является фрагментарность и получение части их из вторых

рук. Первые свои наблюдения опубликовал профессор в 1773 г. в Германии [Pallas 1773].

В свой второй приезд на Нижнее Поволжье профессор П. С. Паллас, находясь в г. Царицыне, сознавая ограниченность своих сведений о калмыках, собранных в свой первый приезд, продолжил изучение калмыцкого народа. В январе 1774 г. он написал письма в Астраханскую губернскую канцелярию, в которых просил предоставить ему для экспедиции «выписки и ведомости» по следующим пунктам:

1. «Копии разных при калмыцкой экспедиции чайтельно находящихся родословных грамот о разных калмыцких владельческих племенах.

2. Обстоятельную ведомость о числе находящихся ныне между Доном и Волгою калмыцких разных улусов.

3. Всех тех улусов, которые с бывшим наместником ханства ушли в Зенгорию, сколько и каким владельцам они принадлежали.

4. В каких годах и наперед сего разные улусы дербетов, торгоутов и хошотов пришли в российское подданство на ияцкие и волжские степи.

5. Сколько разнаго звания калмык по разрушении Зенгорскаго владения и с какими владельцами пришли в подданство.

6. В каких годах и по каким обстоятельства кочующие ныне по Ахтубе кундуровские татары, и в Куманской степи живущие трухменцы калмыцким ханам достались. На каком основании были им подчинены, и в каком числе оные в калмыцкой орде находились» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 85. Л. 1].

Полученные письма академика Астраханская губернская канцелярия незамедлительно переслала в калмыцкий суд Зарго. Через непродолжительное время 8 марта 1774 г. судьи суда Зарго отправили в Астраханскую губернскую канцелярию следующее описание, составленное по указан-

ным пунктам. Так, отвечая на четвертый пункт, судьи калмыцкого суда Зарго писали: «Сказывают, что на Яик и на Волгу вышел прежде владелец Лоузанг а в котором точно году мы ни от кого ни слышали, да еще слышали от престарелых людей что Хо Орлюк и Дайчинг вышли на Волгу в 1630 году но точно ли в том году или нет неизвестны, ибо у нас калмык за неимением разных канцелярий летописцы хранились только у главных правителей народа каковые наместник при побеге с собою увез». В отношении шестого пункта было отписано, что «во времена Аюки хана мангышлакские трухменцы ему Аюки хану подати платили, суды и разправы им препоручено было от него хана чинить батырь тайдже хан же Церен Дондук в свое время посылал для взятия с них трухменцов податей Матаева Чисту, который оные собирая и привозил напоследок и хан Дондук Омбо по вышеписанному примеру в 1740 для взятия с трухменцов податей отсылал от себя Хошоучи тайджиева человека называемого Базар которой неприятелями на дороге убит, и при жизни вышеписанных ханов до хана Дондука Даши и сына его бывшего наместника Убаши из Мангышлака трухменцы по малому числу выезжали <...> уже здесь».

Отдельно судьи дали подробное описание кочевий, податей и повинностей туркмен и ногайцев находившихся в подчинении у калмыцких ханов: «До побегу калмыцкого народа подать брата (т. е. брать) была с каждой кибитки по зверю называемой корсак о чем о всем из трухменцов престарелые помнят, хан Дондук Омбо кубанского татарского мурзу называемого Азамат с сыном Хаблюю убив татар в восьми тысячах кибитках поселил у черных лесов, и взяв в аманаты шесть мурзинских сынов, из коих первенствующие были мурзы Сохор Араслан бека, и Тогона дети отправил ко двору Ея Величества из Высочайшей же Ея Величества милости повелено было ему Дондук Омбе с них татар соби-

рать подати себе, которые он с них по смете своей посылая за оными человека своего называемого Буура и получая, и упоая что о всем сем помнят оных татар старики о чем губернская канцелярия благоволила от них самих подлежащее к сведению отобрать. По смерти ж хана Дондука Омбы из оных татар большая часть переселилась на Кубань, а оставших небольшое число хан Дондук Даши яко брату ево помянутому хану Дондук Омбе принадлежащих переселил на Волгу мурз и Месоуса с товарищи многих мурз отправил в Казань, а подвластные им татары до побегу наместника Убаши оставались подвластными главным правителям калмыцкого народа, и упоая, что о сем хундровских татар старики если не забыли известны. Хан Аюка при разделе сыновьям и <...> там своим улусом трухменцов вместе в число Бага цохуров Дондук Омбо в надел отдал о чем и трухменские старшины известны».

Отвечая на пятый пункт, судьи писали, что «в 1758 г. вышло из Зенгории при зайсангах восем сот кибиток хан Дондук Даши яко неимеющих своих владельцев раскосовал по своим зайсангам, а бурутов по однозаконству соединил с трухменцами и наградя их скотом взятых от трухменцов, что ж касается до Деджита жены ево владелицы Олзе Орошихи и сына ево Теменя оные два или три года в кайсацком плену, вышли из онаго с тремя женска и двадцатью чело-веками холостыми и оные со всем до осмии сот не принадлежат в 1789 году владелец Шеаренг вышел в двух тысячах кибитках в том числе было разных младших владельцев о чем всяк о себе может знать, и по пришествии ево Шеаренга хан Дондук Даши каждому свое принадлежащее отдал что ж касается до дербетовых и хошоутовых улусов когда оные вышли мы неизвестны» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–6]. Что же касается первого, второго и третьего пункта, то калмыцкие судьи не смогли представить такие сведения.

9 апреля 1774 г. на основе описания судей Зарго и имеющих собственных сведений Астраханская губернская канцелярия направила профессору П. С. Палласу письмо, в котором указывалось:

«А по справке в Калмыцкой Экспедиции оказалось:

1. В разных калмыцких владельческих племенах родовных грамот по делам не отыскано, а есть обыкновенное родословие. Начало имеющее от владельца Хорлюка, который как по оному родословию значит, первый вышел в Россию в 1630 году, с 50 000 кибитками калмык из гор называемых по калмыцки Алтн улу.

2. За побегом в прошлом 1771 году изменника наместника Убаши со многими владельцами, и с большей частью калмыцкого народа ис российского подданства в китайскую сторону, осталось здесь таковых же владельцев и у них подвластных, как собственным к ним принадлежащих, таки в силу именного Ея ИВ высочайшего повеления вместо уведенных у них теми беглецами да и в награждение за верность после изменников беглецов наместника Убаши и владельцев калмыков, а имянно торгоутова роду у живущего в крепости Енотаевской Господина полковника князя Дондукова обще со братом своим ево Господином бригадиром князя Иной Дондуковым же кибиток 2592 дел в Санкт Петербург на пути умре, у Асархи в С.-Пб. отправленного в 789: у племянника ево Маши 321: у Арабджуровых родственников торгоутовых же владельцев братьев ево дву Санжилы и Баранга 14 у сына ево Арабджурова Нохоин Кобенева 33: Хошоутова рода у Замьяна, которой в том же 1772 году умре 817: у Теки 185: у племянника ево 25 зенгороского роду у Тюмена (Тюменя) 294: У Джиргала 50: Дербетева рода у главного Цебек Убаши находящегося ныне в С.-Пб. С родственниками ево владельцами Джала и Тундата ева сына 10, Дерги и протчих младших владельцев 4422 и так всех ныне разных

между Доном и Волгою калмыцких разных улусов находится 11258 (кибиток).

3. Сколько всех улусов с бывшим изменником Убаши ушло <...> никакого сведения по делам не находится. <...> по присланному в прошлом 1767 году от наместника Убаши к калмыцким делам <...> подвластных ево наместника и протчих владельцев кибиток и людей реэстру всего калмыцкого народа в том числе и разнаго звания и с татарами 41543 кибитки

4. В каких годах дербетевы и хошоутовы улусы, в российское подданство на яйцкие и волжские степи пришли, по делам также сведения не отыскано.

5. С Зенгории калмыков по разрушении Зенгорского владения вышло в российское подданство в 1758 году из Зенгории при зайсангах 800: в коем числе и татары называемые бурту» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–3].

Надо отметить, что полученные данные по истории калмыков академик не успел включить в свое монографическое исследование «Путешествия по разным провинциям Российской империи» [Паллас 1809], которые были введены в научный оборот позже.

Вне всякого сомнения, работы Палласа по исследованию народов России во второй половине XVIII в. стали началом планомерного изучения калмыцкого народа в последующие периоды. Описания и наблюдения Палласа истории и этнографии калмыцкого народа отличаются достоверностью и точное изложение. В его работах были дана краткая генеалогия калмыцких нойонов и численность калмыцкого народа. Материалы, полученные в ходе исследования территории Нижнего Поволжья Академической экспедицией под руководством П. С. Палласа, имели огромное научное и практическое значение для последующего изучения калмыцкого народа, которые не потеряли актуальности и в наши дни.

1.3. «Краткое описание об образе жизни калмык, тухмен, кумык и чеченцов» Главного пристава С. Л. Халчинского как источник по истории и этнографии

В отечественной историографии начало изучения народов Юга России в XVIII в. традиционно связывается с именами таких ученых, как И. И. Лепехин, П. С. Паллас и И. Г. Георги и других [Лепехин 1771; Паллас 1773; Георги 1799]. Однако изучение истории и этнографии народов Юга России в первой половине XIX в. неразрывно связано с деятельностью Российского государства по развитию более эффективного управления, что привело к тому, что российские военные и гражданские чиновники, в рамках своих должностных обязанностей, стали невольными исследователями истории и этнографии. Так, в 1811 г. в Калмыцкую степь пришел на службу в качестве «Главного над калмыками и тухменами пристава и надзирателя кумык и мирных чеченцов» подполковник Степан Лаврентьевич Халчинский, который также внес свой скромный вклад в изучение народов, населяющих Юг России [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128]. Уже 4 декабря 1814 г., ввиду своего преклонного возраста С. Л. Халчинский вышел в отставку, а на его место Коллегия иностранных дел определила «Главным Приставом к Калмыцкому и Тухменскому народам» статского советника Я. К. Ваценко [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 7]. Тем не менее за короткое время пребывания на своей должности С. Л. Халчинский успел составить *«Краткое описание об образе жизни калмык, тухмен, кумык и чеченцов в ведомстве Главного над калмыками пристава состоящих»*, которое хранится в Национальном архиве Республики Калмыкия [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 82–85об.]. Данное описание было написано 29 апреля 1811 г. для представления в губернское правление в г. Георгиевск.

Первый народ, ставший объектом исследования С. Л. Халчинского явился калмыцкий народ, о котором Главный пристав имел больше всего сведений. Так, он сразу дал краткое описание истории калмыков периода существования Калмыцкого ханства, указав, что «вышедший из Китая с лишком сто лет» калмыцкий народ «обитает по большей части в Астраханской губернии» и составляет из себя «три рода именно: торгоутовской, дербетевской и хошоутовской, из первого наперед сего были ханы, коими народ управляем был непосредственно, дела народныя зависели от самого хана и от суда их Зарго». Более детально С. Л. Халчинский стал рассматривать историю калмыков после 1771 г., когда «калмыцкий хан Убаши бежал в Китайскую сторону со всею почти ордою с лишком во ста тысячах калмыцких кибитках состоящаго», что привело к ликвидации Калмыцкого ханства. А «оставшее число кибиток после побега причислено было в ведомство Астраханское, и дела их по выбору членов от трех родов по одному зайсангу и со стороны короны двух чиновников разбирались Российскими законами и подносили на утверждение Астраханским губернаторам». Далее Главный пристав дал описание другого важного события в истории калмыков, когда в 1800 г. было восстановлено звание наместника Калмыцкого ханства и суд Зарго «по прозьбе Калмыцкаго народа блаженныя памяти Государем Императором Павлом Петровичем возобновлены по прежнему права их и учрежден для народного судопроизводства калмыцкой суд Зарго, из почетных особ состоящий для защиты и ходатайства в нуждах и делах» и был учрежден сам институт приставов калмыцкого народа, когда определили «к сему народу Главным Приставом» Н. И. Страхова [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 82–82 об.].

Готовя свое описание, Главный пристав сразу же затронул такую сложную проблему, как учет калмыцкого населе-

ния в конце XVIII – начале XIX в., для чего неукословно собирал списки о числе населения со всех калмыцких улусовладельцев [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11]. Получив такие сведения, С. Л. Халчинский писал, что «число Калмык простирается по поданным от них спискам до 14000 кибиток мужеска пола». Любопытно, что первый пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов указывал примерно такое же официальное число калмыцких кибиток (семей) — 14193 [Страхов 1810: 17], что может служить косвенным свидетельством того, что калмыцкие нойоны-улусовладельцы укрывали истинную численность калмыцкого народа. Испытывая некоторое недоверие к полученным цифрам С. Л. Халчинский писал, что, хотя «настоящего счета без воли вышней верховной власти сделать не можно», из слов «сторонних их же рода калмык предполагется число кибиток до 20000 кибиток». Соответственно, положившись на полученные устные свидетельства калмыков, он предполагал, что на самом деле «полагая примерно каждой из тех кибиток по 4 души мужеска пола, что составит 80000» человек.

Рассматривая же военную службу калмыков, Главный пристав писал, что после 1771 г. мобилизационные возможности калмыков серьезно уменьшились, отмечая, что «на службу из них командируются ежегодно на кардонную против киргиз кайсак стражу по 5000 человек одноконные и вооруженныя кои имеют при себе пику, ружье и саблю в большие же наряды могут быть сформированы не более 10000 человек, изключая оружия, котораго на сие число доставать у них не будет» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 83].

Весьма неглубоко в отличие от учета населения Главный пристав отнесся к вопросам религии, быта и хозяйства. Так, он написал, что «Закон их идолопоклоннической имеют по своей вере ламов /то есть Архиереев:/ попов и монастыри отправляют служение по их обряду; образ жизни их самой

простой и безопасной, главной промысел имеют в скотоводстве, конных табунах, овечьем стаде и рогатом скоте, которому по обряду вероисповедания их счету никогда не имеется». С. Л. Халчинский заострил внимание только на том, что калмыки свой скот «продают оной хорошими ценами приезжающим по весне в орды Российским купцам из разных губерний и другим частным людям а во все время года по примерному положению продается по крайней мере на «300000» руб.: в том числе верблюжья и овечья шерсть, которая ими употребляется на мену привозимаго в орды печенаго хлеба и калачей [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 83–83об.].

В завершение своего описания калмыков С. Л. Халчинский дал обзор территорий калмыцких кочевий: «Прастранства степей занимают Калмыки, начиная от города Царицына в низ по реке Волге до Каспийскаго моря, и от туда по реке Куме к городу Ставрополю и до границы Войска Донскаго примыкающей паки к Царицыну, что составит в окружной мере полторы тысячи верст, <...> земли по большей части солончаковый и трава где может производиться сенокосение есть по реке Волга, и Кавказской губернии в уездах Ставропольском и Александровском, где так же производить можно не только сенокосение но и хорошее хлебопашество» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 84].

Продолжая свое описание народов, С. Л. Халчинский следующим осветил положение туркмен, про которых писал, что «вышедшия из Мангишлака еще при жизни Государя Императора Петра 1-го в 750-ти кибитках, коих простирается теперь до 1000 кибиток». Также формально он подошел и к описанию жизни и быта туркмен, написав, что «исповедают закон Магометанской разбираются по делам своим старшинами по народному выбору; а по уголовным преступлениям отсылаются в Моздокский пограничный суд — по большей части заведывают их дела местныя начальники».

Кочуют туркмены, писал Главный пристав, «в зимнее время по правую сторону реки Кумы вместе с Караногайскими Татарами; а в летнее переходят в след за калмыками на их кочевья, и движение имеют во все время лета за ними, повинности несли они досель содержанием почтовой гоньбы по астраханскому тракту» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85]. Рассматривая современное положение туркменского народа, он писал, что «ныне по высочайшей имянной его императорскаго величества воле причислены к калмыкам, исправляют наравне с ними кардонную службу и делают наряды в генеральной поход в случаях надобностей, живут противу протчего кочевого народа гораздо опрятнее». Здесь Главный пристав почему-то особо выделил характер народа, негативно отозвавшись о туркменах: «народ рачливой и сварливой», видимо исходя из каких-то своих личных причин. В отношении хозяйства он писал, что «промысел имеют так же в скотоводстве по большей части в верблюдах, конном табуне, и овечьем стаде, которыя продают приезжающим из российских Городов Российским Купцам выгодными ценами, но на какое количество неизвестно», потому что они, отмечал Главный пристав «по большей части имеют с Киргис Кайсаками в городе Гурьеве мену на вещи как то ковры, шелковые материи и тому подобные мелочи, коими украшают себя и дома свои» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85об.].

Совсем кратко С. Л. Халчинский рассмотрел зареченские народы. Так, он писал, что «Кумыкския жители расположенныя за рекою Териком при подошве Кавказских гор, состоят в трех больших деревнях Андреевской, Аксайской и Костюковской, в которых числится 4100 домов они исповедают закон Магометанской управляемы их владельцами и разбираются по делам их народным в судьях называемых МАХКЕМА. Народ вообще военной и трудоспособный, в хлебопашестве сеют по большей части пшеницу, ячмень и

возят на продажу Кизлярским жителям (когда были разрешены карантинны:) теперь же доставляют к Лашуринскому карантину, один таркал для виноградных садов на котором произрастают ветви плода сего, меняют оной здешним жителям на холст, бурмет и прочие вещи для человеческой одежды нужные до себя прихаживали они в Кизляр, для найма в работы по садам и сенокосениям и тем самым цена для Кизлярских жителей в наймы рабочих была соразмерной, но как теперь карантин за Терик, то лишены они сих способов» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85]. Далее он описал жителей Брагунской и Деевлигиреевской деревень, которые были расположены «в вершинах реки Сунжи состоит первая из трехсот а последняя из пятисот домов. Люди тамо живущия на таком же ... основании как и Кумыки, и тех же прав Магометанских, имеют подобное хлебопашество, и справливают на продажу в город Кизляр по реке Сунже впадающую в реку Терик разной строевой лес, исключая соснового и ... для садов Кизлярских» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85].

И завершал свой текст С. Л. Халчинский непродолжительным описанием чеченского народа: «Заключают <они> в себе тридцать семь деревень в которых числится 3115 домов, исповедуют Закон Магометанской, и разбираются в делах своих по подобному порядку — в духовном их судьи Махамы». Далее он отмечал, что «народ вообще военной и хищный, склонность большую имеет к воровству и грабёжам, что нередко причиняет границам нашим вред, жительство их за рекою Сунжею противу Наурской казачей станицы, имеют хлебопашество для жизни человеческой, в прочем же народ бедной сеют очень мало, а конских табунов вовсе нет. На все заграничные народы имеет особенное влияние главное в здешнем крае начальство, управляется с ними военною рукою, и берет в безопасность шалостей ими производимых Аманатов, кои находятся теперь в Науре под

надзором тамошнего шефа» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85-85об.].

Таким образом, находясь на службе в Калмыцкой степи на протяжении недолгого времени, подполковник С. Л. Халчинский выявил и систематизировал достаточно большой круг источников, чем расширил границы изучения истории и этнографии народов Юга России начала XIX в. «Краткое описание ...», во многом имеет достаточно схематичный характер и наполнено субъективными оценками, но в его работе отражены быт и нравы с точки зрения современника. Также в описании указаны территории расселения в начале XIX в., приведены статистические сведения о количестве населения, скота и многом другом, что дает нам один из первых опытов анализа истории, этнографии и социально-экономического положения народов Юга России. В отличие от ученых-исследователей народов Юга России, которые зачастую могли не критично относиться к официальным статистическим данным, он, будучи администратором, который непосредственно участвовал в сборе таких сведений, имел возможность сравнивать с настоящим положением дел.

1.4. «Краткое описание Калмыцкого и Трухменского народов» Я. К. Ваценко

Изучение истории и этнографии народов России в до-революционный период во многом было связано с прагматичными целями государства по развитию более эффективного управления. Соответственно, в XIX в. первыми исследователями истории и этнографии калмыков стали главным образом российские военные и гражданские чиновники. В длинном ряду различных администраторов, служивших в Калмыцкой степи, необходимо назвать имя Якова Кирилло-

вича Ваценко — Главного пристава калмыцкого и туркменского народов, который также внес свою лепту в изучение истории и этнографии калмыков.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится «Краткое описание Калмыцкого и Тухменского народов» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11–24], составленное Главным приставом калмыцкого народа Я. К. Ваценко. В основу данного описания легли материалы, собранные им во время его непродолжительной службы в Калмыцкой степи, которые дают ценные сведения по истории и этнографии калмыков и туркмен. Причем, в работе Я. К. Ваценко мы находим не только наблюдения, но и попытки объективного исследования названных народов.

Известно, что статский советник Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию в качестве Главного пристава калмыков и туркмен в 1814 г., после ухода со службы подполковника С. Л. Халчинского. Примечательно, что на службу в калмыцкие степи прибыл представитель высшей номенклатуры Российской империи². К сожалению, нам не удалось обнаружить формулярный (послужной) список Я. К. Ваценко, поэтому основные вехи его жизни так и остались неизвестными. Однако, рассматривая данные из разных источников, мы можем указать дату его рождения. Так, в рапорте статского советника от 20 февраля 1825 г., к тому времени назначенного на должность генерального консула в Тегеране, на имя генерала А. П. Ермолова, упоминалось: «Я в 60-ти-летней своей жизни не претерпел столько, сколько здесь в течение семи месяцев» [Акты 1875: 303]. То есть, мы можем считать, что Я. К. Ваценко родился в 1765 г. Также известно, что при рождении автор «Описания» не принадлежал к дворянскому

² Статский (гражданский) советник занимал в «Табели о рангах» 5-е место и мог занимать должности вице-губернатора, вице-директора департамента и председателя казённой палаты.

сословию, о чем говорит тот факт, что он был жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство только после получения чина статского советника.

До своего появления в приволжских степях статский советник служил в Коллегии иностранных дел (КИД). Коллегия иностранных дел же и определила «Главным Приставом к Калмыцкому и Трухменскому народам» Я. К. Ваценко на место уходящего со службы подполковника С. Л. Халчинского «Во исполнение имянного Высочайшего его Императорского Величества повеления, данного сей Коллегии за собственноручным его Величества подписанием в 4-й день декабря прошлаго 1814 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 7]. Сам Я. К. Ваценко прибыл в Калмыкию много раньше, по указу № 4086 Коллегии иностранных дел от 27 октября 1814 г. Штатное жалование ему было определено в размере 2000 рублей [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. Учитывая его возраст, надо отметить, что, несмотря на высокое жалование, служба его была довольно тяжела — ведь все лето он должен был кочевать вместе с Судом Зарго по калмыцким улусам [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 2 об.–14об.; 25–26].

17 января 1815 г., почти сразу по приезде его в Калмыцкую степь, он получил указ № 94 Коллегии иностранных дел, где в числе прочего ему вменялось в обязанность составить и прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и трухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описание сим народам» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113]. Однако приступить к работе по сбору «сведений о всех калмыках и трухменцах» Я. К. Ваценко в 1815 г. так и не смог, о чем он с раздражением сообщал в своем рапорте от 8 декабря 1815 г.: «Имею честь донести, что прибыв к исправлению настоящей должности нашел я штат сей состоящий по большей части из людей неспособных и худого

поведения до такой степени, что нет возможности употребить их к какой либо должности, дела предместников моих разбросанные и самом крайнем беспорядке, многие из них разтеряны по причине что хранимы были безо всякого призрения в кульках и без всякой описи» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 25–26]. На все безуспешные просьбы нового пристава к подполковнику С. Л. Халчинскому о своевременной сдаче дел он получал только многочисленные отговорки о том, что «оныя приводятся в порядок и в скорости будут ... зданы». Только 31 августа 1815 г., находясь в служебной поездке «в Ордах» (т. е. в калмыцких улусах), титулярный советник Павлов — секретарь Главного пристава, письменным рапортом от 31 августа сообщил ему, что все дела «предместников моих приведенные в законный порядок приняты им во всей исправности». После получения этого известия Я. К. Ваценко сразу же разрешил выдать аттестат КИД подполковнику С. Л. Халчинскому о выходе в отставку. Можно только представить всю степень раздражения пристава по отношению к титулярному советнику Павлову, когда, вернувшись из поездки, он «нашел дела хотя с генеральною описью по годно связанные, но без всякого порядка», причем, многие из них были неполные [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

8 декабря 1815 г. Я. К. Ваценко составил рапорт, в котором сообщал, что, «найдя таковую неисправность и запущение в делах, кою нет возможности привести в законный порядок тем паче, что многие разтеряны, я долгом поставлю Государственной Коллегии Иностранных дел донести, что я за дела предместников моих отвечать никак не могу, а буду понуждать сего штата Секретаря Павлова привести их в возможный порядок, за которой он должен отвечать, тем паче что он в сей должности состоит с 1800 года» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 26].

Сознавая все сложности, сопряженные с налаживанием работы на новом месте, КИД долгое время не тревожила пристава с составлением «Описания». Лишь 4 сентября 1816 г. на имя «Главного при калмыках и трухменцах» пристава Я. К. Ваценко прибыла «канцелярская цыдула» (фр. *письмо, послание*) из Коллегии иностранных дел, датированная 11 августа 1816 г., в которой ему вновь напоминалось, что по указу КИД от 17 января 1815 г. ему предписывалось прислать «обстоятельное сведение о всех калмыках и трухменцах вообще с показанием их улусов и Владельцев, и из какого числа Кибиток все оные состоят ныне, а равно сделать описание сим народам». В записке указывалось, что КИД до сих пор не получила описания и настоятельно рекомендовалось представить сведения в непродолжительном времени [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 113].

Я. К. Ваценко, к тому времени уже вошедший в курс дел, составил описание калмыцкого и туркменского народов в непродолжительное время. Уже 20 сентября 1816 г. Ваценко отправил в КИД две ведомости калмыцкого и туркменского народов и краткую записку о «сих двух народах со всеми сведениями, кои я могу об оных приобрести». Свое оправдание столь длительной задержки он обосновывал «разстройством Дербетевского улуса», которое долго не получало своего разрешения [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 5].

В 1816 г. произошло событие, которое повлияло на дальнейшее пребывание Я. К. Ваценко в калмыцких степях. 6 апреля 1816 г. вышел рескрипт Александра I о назначении генерала А. П. Ермолова командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии — проведения скорейшего

разграничения земель между Ираном и Россией, согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г. 9 января 1817 г. Я. К. Ваценко подал рапорт гражданскому губернатору Степану Андрееву, в котором просил увольнения от занимаемой должности на двадцать восемь дней для поездки в Санкт-Петербург [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9]. После его поездки в Петербург, где он встречался с новым управляющим КИД графом К. В. Нессельроде, Я. К. Ваценко стал задумываться уже о службе на новом месте — в Персии. 4 сентября 1817 г. он получил указ КИД о том, что «во исполнение Высочайшего Имянного Указа Императорского Величества, данного сей Коллегии за собственноручной Его Императорского Величества подписанием, в 3 день минувшаго июля месяца ... Главнаго Пристава при Калмыках и Трухменцах, Статскаго Советника Ваценка, повелеваем считать при делах оной Коллегии ..., а на место его определить Надворного Советника Смолина» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 9].

За свою недолгую службу в качестве Главнаго пристава калмыцкого и туркменского народов Я. К. Ваценко невольно стал одним из исследователей истории и этнографии калмыков и туркмен. Его труд «Краткое описание Калмыцкого и Трухменскаго народов» был продуктом своей эпохи и, несмотря на его описательный характер, является ценным собранием материалов.

Само описание калмыцкого народа составлено в довольно свободном стиле. Первое, на что обратил внимание Главный пристав, так это на численность калмыцкого народа — 14288 кибиток (семей). Касаясь такой сложной проблемы, как численность калмыков в конце XVIII – начале XIX в., Я. К. Ваценко упоминал, что указанную численность калмыцкого народа он составил, исходя из списков, поданных улусовладельцами, которые были собраны еще его предшественником подполковником С. Л. Халчинским.

Сам пристав затруднялся дать точное число калмыцкого населения, ибо, писал он, «калмыки будучи разсеяны зимою и летом на довольно пространной Дикой Степи, изчислить или примерно положить их число невозможно». Ко всему прочему Я. К. Ваценко ссылался на существование некоего указа КИД, который прямо запрещал проводить перепись калмыцкого населения. Однако уточнить год и номер указа КИД он не мог [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 11]. Тем не менее в процессе создания «Описания» пристав постоянно требовал со всех улусов ревизские сказки³. И здесь деятельность Пристава по переписи калмыцкого населения, несомненно, завершилась бы успехом, если бы не непреодолимое препятствие в виде разразившейся междоусобицы в Дербетском улусе, из-за которой и сам владелец улуса Эрдени тайши Тундутов не знал точного количества кибиток в принадлежащем ему улусе.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что, даже не определив точной численности калмыцкого народа, Я. К. Ваценко в отличие от своих предшественников и других чиновников высказал предположение о том, что на самом деле число калмыцких кибиток «простирается до 30 тыс. если не больше». Свое предположение он основывал на тщательном изучении документов своих предшественников. Так, если в прежних ревизских сказках аймаки состояли из 20–30 кибиток, то при судебных тяжбах нередко выяснялось, писал Я. К. Ваценко, что указанные аймаки насчитывали 100 и более кибиток [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 12]. Это во многом коррелируется с тем, что заявленная им численность калмыцкого народа никак не менялась в течение 15 лет, так,

³ Ревизские сказки – поимённые списки населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи.

еще первый пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов указывал примерно такое же официальное число калмыцких кибиток (семей) — 14193 [Страхов 1810: 17].

Я. К. Ваценко особо отмечал, что при вступлении должность, следуя инструкции КИД, он предложил Суду Зарго «зделать наряд 500 человек на кордонную стражу против Киргиз-Кайсаков»⁴. Этим он немало озадачил членов Суда Зарго, которые вообще не имели об этой страже ни малейшего сведения: как оказалось, все предшественники Я. К. Ваценко сами занимались нарядом кордонной стражи, не обращаясь в Суд Зарго [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11об.]. Обращение же к самим владельцам вызвало с их стороны ряд писем, в которых они жаловались на непомерный в сравнении с другими улусами наряд. Желание же Суда Зарго разложить наряд по точному числу кибиток каждого улуса опять-таки натолкнулось на препятствие в виде междоусобиц в Дербетском улусе, из-за чего ревизские сказки были неполными.

При описании сложившейся ситуации в Дербетском улусе, который оказался «разстроен», Я. К. Ваценко возлагал всю вину на вдову Бакбут, которая, «подмая» большое число кибиток, несколько лет назад откочевала за р. Зегерлик в Донские пределы, «кои не только не повинуются Владельцу Эрдени Тайши Тундутову, своим Зайсангам, кои находятся при сем Владельце, но равно и местного начальства не признают, и посылаемым к ним для убеждения к законному повиновению, выгнали побоями» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 11 об.–12].

Большое внимание Я. К. Ваценко уделил описанию кочевий и скотоводства калмыцкого народа. Так, он писал, что «можно полагать наверно, что они (калмыки) имеют разного скота до двух миллионов поголовьев». Одним из первых

⁴ *Киргиз-кайсаки* – устаревшее название казахов.

Главный пристав отметил наиболее насущную проблему калмыцкого народа в XIX — начале XX в.: сокращение пастбищных территорий в результате их захвата оседлыми народами. В приведённом им примере часть калмыцкой земли была «присвоена без малейшаго права помещиком Надворным Советником Ребровым, а остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии. Составляющими отменныя селения». Рассматривая будущее калмыцкого народа, когда территория кочевий неуклонно сокращалась в результате крестьянской и помещичьей колонизаций, пристав впервые обратил внимание, что этот факт обуславливал последующие кризисные явления в кочевом хозяйстве у калмыков. Например, разбирая ситуацию с захватом калмыцких земель, Я. К. Ваценко писал, что если калмыки не были бы «столь притесняемы со всех сторон, и есть ли б они имели достаточный водопой, то могли бы иметь вдвое <больше> скота» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12].

Описывая ситуацию с кризисом кочевого хозяйства у калмыков, пристав отметил, что калмыки «не занимаются хлебопашеством, или чем другим, кроме скотоводства». Однако тут же указал на появление новых тенденций в хозяйственно-бытовом укладе степняков и уточнил, что «Торгоутовские и Хошоутовские Калмыки обнищальные от падежа скота, разврата, и разоренные не предвидимыми случаями, как то: отнятием и отгонами скота, и находясь по близости Астрахани, нанимаются на Рыбные промыслы по Каспийскому морю, и по реке Волге, на ломку соли и в табунщики к Россиянам, Армянам и Татарам». В свою очередь, писал он, «Дербетовские такого же рода Калмыки, кочующие к Кавказской Губернии и Донским пределам, нанимаются у поселян пахать землю, жать хлеб и косить сено; чем единственно и пропитываются». Завершая свое описание калмыцких земель, Я. К. Ваценко упоминал, что для перевода калмыков к

оседлой жизни «если Правительству угодно будет *заняться* сим народом, то весьма дешево и легко можно было поселить их по реке Куме на Зегерлик и по Сарпе к Царицыну; ибо при сих только реках земля способна к хлебопашеству, остальная же состоит из глины и песку» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 12 об.–14 об.].

Я. К. Ваценко представил и краткий обзор социальной структуры у калмыков. Владельцы, писал он, «управляют своими улусами, состоящими до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых, на правах помещичьих». При этом он особо отмечал, что если первые две категории податного сословия, албату и шебенеры, зависят от «Зайсангов и Хурулов (монастырей)», то абганеры непосредственно подчиняются улусовладельцам. Он также заметил, что за «важные преступления» владельцы имеют право отнимать аймаки у зайсангов и передавать их родственникам, а за неимением их «посторонним достойным людям, по их усмотрению». Однако продавать аймаки улусовладельцы не имеют права [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 14 об.].

Рассматривая налоги и повинности податных сословий у калмыков, Я. К. Ваценко обратил внимание на их неопределенное состояние и связанные с этим произвол и самоуправство калмыцкой знати при сборе податей. Так, он писал, что «Владельцы и Казенные улусы делают раскладку ежегодно на подвластных своих, некоторым разорительным образом». Разорительность объяснялась тем, что улусовладельцы на собственные расходы нередко занимали деньги у донских помещиков и у купцов из волжских городов большие суммы, под неслыханно большие проценты — от 30 % до 60 % и даже до 100 %. «И по сей единственно причине, — писал Я. К. Ваценко, — налоги бывают часто тягостны». Помимо самих нойонов, зайсанги, писал при-

став, «коим положено брать с аймашных своих не более двух рублей, берут более, и сверх того некоторое количество разнаго скота для доения и на зарез» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15].

«Описание» Я. К. Ваценко содержит ряд ценных идей и наблюдений в связи с религиозными представлениями у калмыков, которые уточняют и дополняют свидетельства других современников. Так, описывая буддийские верования у калмыков, сам Я. К. Ваценко называл калмыков идолопоклонниками, уточняя: «... по словам их (т. е. калмыков), множество бурханов, кои все составляют одного Бурхана (Бога). По словам их, они имеют их по разным предметам там, как то было в древние времена у Греков и Римлян». При описании калмыцких «бурханов», которых ставят «на столах, покрытых материями или коврами», пристав обращал внимание на особенности ритуального угощения «дееджи», когда в качестве подношения перед ними ставилось несколько серебряных «стаканчиков», в один из которых насыпаются разные семена, а в «другие, при питии Калмыцкаго чая или чигана (кислое молоко) наливают онаго для Бурханов; а при обеде и ужине ставят перед ними чашку с вареною бараниною» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 15 об.].

Особый интерес у пристава вызывает обряд буддийского богослужения. Как описывал автор, он состоял в следующем: «по утрам по всем хурулам, Гецуль (Дьякон) сзывает на молитву трубою, куда собираются Гелюнгы, кои обошед несколько раз Калмыцкую кибитку, в коей поставлены Бурханы, входят в оную, поют молитвы, а при том играют на разных инструментах, как то: на трубах предлинных, литаврах, рогах из больших раковин, и тому подобных инструментах». Затем, писал Я. К. Ваценко, буддийские священнослужители в той же кибитке «пьют там чай, курят трубки и обедают». Отдельно автор замечал, что миряне никогда не

заходили в хурульную кибитку для молитвы, «но обходят ее несколько раз в круг, и всякий раз падают на землю перед дверьми, а потом целуют войлок оной» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16].

Продолжая описание религиозных представлений у калмыков, Я. К. Ваценко опирался на свои личные наблюдения. Так, он замечал, что «калмыки, сколько я заметил, народ суеверный; они предоставляют Гелюнам молитвы за них, а в замену того делают подавание в хурул или деньгами, или скотом». Особо пристав указывал на большое количество людей «духовнаго звания» по отношению к остальному населению. Часто присутствуя на калмыцких праздничных мероприятиях, пристав заметил, что почти половину из приехавших к хурулам на богослужение составляют сами священнослужители (гелюнги, гецули и манджики). В этот день, писал Я. К. Ваценко, «гелюнги сидя поют молитвы часа два», а миряне совершают обход «в круге выставленного, на двух столбах нарисованнаго Бурхана, как Мадрегген, Зункубай и проч.». Обстоятельное освещение получили пищевые ограничения во время поста, который, как писал пристав, бывает у калмыков три дня в месяц, «коих в году бывает: три года сряду по 12-ть, а в четвертый 13 лунных месяцев, то есть 8-го, 15-го и 30 числа». Пост заключался в том, что в эти дни было запрещено резать скот [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 16 об.].

В «Описании» емко показаны зарисовки традиционного быта и материальной культуры кочевого населения. Так, пристав писал, что «жизнь Калмыков вообще умеренная. По утрам редко кто из них не пьет Калмыцкаго чая ... Около полудня едят вареную баранину, а потом пьют бульен под названием шулюна. В вечеру же повторяется таковая же пища; ибо другой они не знают и не любят». Предельно рациональный образ жизни кочевника, обусловленный

нехваткой природных ресурсов, вызывал недоумение у Я. К. Ваценко, который в этом видел в этом только невежество и «дикость». Вызывает интерес тот факт, что, позитивно воспринимая «умеренность» калмыцкого образа жизни в питании, автор негативно воспринимал все остальные производные кочевой жизни. Так, он с пафосом отмечал, что «народ сей неопрятен и нечист до крайности», а нехватку водных ресурсов он трактовал как суеверие: «они считают за грех мыть котлы или другую посуду, коей имеют весьма мало, а потому в одном котле варят чай, потом мясо, потом рыбу, а после опять чай». Описывая одежду калмыков, автор отмечал ее простоту: «летом белая бумазея самая простая составляет вообще их одежду». Любопытно, что упоминая повседневные мужские калмыцкие головные уборы — овчинные шапки, пристав замечал, что верх у них обычно из желтого сукна (а не красного, как обычно считается) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 17–18].

Рассматривая образ жизни кочевого народа, Я. К. Ваценко никак не мог пройти мимо описания верховой езды. Он отметил, что «всякого возраста, даже малолетные, ездят верхом ... можно сказать, что они родятся на лошадях». Особое удивление у пристава вызывал тот факт, что женщины, родившие ребенка, могли уже на другой день ездить верхом. Описывая в свою очередь калмыцкий менталитет, автор отмечал, что «калмыцкий народ вообще горяч, но не мстителен и добродушен». А судебные тяжбы, писал пристав, заканчиваются обычно тем, что они мирятся «по общему согласию, что весьма замечательно» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19–19 об.].

Сильно разоряли калмыцкий народ, по мнению пристава, «болезни и похороны». Это было вызвано тем, что «при сих случаях Гелюнги, кои также единственные их лекари, настоятельно требуют деньги и скот для Бурхана». Сам при-

став находил странным, что и сами буддийские священнослужители нередко разорялись при таком лечении. Пристав даже описывал основной способ лечения самых тяжелых больных, которые находились при смерти. Так, калмыцкие врачеватели для удержания «души» умирающего «возле больного день и ночь поют молитвы и играют на инструментах». Описывая это лечение, автор с иронией замечал, что «кто богаче, тот более таковым лечением бывает мучим» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 19].

Описывая семейную жизнь у калмыков, пристав сообщал, что «супружество их (т. е. калмыков) непрочно: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую». Также пристав отмечал широкое распространение фиктивного похищения невесты в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большие затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих, и назначить день брака, коих очень редко в году бывает, а потому пользуются они воровским бракосочетанием, которое в большом употреблении между ими» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 19–19 об.].

Завершает пристав свое «Описание» похоронным обрядом у калмыков. Здесь Я. К. Ваценко отмечал, что «знатных и богатых сожигают, посредственных погребают, а бедных — оставляют на поверхности земли на съедение волкам, собакам и хищным птицам». При этом способ похорон зависел от дня рождения и смерти покойного [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 20].

Лишь последний и весьма небольшой по объему раздел автор посвятил краткому описанию туркменского народа.

В целом Я. К. Ваценко, сочувственно описывая калмыцкий народ, усматривал его находящимся в весьма бедственном состоянии. Последующее изучение «Описания»

калмыцкого народа сотрудниками КИД привело к тому, что 4 декабря 1816 г. Астраханский гражданский губернатор Степан Семенович Андриевский получил письмо из Коллегии иностранных дел, в котором сообщалось, что из полученного описания становится известным, что «в Дербетевском улусе продолжают разстройства, произведенныя вдовою Бакбут; что калмыки стеснены по недостатку удобных мест для скотоводства; что они нуждаются даже в водое по причине присвоения большей части степи Надворным Советником Ребровым и заселением остальной части поселянами Кавказской губернии. Не меньшим притеснением можно почесть отгоны Калмыцкаго скота Донскими казаками, и захваты онаго делаемые поселянами Саратовской, Астраханской и Кавказской губерний, так же содержание калмыков в тюрьмах для вынуждения денег, где они от стесненного воздуха весьма часто умирают». «О таковом бедственном положении сего народа Коллегия долгом своим поставляет отнестись к вашему Превосходительству, и просить вас, войти в разсмотрение описываемых Г-м Ваценком обстоятельств; о разпоряжении же, какое заблагопризнаете учинить по сему предмету, ее уведомить» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 3–3 об.].

Таким образом, находясь на службе в Калмыцкой степи на протяжении всего четырех лет (1814–1817 гг.), опытный администратор Я. К. Ваценко показал себя и как кропотливый исследователь, который сумел выявить и систематизировать большой круг источников, чем немало расширил границы изучения истории и этнографии калмыцкого народа. Несмотря на присущую всем краеведческим трудам первой половины XIX века известную описательность, Я. К. Ваценко смог представить первый серьезный анализ социально-экономического положения калмыцкого народа. В труде добросовестного чиновника отразились нравы и быт

калмыцкого народа, указаны места кочевок в начале XIX в., приведены важные статистические сведения о количестве кибиток, скота и многом другом. Ценность труда возрастает в связи с тем, что это описание принадлежит очевидцу и участнику событий.

Глава 2.

Среда обитания, экономика и этническая культура

2.1. Система традиционных кочевий у ойратов в XVIII – первой половине XIX в.

С давних времен кочевое скотоводство было распространено в особой географической среде (лесостепи, степи, полупустыни, пустыни). Природно-климатические условия Центральной Азии обусловили существование кочевых обществ. Степные, полупустынные пространства в течение многих тысячелетий были идеальной нишей для развития традиционного пастушества. Уже в первом тысячелетии н.э. полукочевое и кочевое скотоводство закрепляется в качестве господствующей отрасли экономики на степных, полупустынных и пустынных территориях Евразии. Кочевой тип хозяйства складывался в условиях резко континентального климата, слабой обеспеченности атмосферными осадками и водными источниками. Особенности географической среды определили для ойратов меридиональный тип кочевания. Как отмечал Н. Э. Масанов, «фундаментальной особенностью кочевого хозяйства являлось круглогодичное содержание скота на подножном корму» [Масанов 1995: 65].

В традиционном кочевом хозяйстве всегда существовала зависимость от природных условий. Скотоводство ойратов во многом основывалось на сезонных кочевьях, которые позволяли наиболее оптимально распределять кормовые ресурсы для обеспечения скота. А. Гомбожапов писал, что именно «хрупкая экосистема степных пространств Центральной Азии обусловила высокую степень экологичности культуры номадов, проявляющейся в развитом комплексе духовных ценностей и системе воспитания, ориентированных на бережное отношение к природе, рациональное использование пастбищ» [Гомбожапов 2009: 131].

В начале XVII в. на территорию Прикаспийских степей прибыли последние кочевники Европы — ойраты. Обосновавшись в районе Волги и приняв в середине XVII в. подданство России, ойраты со временем стали известны как волжские калмыки. Они вытеснили ногайцев в низовья Волги и стали кочевать в районе рек Орь, Яик, Илек, Самара. Оказавшись оторванными от других родственных ойратских народов, калмыки не потеряли традиций кочевого хозяйства. Как только в течение 40–60-х гг. XVII в. калмыки утвердились на территории, которую впоследствии занимали, они создали свою систему маршрутов перекочевок и распределения пастбищ по сезонам, нарушаемую только в экстремальных случаях. Кочевки калмыков проходили строго по определенным территориям, когда выделялись определенные территории с наличием корма для скота, воды и укрытий для скота в зимнее время.

Образование на новых территориях кочевого ойратского государства — Калмыцкого ханства позитивно повлияло на развитие системы сезонных миграций калмыцких улусов. После прихода калмыков на Волгу первым этапом формирования территории Калмыцкого ханства в составе Российского государства стали переговоры 30 марта 1657 г. у Ку-

тумовой реки под Астраханью. По мнению П. С. Преображенской, 1657 год окончательного принятия калмыками русского подданства [Преображенская 1963: 3]. Шерть 1657 г. установила первые, пусть и расплывчатые, границы кочевий – «по крымской стороне до Царицына, по ногайской – до Самары» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1657. Л. 7]. Несомненно, что определение шертью 1657 г. территорий узаконенных калмыцких кочевий является одним из признаков складывавшейся государственности.

Формирование Калмыцкого ханства и определение его территории привело к формированию в конце XVII в. постоянных территорий летних и зимних кочевий улусов. Это было обусловлено, прежде всего, условиями кочевого государства, когда необходим был постоянный надзор за рядовыми кочевниками в целях предупреждения самовольных откочевок, бегства или их захвата неприятелем. В калмыцких улусах и аймаках установился порядок, по которому каждый калмык-простолюдин должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в своем улусе. Данные указания вытекали из политики властей по ограничению и полному пресечению свободы передвижений податного населения. С образованием ханства главным собственником всех кочевий стал хан, который единолично распределял пастбищные угодья среди своих нойонов. Каждый год он утверждал территории кочевий того или иного улуса и доводил до сведения владельцев улусов через их представителей.

Особо надо отметить, что сезонные перекочевки у калмыков происходили в меридиональном направлении, как и у всех кочевников Центральной Азии. Весь скот круглогодично находился на подножном корме, перегоняемый с места на место по мере скармливания трав на ближних пастбищах. Характерно сообщение на этот счет торгутского нойона Му-

кукена конца XVIII в.: «В зимние три месяца в разсуждении стужи находимся мы в теплых местах на Куме реке, а в летние три месяца по озерам и снеговым водам, в осенние же три месяца по копаням и реке Волге кочевье имеем единственно для своей выгоды и пропитания скотского» [Цит. по Батмаев 2002: 273].

Об устоявшемся порядке кочевания сообщал в 1730 г. руководитель Калмыцких дел В. П. Беклемишев, который доносил по инстанции, что Черен-Дондук «кочует на устье Кумы подле Каспискава моря для того, чтоб у Дасанга занять места в Мачагах, понеже оные места изо всех мест привольнее как скотцкими кормами зимою, также и пропитании рыбою, и надеюсь у Дасанга с Черен-Дондуком за вышеписанные места будет не без ссоры для того, что оными еще при хане (Аюке) всегда владел отец Дасангов Чапдержап [Батмаев 2002: 275].

В июне 1758 г. хан Дондук Даши оповещал руководителя Калмыцких дел Н. Г. Спицына: «Слышу я, что Бамбаровы улусы пришли к урочищу Харабали, в которых местах я кочую в осеннее время, и если они те места, где мне кочевать подлежит, вытравливать будут, то не весьма пристойно. Прошу их с тех мест сослать, а я, как вам небезизвестно, кочевье имею на низ только до крепости Енотаевской, а они ниже оных мест к Селитренному городку и до урочища Ордилика свободно кочевать имеют».

Между тем решающую роль играло не только хозяйственное значение кочевий, но и политическая ситуация. Участие калмыцких войск в войнах России часто вынуждало калмыцкие улусы переходить на нагорную сторону р. Волги¹. Особое внимание российское правительство стало уде-

¹ В российской историографии устоялось положение, когда у рек один берег назывался нагорным, а другой луговым. Соответственно условные названия территорий по берегам р. Волги: нагорная — правая сторона и луговая — левая.

лять кочевкам калмыцких улусов после большого «набега» в 1703–1704 гг. крымского хана Селима I Гирея (Хаджи Селим Гирей) с войсками в районы Царицына, Пензы, Симбирска и Саратова. После набега крымских татар власти решили усилить охрану южных границ и для обеспечения безопасности приняли решение направлять калмыков отдельными группами в приграничье. Так, в феврале 1703 г. к тайшам Баахану и Батырю, кочевавшим на земле войска Донского, из Москвы была послана грамота, где указывалось, что «впредь будут посланы к крымским местам, людей своих на стороне веле- но держать по небольшому числу, а многим людям там быть и кочевьями жить не велено» [Шовунов 1991: 138].

Однако главной причиной перехода улусов на нагор- ную сторону р. Волги на протяжении всего XVIII в. служи- ли русско-турецкие войны. Так, в преддверии войны с Ос- манской Портой, 5 сентября 1710 г. казанский губернатор П. М. Апраксин встретился с ханом Аюкой на р. Даниловка, где были подписаны статьи «О подданстве хана Аюки со своими тайшами и людьми его Российскому государству» [Полное собрание законов Российской империи 1830]. Пра- вительству было необходимо сосредоточить силы поближе к театру будущих военных действий, что также нашло от- ражение в договорных статьях. Хан клятвенно пообещал, что «по его великого государя указу ноне будущей осенью пошлет к Дону против Монацкого городка, который неда- леко от Черкасского, калмык с двумя тайшами с Чеметом Батыровым, да с Четерем Мункотемировым сыном кочевать 10 000 человек, и велит им кочевать от реки Дона в днище и на двух реках Салу и Манычу до весны» [Полное собрание законов Российской империи 1830].

Следуя пунктам договора 1710 г., калмыцкие улусы на зиму стали перекочевывать на нагорную сторону Волги для защиты русских поселений от нападений. Сложившийся по-

рядок кочевков впоследствии закрепился как постоянный, о чем в марте 1722 г. турецкий посол Миралем Мустафа-ага сообщал, что калмыки «повсегодно ... под видом зимованья на их турецкую сторону переходят, на подданных турецких ногайских татар и на абазинцев и на черкесов нападения чинят и великие грабежи и обиды приключают» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 20].

Объективно между Калмыцким и Крымским ханствами не было острых политических и экономических противоречий, которые могли бы стать причиной войны. Однако наличие острого и неразрешимого конфликта между Россией и Османской Портой резко меняло ситуацию. Для достижения своих внешнеполитических целей правительства обеих стран сталкивали кочевые государства друг с другом, вовлекая их в свои конфликты. Примечательно, что власти Калмыцкого ханства сознавали это и даже ввели пункт на этот случай в совместном мирном договоре: «и когда русские с Турцией начнут войну и он (Аюка) с крымцами не будет в миру» [Новолетов 1884: 9].

Данная система кочевков, когда зимой кочевали на нагорной стороне реки Волги, а летом на луговой стороне, наглядно была представлена на съезде владельцев для присяги наместнику ханства Церен-Дондук 20 сентября 1724 г. вместо умершего хана Аюки. На съезде владельцы признавали, что «они зимою боятся кубанцев, а летом киргис-кайсаков» [Бакунин 1995: 45, 47]. Но были и исключения, так, в марте 1727 г. для защиты от нападения кубанского султана Салат-Гирея все калмыцкие улусы снова перекочевали на луговую сторону и перегнали свои табуны [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 149]. Благодаря этим мерам калмыцкие улусы остались недосягаемыми для кубанцев. Когда Салат-Гирей с кубанским войском вторгся на территорию Калмыцкого ханства, то он не смог напасть на калмыцкие улусы, так как не имел

возможности перейти Волгу, которая уже вскрылась ото льда. В результате весеннего похода кубанского нураддина Салат-Гирея, калмыцкие улусы находились на луговой стороне р. Волги вплоть до осени 1727 г., когда калмыки перекочевали на нагорную сторону и стали готовиться уже к ответному походу [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 152, 323].

Отдельно надо указать, что наиболее заметно проявилась зависимость калмыцких кочевков от внешне- и внутриполитических причин в начале июня 1732 г., когда калмыцкий нойон Дондук–Омбо увел подвластные ему улусы на Кубань. По данным В. Бакунина, под его властью находились Цохоровский (до 10 тыс. кибиток), дербетовский Четерев (до 2 тыс. кибиток) улусы и около 3 тыс. ханских кибиток. Откочевка калмыцких улусов произошла из-за нежелания хана Церен Дондука пойти на компромисс с непослушным нойоном, совместного кочевания с которым он опасался, а также при поддержке Крымского ханства и Турции. Уже в мае крымский хан Каплан-Гирей разрешил калмыцким нойонам привести свои улусы на Кубань, где им отвели пастбища на крымской стороне. Однако земельная теснота в Прикубанье, где значительные пространства занимали пашни местного населения, сразу же привела к конфликтам с ним. Дондук–Омбо получил разрешение оставаться на Кубани, при котором крымский хан не признавал калмыцкие улусы своими подвластными, но в то же время не доводил дело до насильственной «отсылки». При этом численность калмыков на Кубани непрерывно увеличивалась. В 1734 г. отряды Дондук-Омбо привели на Кубань багацатановский улус Даши-Бирюнь (2000 киб.). Тогда же к Дондук-Омбо примкнул Эркетеневский улус (около 3000 кибиток). Последним кто перекочевал на Кубань, стал улус Дорджи Назарова. Зимой 1735 г. последний, не известив астраханскую администрацию, перепра-

вил улус на нагорную сторону и прикочевал на Кубань. Таким образом, к февралю 1735 г. группировка калмыцких улусов на Кубани представляла собой большую часть населения ханства, которая находилась на территориях, слабо пригодных для кочевого скотоводства. В целях преодоления междоусобиц в Калмыцком ханстве и возвращения калмыцких улусов на места их прежних кочевий было принято решение назначить Дондук–Омбо новым ханом. 14 ноября 1735 г. Дондук–Омбо встретился на реке Сарпа с астраханским губернатором И. Измайловым, который провозгласил его наместником ханства.

Зависимость калмыцких кочевий от внешнеполитических факторов приводила к тому, что Калмыцкое ханство фактически становилось заложником русско-турецких отношений. Во время русско-турецких войн калмыцкие улусы были вынуждены кочевать на нагорной стороне. Так, в 1769 г., ввиду войны с Турцией, правительство задержало все улусы на нагорной стороне Волги. От бескормицы, вызванной чрезмерной скученностью улусов, случился большой падеж скота. Весной 1770 г. наместник и владельцы стали усиленно добиваться разрешения перехода на луговую сторону. Передавая их просьбы Н. А. Бекетову, И. А. Кишенской счел долгом засвидетельствовать, «что они от удержания их прошедшим летом на горной стороне и от многого скота их упадка разорились..., а если удержать их и далее здесь, совершенно всего своего скота лишиться и в конечное разорение притти могут» [Батмаев 2002: 281].

Губернатор приказал ответить наместнику, что весной «скотские корма» на обеих сторонах Волги одинаковы, и до жарких дней о луговой стороне «и помышлять нужды не стоит». Наместник, ознакомившись с письмом Н. А. Бекетова, разъяснил И. А. Кишенскому: хотя довод губернатора о равноценности весенних пастбищ на обеих сторонах и ве-

рен, но на луговой стороне они нужны только для летнего времени, а на правой нужно сохранить их и для зимы. Если же здесь траву весной вытравить, то к осени она, хотя и поправится, «однако ж в том к прокормлению скота никакой прочности нет» [Цит. по Батмаев 2002: 281].

О последствиях нарушения хорошо приспособленной к сезонным условиям системы кочевания говорят письма нойонов и связанная с ними переписка администрации, относящаяся к 80-м гг. XVIII в.: нужно помнить, что к этому времени резко уменьшились и численность калмыков, и количество принадлежащего им скота. Как видно из рапорта губернатора М. М. Жукова от 28 января 1785 г., нойоны в своих письмах обрисовали рассмотренную нами систему кочевания. Далее они указывали, что с некоторых пор калмыки не допускаются на луговую сторону, а на нагорной стороне «на Кизлярской дороге от Астрахани учреждены почты, а по Куме-реке, по Томузлову и по сую сторону Дона поселились российские люди, а по Волге казачьи станицы, которыми до прежних кочевных мест не допускаются, а кочуют от начала весны и до глубокой осени в степи по копаням, отчего самого приключаются скоту болезни и происходит немалой падеж, чрез это калмыцкой народ приходит в бедность и несостояние, и если де они впредь на сих же местах навсегда кочевать останутся, то чрез недолгое время могут притти и к службе государыниной неспособными».

В системе сезонных перекочевок существовали в XVIII в. исключения из правил. Они относятся к дербетским и табун-отоковым Доржи Назарова улусам. Первые почти постоянно кочевали по р. Сал. и р. Маныч, а вторые постоянно располагались в волжско-яицком междуречье. Объяснялось подобное обстоятельство тем, что дербетские нойоны часто конфликтовали с калмыцкими ханами, а улус Доржи Назарова выполнял роль заслона против возможных набе-

гов казахов. Однако и эти улусы совершали на занимаемой территории сезонные меридиональные перекочевки, зимой спускаясь к югу, а летом поднимаясь севернее.

Одним из первых детальное сведения по системе традиционных кочевий калмыков дал наместник ханства Убаши в 1767 г. в «Описании мест кочевий в зимнее и летнее время всего калмыцкого народа» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 390. Л. 104–104 об.]. Так, наместник подробно указывал: «Великой государыни подданные калмыки в каких местах в летнее время кочевье свое имеют. А имянно: наместник ханства Убаши начав от Сассыколя идет вверх по Волге. И есть ли корма бывают хорошие, летует в рынах². Ежели ж худые, то доходят до трех речек имянуемые Тарлык, а по збытии воды вниз по Волге до крепости Енотаевской. От трех речек называемых Тарлык далее вверх болшие и малые цоохоры, дербети, хошоутовы владелцы Тукчи, Эрмпель, мои подвластные бакшин шабинеры, цаатаны, цойджингин шабинеры. В летнее время кочевье свое имеют в урочищах Топ Ту, Цаган Амане, Зегенеке, Иогисе (йогиса), Ялане, Биозинге, Хара Сале и Реписпе, Цахате, Харгакте, Бизулаке, Агулаке. И доходят даже до Самары».

Отдельно наместник указал места кочевий табун-оточковых улусов: «Бамбар с своими родственниками в летнее время кочевье свое имеет от Самары вниз по Яику в урочищах Цеаджи, Цагане, Гашуне и доходит даже до урочища Усек. От урочищ Юзень и Усека, подле морских кос, даже до Астрахани в летнее время кочевье имеют мои подвластные Шакур ламины шабинеры, хутухтуин шабинеры, керети, владелцы Яндык, Эмеген Убаша, Моомоту, Бусурман тайджи, Бирю Хашха, Шеаренг, хошоутовы Замъян и Гунге Балжур».

² Рын-Пески — массив песков в Прикаспийской низменности, на водоразделе рек Волги и Урала.

В зимнее время писал Убаши: «Мои подвластные керети, запсары, Шакур ламаин шабинеры, хутуктуин шабинеры, ранжибайн шабинеры, владельцы Яндыкъ, Эмегень Убаша, Бусурманъ таджи, Моомуту, Бирю Хашха, Шеаренг, хошоутовы Замъян и Гунге Балжур кочевье имеют по всем мачагам по Куме до Кизляра, в всех по Тереку до Моздока».

Также наместник отмечал калмыцкие улусы, кочующие на правом берегу р. Волги: «От устья Сарпы по всемь рекамъ вышедшим из Дону, по Манычю, Бибале, Донгусле, Ашиле, Хурале даже до Моздоку в зимнее время кочуютъ обои цоохоры, дербеты, хошоутовы владельцы Тукчеи, Эрмпель, мои подвластные цаатаны, бароны, бакшинъ шабинеры, цойджингин шабинеры. Кочуютъ и в другихъ кроме вышеписанныхъ местахъ смотря на состояние времени» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 390. Л. 104–104 об.].

В конце XVIII в. сведения данные наместником Убаши были дополнены профессором П. С. Палласом, который во время своих путешествий побывал в Калмыцкой степи и оставил следующие записи: «Калмыки со стадами своими зимою кочуют в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря, но всегда в некотором отдалении от реки Яика, при которой тогда кочуют киргизцы, их вечные неприятели. При Каспийском море имеют они довольно камышу для употребления вместо дров и снегу там выпадает столь мало, что скотина сама находит себе корм на полях. По наступлении весны подаются они помалу к северу и стараются в то время, когда Волга уберется в свои берега, и оставляет в лощинах богатый корм, сыскать холмистые и ключами изобильные места в средней степи; и кроме вышепомянутого степного хребта славны песчаные холмы, Ринпески называемые, о коих ниже упомянуто будет, да еще богатая ключами страна Калмыков Сон Худол, то есть сто ключей проименованная. Калмыки ищут для кочевания та-

ких ключами изобильных мест, в коих растет осока, а наипаче тростник. Да и конечно там выступает вода из земли, естли только выроют несколько футов глубиною. В так называемых Ринпесках вода стоит в выкопанных колодезях почти на ровень с краями: да и есть такие места, в коих находится солоноватая вода [Паллас 1809: 481–482].

Решающей датой в радикальном изменении системы сезонных миграций калмыцких кочевий стал 1771 г. Зимой этого года большая часть калмыцких улусов откочевала из пределов Российской империи в Джунгарские степи. Оставшиеся на берегах Волги калмыки были лишены своей государственности и вошли в состав Астраханской губернии. Все это не могло не сказаться на изменении территорий калмыцких улусов. Основной причиной изменения системы кочевий стал запрет на переход на левый берег р. Волги, наложенный российской администрацией из-за опасения ухода оставшихся калмыков в Джунгарию. В 1779 г. калмыцкий суд Зарго на запрос из калмыцкой экспедиции, «где которой владелец с подвластными своими кочует», сообщил следующее: «Подвластные господина полковника князя Дондукова кочуют ухвостья реки Сарпы к Волге в степи позади Черного Яра и позади крепости Енотаевской в степи по колодцам. Подвластные владельца Маши кочуют в урочище Зосоту Шиира и от урочища Яшколь по Ергенинским ширям. Владельца Цендена дербетевы калмыки кочуют от нижняго конца донской Царицы, по донским ширям, по Салу, даже до Маныча. Умершаго владельца Яндыка кочуют от нижняго конца речки Кумы, по Мачагам, и по сию сторону Джурука. Подвластные владельца Тюменя от урочища ... Цека, и от колодцев Хулхуту до речки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 155. Л. 437].

Подробные сведения о сложении новой системы кочевий после 1771 г. дают архивные материалы. Так, в Наци-

ональном архиве РК хранится дело «Топографическое описание Астраханской губернии. О правах на владение улусами Яндыковским и Багацохуровским» от 4 января 1784 г. [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179]. Данное мероприятие «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» проводилось как часть топографического описания Российской империи «для собственного Ея Величества употребления». 23 апреля 1784 г. астраханский губернатор М. М. Жуков разослал письма с просьбой о предоставлении сведений о географическом положении улусов с приложением вопросника всем улусным правителям Калмыцкой степи (Маше, Цаган Кичику, Тюмену, владелице Битюке с правителями, Цагалаю, Цагану Кичику, зайсангам Багацохуровского улуса и в калмыцкий суд) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 145].

Наиболее ответственно к сбору сведений о топографическом описании калмыцкой степи отнеслись зайсанги правители Багацохуровского улуса (бывшего владения полковника князя А. Дондукова), которые сообщали: «Во исполнение высочайшего ЕИВ соизволения ... к сочинению топографического описания, требуются сведения на что сим доносим». Так, сообщалось, что «в летнее время» калмыки Багацохуровского улуса кочуют от берегов р. Волга до урочища Сарпы, также и вдоль колодцев, а в зимнее время улус кочуют по урочищам от Гашун Коля вниз по ухвостью реки Кумы, даже до «урочища называемого Кюзюк». Правители особо отмечали, что «Сарпинское и Гологонское два озера, оные естли зима бывает велико снежна то в них воды довольно а когда сниги малые тогда в летнее время воды почти не бывает» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 150].

Хошутровский владелец Цагалай сообщал: «Подвластных моих калмык кочевые и пребывающие места ровные и чистые. В зимнее время зимуют при реке Куме по урочищу

Гахаин Гаталгану при которой реке выше имеется лес, а противу нас где имеем зимовье камыши и вода не очень большая и мало быстрая в вешнее время выкочевывая из оных переходим полужем от снегов натекающих до реки Сарпы которая имеет камыши и не весьма большее озеро откуда кочевье имеем про речке Вязовке и по берегу Волги. Оная река течение имеет быстрое и пространное где имеется лес ветла, осокор, дуб, вяз, тальник, торн и яблонник а от оной реки Волги в осеннее время кочуем по колодцам называемых Элясту худук, Бурату худук, Тоосту худук, и Бузогон худук, чрез которые доходим к Куминскому урочищу Гахаин Гаталгану и во все четыре время пребывания мы имеем по вышереченным местам» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 154].

Дербетовский владелец Ценден Дорджи указывал: «Кочевье мы имеем по речкам протекающим из Дону в которых местах гор не имеется, ровное место и более крепкая земля тож и влажных мест нет земля черная а гор при оных местах никаких не имеется оные же речки называются Манца то есть Маныч течением выходит из Дону вода оной горькая и в ней земля тинестая для переезду чрез оную переправных мест мало ширины имеет близ одной версты самые ж неширокие оной места по примеру сказать как на два перестрела из саидака стрелою длиною, имеет оная от ухвостья до вершины верховой езды не менее четырех дней в летнее время». Надо отметить, что Ценден Дорджи указывал на такой любопытный факт: «В летнее время вода бывает горькая, а потому при оной и летовать никак не можно, а в зимнее время когда бывают снеги потребляя оной вместо воды при ней зимуем». Далее он писал: «Мы издавно кочевье свое имели при речках протекающих из Дону называемых Маныч и Салу, Курмояровском ... Есауловском ... Мишкове, Донской царице, и Карповке а ныне по оным местам от ухвостья в верх до половины войска Донскаго казаки поделав

кутора произвели землешество, и содержат свой скот и от того притеснения кочевье имеем по вершинам оных речек». Помимо прочего владелец указывал, что «еще ж мы кочевье имеем по урочищу Эргенинским ширям по нагорной стороне и от рынка высакого называемого Монг Хамара вниз до рынка ж каменистаго называемого Таш Бурум, Эргенин ширинские речки, кои воды горькие и места болшой частью пещаные, при коих есть довольно родников, а от того Таш Бурум называемого рынка к стороне реки Кумы подходя к вершине речки Маныча, перерывается по примеру верстах в четырех а близ оной болшие красные воды и еще имеем кочевание по нагорной стороне реки Волги с неболшим числом подвластных моих калмык собственным своим домом и с самой весны до осени во все летнее время пребывание я имею по Ергеней ширям по донским речкам и по берегу реки Волги ..., не имеется, в зимнее время пребывание имеем, по Куме, Манычу, по Карагоню, Минату, Хазак, Гююдук по Маджарам, по урочищу Дугурин Шара, Тохую, и до Байвалы распространяемся кочевьями по Куме и Карагоню [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 158].

Владелец Хошеутовского улуса Тюмень сообщал, что калмыки его улуса кочуют по нагорной стороне р. Волги, а также по луговой стороне [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 166].

Зайсанги-правители и владелица Яндыковского улуса Битюка сообщали, что «бывшего владельца Яндыка жены ево владелицы Битюки подвластные калмыки во все четыре время состоящие кочевные места а имянно, урочища называемое Бай Кюцюк при оном болшой пролив, от онаго на одну кочевку урочища Джурук от Журука на одну кочевку урочище Башлу, от Башлы на одну кочевку Жиджили, от Жиджилей на кочевку Шурали, от Шурали на кочевку Шюргюту, от онаго на одну кочевку Тернек, от Тернека Ал-

багату на одну кочевку от Алабагуты Джанбыш, от онаго урочища Кюзюко на одну ж кочевку, от Кюзюксоя Уксюн Бюрю, от Усюн бюрюка Ханби, оных же мест вода от самаго Байкюцюка до урочища Шурали течение имеют из Волга а от Шюрготы до урочища Ханби реки течение имеют из моря в верх от урочища Хайби на одну кочевку урочища называемое Адака Хорин худук, от онаго в верх на одну ж кочевку место называемое Зунду Хорин, выше онаго бугора называемой Эргю Тологой». Затем, указывались такие места как «бугор называемой Барга Боро Тологой блих онаго колодцы от онаго по левую стиорону в полутора кочевках Гашун колодец, от онаго вниз на одну кочевку *Хаирцаклу* колодец, ниже онаго чрез кочевку Хорин колодец от онаго ж в верх Гашун колодец выше сего чрез одну кочевку Харгаиту колодец, от онаго по левую сторону чрез кочевку Удугу колодец, ниже онаго верстах в пяти Саинцан колодец, от онаго близ кочевки Кюшюту колодец, в верх от онаго чрез кочевку Госту колодец, ниже сего на кочевку Кисту колодец, а ниже онаго чрез кочевку Хара Худжир колодец. От онаго вниз чрез кочевку ж Шоро колодец, выше онаго на кочевку Юндюр гелюнгин худук, в верх онаго Малзаран колодец, от онаго в верх чрез одну кочевку Таган колодец, кочевье имеем во оных кочевных нами местах имеется урочище называемое Забан длинные разбугорья земля ж ровная и буярачистая, глинистая, и пещаная смешенная [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 177].

Наконец, владелец Икицохуровского улуса Цаган Кичик извещал: «Кочующие подвластных моих калмык места ровные ... кочуют по нагорной стороне берега реки Волга от урочища называемого Хакшакту вниз до Колоновского займища и по берегу оной реки имеющим островам и лесам по Сарпе Голгою Эргенинским ширам Киитун Булуке урочищах Ороке, Хорине Тосте, Малзараке, и по Баш Мачагин-

ским местам от куминского урочища называемого Джиланга до ухвостья оной реки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 181].

Некоторые данные можно найти в архивных документах за 1785 г., когда астраханский губернатор М. М. Жуков собирал данные о местах кочевий калмыков. Так, «калмыцкого диалекта» ученик Андреев своим рапортом сообщил: «А дома оных владельцев Маши, и Цаган Кичика прикочевали на копани Гашун и Бузгу Худука которая урочище расстоянием от реки Кумы в верстах десяти, куда завтрешнее число ... и покочуют, и намерение имеет владелец Маши переправится ... чрез Куму в урочище Солто откуда и имеет прикочевать всем своим к Колпичьеву озеру, владелец Цаган Кичик намерение имеет кочевать прямо на Куму на урочище Хазак» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 202. Л. 15].

Другой «калмыцкого диалекта» ученик Степан Горшков сообщал, что «Владелица Битюка с некоторыми Яндыкова улуса правителями ставкою располагается по сю сторону малой Барги, при Чагцахан худуке. А протчие Яндыковы улусы кочевье имеют по разным местам вершинам Мочагинским до Албагату, и в степи по худукам до большой Барги» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 202. Л. 25].

К началу XIX в. окончательно установилось деление калмыков на 9 улусов, которое просуществовало с небольшими изменениями до начала XX в. Миссионер П. Смирнов, прожив долгое время среди калмыков, пришел к выводу, что «XVIII в. при калмыцких ханах место для кочевий отдельных улусов распределяли члены Зарго во главе с ханом, а после ликвидации ханства каждый улус кочевал в специально отведенных местах». Кроме закрепленных за каждым улусом территории, было еще общее кочевье, которым на равных правах пользовались скотоводы всех улусов. Говоря о распределении этой территории, П. Смирнов писал, что «при занятии местностей, более удобных для выпаса скота,

должны были случаться столкновения» между хотонами, но «этого не бывает: кочевки совершаются в порядке». И «каждый улус знает свой определенный район для кочевок» [Смирнов 1881: 42].

В середине XIX в. Н. Нефедьев констатировал, что «в продолжении весны, лета и осени, начиная с первых чисел февраля до половины ноября, народ калмыцкий на одних местах не держится более недели, останавливаясь при худуках (колодцах), коими испещрены все степи. Когда травы в окрестностях худука истребляются, тогда владелец ... дает заметить, что скоро надобно откочевать в другое место». «К осени же все улусы занимают для зимовки постоянно одни места, а именно: улусы Эркетеневский и Яндыковский между заливом Каспийского моря, близ почтовой дороги от Астрахани к Кизляру; Екицохуровский, Харахусовский, Эрдени–Кичиковский и Малодербетовский при реках Куме и Маныче; Багацохуровский и Хошоутовский при реке Волге по обеим сторонам, первый выше Енотаевска, а последний между Енотаевском и Астраханью и наконец Большедербетовский при реках Калаус и Среднем Егорлыке в пределах Кавказской области» [Нефедьев 1834: 112, 114].

Более детально рассматривал систему калмыцких кочевий К. И. Костенков, который одним из первых отметил, что «расположение калмыков на летних кочевках представляет три более или менее широких полосы, от севера к югу. Первая полоса, с запада, по Эргеням, параллельно границе земли Войска Донского, занята кочевьями калмыков Малодербетовского улуса, ставка которого, с зимняго постоянного пребывания, в 4 верстах от станицы Тундутовской и в 70 верстах от колонии Сарепты, переходит на урочище Аршань-Зельмень, в 40 верстах к югу от зимней ставки, а хотоны располагаются по вершинам балок восточного и западного склона Эргеней».

Вторую полосу, писал К. И. Костенков, «к востоку, занимают кочевники Эркетеневского и Икицохуровского улусов. Первый из них, Эркетеневский, обыкновенно располагается на зиму в юго-восточной части калмыцкой степи, близ Састинских озер, в Мочагах, и преимущественно около Белого озера, где находятся дома зимней ставки улуса, в летнее кочевье следует по худукам или копаням: Балбарха, Джанай, Бархайн-Боро, Меклете, Адык, Санзыр, Яшколь. Здесь калмыки этого улуса раскочевывают по разным направлениям Эргениевских покатолей, а ставка, следуя на урочище Элисту, остается в кибитках постоянно, в течение целого лета, близ лесной плантации в балке Элиста. Икицохуровский улус прежде зимовал около Можарской соляной заставы, по ильменям или разливам р. Кумы, где даже были устроены дома зимней улусной ставки ... С постоянным уменьшением в р. Куме воды, а вместе с тем хороших трав и камышей, а равно с проведением в 1860 году новой границы между Ставропольской и Астраханской губерниями, когда отошли лучшие земли к Ставропольской губернии, улус этот начал располагаться на зиму близ озера Яшколь, на крымском тракте, вокруг Састинских озер и по долине Маныча. На летнее время ставка заведующего улусом помощника попечителя располагается близ озера Джамтыр или Шара-Олгота, а хотоны, рассыпаясь по степи, следуют далее к северу до озера Цаган-Нур и по балкам у подошвы восточного склона Эргеней; оставаться близ озер Саста или Яшколь невозможно, вследствие множества оводов, комаров, слепней и других насекомых, которые не дают покоя ни людям, ни животным, а кроме того окружающая у озера местность сохраняется калмыками в запас для зимних пастбищ».

Третью полосу, к востоку, вплоть до берегов реки Волги и границ селений занимают кочевники Харахусо-Эрде-

ниевского и Багацахуровского улусов. «Харахусо-Эрдениевский улус составлен из некогда бывших двух улусов Харахусовского и Эрдени-Цаган-Кичиковского. Первый, т. е. Харахусовский, зимует в Мочагах, а Эрдениевский остается частью в степи близ худуков: Кешете, Аким, Оргочко и других, а частью зимует по займищам р. Волги. Общее управление этими соединенными улусами, или улусная ставка, помещается на зиму в домах, устроенных в селении Промысловом на линейном тракте (в 132 верстах от Астрахани), а на лето переходит к северу по худукам: Джеджилин-Тенгуту, Уту-Усун, Ара-Малзрык, Орьгочко, Кешете, Эрхан-Боро, Верхний Киитын. В одном из этих двух последних урочищ улусная ставка остается на все лето, а калмыки располагаются по окрестным худукам. Калмыки Богацохуровского улуса зимуют большею частью на луговой стороне р. Волги, против станиц Копановской и Ветлянки и селений государственных крестьян Черноярского уезда, в займищах и на островах р. Волги, покрытых кустарниками и лесом; здесь же, на луговой стороне реки, зимуют постоянно все хурулы с духовенством, которое имеет несколько деревянных домов, и кроме того здесь построен деревянный храм (хурул, Сюме). Зимняя ставка улуса помещается в домах на нагорном берегу р. Волги, на половине расстояния между казачьими станицами: Ветлянской и Копановской. На лето калмыки и духовенство их переходят на противоположный берег (нагорный) р. Волги и занимают земли между границами селений и станиц, расположенные на этом берегу, а ставка, помещаясь в кибитках, переходит на все лето на урочища Кюрегин-Боро или Эмчин-Боро, в 50 или 70 верстах от зимней ставки. Хошоутовский улус кочует постоянно на отведённых ему землях: летом в луговой стороне р. Волги, а зимой по займищам по правому берегу реки в степи, западнее дач

казачьих станиц Дурновской, Лебяженской и Замьянской и селений государственных крестьян Енотаевского уезда. Ставка этого улуса летом и зимою находится постоянно на левом берегу р. Волги, в 90 верстах выше г. Астрахани, где находятся дома и другия хозяйственные заведения владельца этого улуса Тюменя, а также большой каменный молитвенный дом и несколько деревянных изб, принадлежащих духовенству. Калмыки Яндыковского улуса, за исключением небольшой их части Багутова рода, около 500 кибиток, кочующей постоянно в степи, остаются летом и зимой по берегам ильменей (заливов) волжской дельты и западному берегу Каспийского моря, сливаясь с калмыками, кочующими в Мочагах. Большая часть калмыков этого улуса занимается на рыбные промыслы и солеломные работы. Ставка Яндыковского улуса остается постоянно на месте в Яндыковском селении на линейном тракте, в 123 верст, от г. Астрахани» [Костенков 1863: 98–99].

К. И. Костенков также подтверждал наличие уже устоявшейся системы кочевий, когда писал, что их места (кочевья), издавна распределенные «безобидно между калмыками», не изменяются «без особого заявления о том народа» [Костенков 1863]. Это подтверждалось статьей № 245 «Положения об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г., в которой говорилось: «нойонам — владельцам, опекунам и правителям вменяется в обязанность назначить места и время для перекочевок и распределить между аймаками и хотонами своего улуса земли и угодья» [Полное собрание законов Российской империи]³. Следовательно, можно предположить, что после ликвидации Калмыцкого ханства распределение внутри улусных кочевок перешло в руки нойо-

³ Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом (23 апреля 1847 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXII. 1. Отд. № 21144.

нов-улусовладельцев или назначенных правителей. В дальнейшем административный контроль за распределением кочевков осуществлялся уже улусными попечителями согласно статьям № 221, № 228 того же Положения.

Большое влияние на систему традиционных кочевий оказало сокращение территории калмыцких улусов. На протяжении долгого времени калмыки не испытывали особого недостатка в территории, кочуя от предгорий Северного Кавказа до Самары с юга на север и от Урала до Дона с востока на запад, но с течением времени в результате крестьянской и помещичьей колонизаций земель юга, постройки в 1717 г. Царицынской укрепленной линии и создания Волжского казачества территория кочевий существенно сократилась, что обусловило последующие кризисные явления в кочевом хозяйстве в XIX в.

Таким образом, скотоводство волжских калмыков во многом было основано на сезонных кочевьях, которые позволяли наиболее оптимально распределять кормовые ресурсы для обеспечения скота. Образование Калмыцкого ханства и определение его территории привело к формированию в конце XVII в. постоянных территорий летних и зимних кочевий улусов. Это вызывалось необходимостью постоянного надзора за рядовыми кочевниками в целях предупреждения их самовольных откочевков, бегства или их захвата неприятелем в условиях кочевого государства.

С образованием ханства главным собственником всех кочевий стал хан, который единолично распределял пастбищные угодья среди своих нойонов. Каждый год он утверждал территории кочевий того или иного улуса и доводил до сведения владельцев улусов через их представителей. После ликвидации ханства в 1771 г. распределение внутриулусных кочевков перешло в руки нойонов-улусовладельцев или на-

значенных правителей. С 1847 г. в дальнейшем административный контроль за распределением кочевков осуществлялся уже улусными попечителями.

Большая часть калмыцких улусов кочевала в междуречье Урала и Волги, за исключением дербетских и табун-отоковых улусов. При этом большое значение придавалось не только хозяйственному значению кочевий, но и сложившейся политической ситуации. Так, участие калмыцких войск в войнах России часто вынуждало калмыцкие улусы переходить на нагорную сторону р. Волги. Зависимость калмыцких кочевий от внешнеполитических факторов приводила к тому, что Калмыцкое ханство становилось заложником русско-турецких отношений. Во время русско-турецких войн калмыцкие улусы были вынуждены кочевать на нагорной стороне. А междоусобные войны привели к тому, что большая часть калмыцкого народа оказалась на территориях, слабо пригодных для кочевого скотоводства

Решающей датой в радикальном изменении системы сезонных миграций калмыцких кочевий стал 1771 г., когда большая часть калмыцких улусов откочевала из пределов Российской империи в Джунгарские степи. Оставшиеся на берегах Волги калмыки были лишены своей государственности и вошли в состав Астраханской губернии. Все это не могло не сказаться на изменении территорий калмыцких улусов. Основной причиной изменения системы кочевий стал временный запрет кочевков на левом берегу р. Волги наложенный российской администрацией из-за опасения ухода оставшихся калмыков в Джунгарию.

2.2. Традиционная одежда в первой половине XIX в.

Традиционная одежда — неотъемлемая часть культуры любого этноса, которая зависит от окружающей среды и производственной деятельности человека. Именно традиционная одежда является при визуальном контакте первым критерием отнесения ее носителя к конкретной исторической общности. Одежда защищает человека от воздействий внешней среды, оберегает от невидимого мира, помогает приспособиться к природно-климатическим условиям. Иногда в определенных ритуальных ситуациях облачение человека выступает в качестве заместителя хозяина. Отношение к одежде так или иначе отражает мировоззрение народа, его взгляды на окружающий мир. Традиционная одежда и представления о ней претерпевают эволюционные изменения под воздействием процессов исторического развития конкретного этноса, окружающих его народов.

Определенные сведения по истории калмыцкого костюма мы можем почерпнуть в архивных документах. Так, в 1784 г. при составлении «Плана топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» астраханский губернатор М. М. Жуков вступил в активную переписку владельцами и правителями улусов, в ходе которой выявились некоторые данные о калмыцкой одежде.

Наиболее подробные описания одежды дал дербетский нойон Ценден Доржи: «Платья имеем, шапки с кисьями красного шелка ... мужеской пол носят платья, халаты, и бешметы, женшены носят платье безрукавное длинное наподобие сарафана и с рукавами шубы». Хошутский нойон Тюмен Джиргалан: «платье, носим рубахи распашные, портки широкие, бешметы, и халаты, шапки, с кистями красного шелка, сапоги сафьяновые, и кушаки». Соответственно мужчины

носили халаты и *бюшмюды* (бешметы)⁴, а женщины длинную безрукавку *цегдг*, а сверху шубу с рукавами. На ноги калмыки надевали сафьяновые сапоги и подпоясывались матерчатым кушаком.

Отдельного упоминания заслуживают головные уборы, которые дополняются обязательным упоминанием одного из главных маркеров этнической специфики калмыков — красной кисти (*улан зала*). Так, правители Яндыковского улуса Тюмен Джиргалан и Ценден Доржи отмечали, что «шапки носим вершки желтаго сукна с кистями краснаго шелка». Т.е. калмыцкие головные уборы отличались не только всем известной красной кистью, но и желтым верхом.

Достаточно уникальной особенностью, которая отличала калмыков от окружающих народов, являлись и некоторые особенности пошива одежды. Так, правители Багацохуровского улуса писали: «Платье носим пространное, широкое». Это же подтверждал икицохуровский владелец Цаган Кичик, когда отмечал, что «платье кроитца широкое». Данная особенность наиболее ярко была показана правителями Яндыковского улуса, которые упоминали «калмыцкое обыкновение манер платья».

Довольно кратко участники переписки отозвались о зимней одежде калмыков — «а для ношения теплую одежду употребляем, и скота своего овец мерлушчетые, и овчинные тулупы, и кошемные валеные чулки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 146–147 об].

Утилитарно-хозяйственная — не единственная функция одежды. Она представляет собой неотъемлемую часть такой широкой системы, как все духовное пространство, освоенное обществом. С одеждой связаны различные обрядовые действия, которые определяют этнические особенности.

⁴ Бешмет представлял собой однобортный кафтан, который застегивался у талии шелковыми петельками на маленькие пуговицы.

Так, хошутский нойон Цагалай отмечал, что для «делания нового платья и кибиток выбираем хорошие счастливые дни принося богу жертвы с прочтением духовных чинов молитв и потом берем себе во употребление». То же подтверждал владелец Хошутского улуса Тюмен Джиргалан «для кроения платья ... разбираем хорошие и счастливые дни». Правители Яндыковского улуса более детально описывали процесс пошива одежды: «при начатии делания нового платья ... выбираем счастливые дни, по зделании платья приносим оное для жертвы богам на один день и потом надеваем на себя». Из вышеизложенного прямо явствует, что отношение к одежде непосредственно было связано с мировоззренческими представлениями об одежде как о «покрове, оболочке» и одновременно, «части» человека. Так, одежду начинали изготавливать строго в определенные «счастливые» дни, а после ее пошива она приносилась в «жертву» богам на один день (вероятно, подвешивалась как на праздник Цаган Сар). Помимо этого, по словам Цагалая, после изготовления одежды совершались жертвоприношения и приглашались духовные лица для прочтения молитв. И только после совершения всех этих ритуальных и обрядовых действий одежда могла надеваться на своего хозяина [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. 146–147 об].

В 1784 г. умер последний владелец Багацохуровского улуса нойон Алексей Дондуков. Его смерть послужила причиной для разбирательства по поводу личного имущества умершего, в ходе которого была составлена опись всем вещам, оставшимся после А. Дондукова. Данная опись предоставляет возможность рассмотреть названия элементов калмыцкой одежды, а также дает подробные сведения по материалам, которые использовались при пошиве одежды.

Как один из представителей калмыцкой знати А. Дондуков имел несколько комплектов одежды. Так, наиболее

часто упоминаемым предметом одежды является бюшмюд (бешмет). Первым показывается «бешмет парчевый по желтой земле с серебряными и шолковыми травами», затем идет «бешмет моровой белой с золотыми травачками»⁵ и бешмет парчевый по белой земле с золотыми и шолковыми травами [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 107]. Также в описи упоминается несколько мужских «рубях калмыцкаго покрою» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 108 об].

Помимо бешметов в гардеробе нойона находилось несколько традиционных калмыцких халатов (*лавшг*), как то: «халат парчевый по розовой земле с серебряными травами», «халат люстриновой белой с травами»⁶, «халат люстриновой черной с травами», «халат гарнитуровый дикого цвету»⁷, халат «из арбату персидского две штуки по синей земле з золотыми травами», халат «голи красной с зелеными травами»⁸ и халат «тафты фиалетовой волнистой змейками и травками» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 107–108]. Из головных уборов встречается шапка «объеринная желтая с кистью шолковой красною. С околышем соболиным», а также отдельно указывается «кисть шолковая калмыцкая на шапку» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 108 об]. Любопытно, что головной убор А. Дондукова тоже включал в себя желтый цвет.

Несмотря на то, что А. Дондуков был не женат, в его имуществе оказалось много женских вещей, причем для замужней женщины. Например, полукафтан терлик, со стоячим воротником и рукавами длиннее руки, который носили замужние калмычки. Воротник и грудь терлика традиционно украшались вышивкой и позументами с орнаментом (зек) и застегивались крючками или пуговицами. Так, в описи

⁵ Мор — шелковая ткань с серебром или золотом, шелковая парча.

⁶ Люстрин — вид шерстяной ткани.

⁷ Т. е. серый.

⁸ Голь — вид китайской шелковой ткани

встречается «женское калмыцкое платье терлиг канфовой черной с зелеными шелковыми травами с семью жемчужными и осьмью жемчужными пуговицами»⁹, затем терлик из «простого штофу по голубой земле»¹⁰, терлик «парчевый по голубой земле с золотыми травами» и терлик «гарнитуровой мор доре цвету с семью золотыми и осьмью серебряными пуговицами». Также в описи встречается «цегедык парчевый по голубой земле с золотыми травами» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 107]. Помимо указания материалов из описи можно составить представление о том, что все платья украшались растительным орнаментом, а также застегивались семью пуговицами с одной стороны и восемью — с другой. Причем, как явствует из текста, пуговицы должны были быть из разного материала и фактуры. Из нижней одежды в описи идет «женская фанзовая белая калмыцкая»¹¹ и несколько «женских рубах полотняных калмыцких» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 107об].

Также в описи указываются различные украшения, в том числе серьги «золотые калмыцкие женские круглые с подвесками и с камышками», а также мужские серьги «калмыцкие золотые с жемчужинами». Отдельно упоминаются пуговицы, которые подразделялись на «жемчужные калмыцкие» и «золотые выдутые калмыцкие» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 106].

Если продолжать упоминать материалы, используемые для пошива одежды, то в 1805 г. в рапорте пристава М. Т. Горбунова встречается упоминание что пьяные калмыки «изорвали бешмет новый китаишной»¹² бодокчея Добра [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 15]. А в 1817 г. Главный при-

⁹ Канфа — китайский атлас, отличается толщиной и плотностью.

¹⁰ Штоф — немецкая шелковая плотная ткань, обычно с разводами.

¹¹ Фанза — вид китайской шелковой ткани.

¹² Китайка — плотная хлопчатобумажная ткань, обычно синего цвета

став калмыцкого народа К. Я. Ваценко дал краткое описание одежды: «летом белая бумазая самая простая, составляет вообще их одежду». Любопытно, что, упоминая повседневные мужские калмыцкие головные уборы — овчинные шапки, пристав также замечал, что верх у них обычно из желтого сукна [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 161. Л. 17–18].

В 1822 г. в архивных документах встречается опись вещам членов Суда Зарго, которые были ограблены калмыками владелицы Бакбут. Данная опись также предоставляет не только сведения по калмыцкой одежде, но и дает примерные цены на нее. Так, у члена Суда Зарго зайсанга Занбы был украден «парчевой бешмет» стоимостью в 60 руб., «белой китаишной бешмет» — 14 руб., «тулуп белой мерлушчатой крытой нанкой»¹³ — 50 руб., «с кистью шапка» — 20 руб., «рубаша с портками» — 8 руб., «холстинные портянки» — 2 руб., «бурка» — 15 руб. У писаря Добжи гецуля украли «парчевой бешмет» стоимостью в 50 руб., «китаишные шаровары и рубаху», а также «холстинные портянки» стоимостью в 2 руб. и «бурку» — в 10 руб. У сопровождающего зайсанга калмыка Джиджиля был отнят «бурметной бешмет»¹⁴ стоимостью в 9 руб. и «лисыя шапка» стоимостью в 6 руб.

У дербетского члена Суда Зарго зайсанга Джамбо Гелюнга были отняты: «шуба на беличем меху крытая англицким сукном» (330 руб.), «шапка соболя из трех соболей каждая по 50 руб.», «бурка черная» (50 руб.), «лисыя шапка» (25 руб.), перчатки (4 руб.). У другого дербетского члена Суда Зарго зайсанга Кюльтюша в свою очередь были отняты: «верблюжьего сукна халат красный» (100 руб.), «мерлушчатой тулуп крытой бурметью» (65 руб.), «холстинные рубахи и портки», «бурка черная» (35 руб.) и «голу-

¹³ Нанка — китайская хлопчатобумажная ткань, как правило, буровато-желтого цвета

¹⁴ Бурметь — грубая персидская хлопчатобумажная ткань

бой бурмети Бешмет» (15 руб.). У члена Суда Зарго зайсанга Оргечке были отняты: «суконной халат» (81 руб.), «волчей тулуп крытой Бурметью» (70 руб.), «ис пичанской бермети на подкладки Бешмет» (15 руб.), «лисий малахай» (15 руб.), «черные козловые сапоги с портянками» (13 руб. 10 коп.), «рубашки с шароварами» (21 руб. 90 коп.), «жемчужная серьга с чистою Жемчужиной» (170 руб.), «гарнетуровой кушак 5 аршин»¹⁵ (9 руб.), «черкесская бурка» (18 руб.), «пестрой платок» (5 руб. 50 коп.). У двух слуг зайсанга Оргечке отняли: «полушубок на заечьем меху крытой черной китайкой» (60 руб.), «белой китаишной Бешмет» (14 руб.) и «черные козловые сапоги» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 144–146].

Этот список интересен тем, что позволяет познакомиться со всеми видами мужской одежды, материалами, используемыми для ее изготовления, а также ценами на них. Так, чаще всех упоминаются бешметы, халаты, рубашки, портики и портянки из холста, лисьи малахай, различные шубы и черкесские бурки.

Обращает на себя внимание, тот факт, что ни в имуществе А. Дондукова, ни в имуществе ограбленных членов суда Зарго не встречается такой элемент мужского костюма, как наборный серебряный пояс. Можно только предположить, что в конце XVIII – начале XIX в. он еще не стал устойчивым атрибутом калмыцкого мужского костюма.

Таким образом, изучение архивных источников позволило узнать о некоторых видах мужской и женской одежды, материалах, используемых для ее изготовления, а также ценах на нее. Бытование традиционного костюма в течение XIX в. происходило в режиме постоянной адаптации к условиям современности с учетом практической целесообразности и эстетических предпочтений калмыков.

¹⁵ Гарнитуровый — искаженное: гродетуровый; гродетур — легкая шелковая ткань.

2.3. Этническая группа *деед ламин шевнр*: из истории шабинеровского сословия Яндыковского улуса в XIX веке

В конце XVIII в. калмыцкое общество подразделялось на три основных сословия: привилегированное сословие нойонов и зайсангов («цаһан ясн» — калм. белая кость), буддийское духовенство и сословие зависимых от них калмыков-простолюдинов. Сословие зависимых калмыков-простолюдинов в свою очередь подразделялось на албату, кетченеров и шабинеров, которые составляли низшее социальное сословие калмыцкого общества («хар ясн» — калм. черная кость). Шабинеры формально подразделялись на две условные группы: переданные в подчинение хурулам и переданные в услужение священнослужителям.

Специальные исследования, посвященные истории шабинеровского сословия Калмыкии рассматриваемого периода, появились в основном в советское и постсоветское время. Из трудов, написанных по истории шабинеров, в первую очередь можно выделить работы таких исследователей, как А. И. Карагодин, Г. О. Авляев, Г. Ш. Дорджиева, А. Г. Митиров, Э. П. Бакаева и др. [Карагодин 1977; Авляев 1974; Дорджиева 1995; Митиров 2003; Бакаева 2007]. Исследуемая этническая группа *деед ламин шевнр* тем не менее оказалась за рамками внимания указанных авторов.

Наименование «шабинер» (калм. шевнр) происходит от слова «шаби» (шав), — ученик в буддийском монастыре. В более поздние периоды шабинерами стали называть семьи простолюдинов, которые передавались владельцами улусов в виде дара или пожертвования в распоряжение отдельным буддийским священнослужителям или монастырям (хурулам). Эти люди становились собственностью буддийской церкви и назывались шабинеры. Они были обязаны подчи-

няться руководству хурула, пасти хурульный скот и выполнять различные подсобные работы (заготовливали корма, топливо, выполняли домовые работы и пр.) [Батыров 2006: 32]. К XIX в. шабинеры находились во всех калмыцких улусах. А. И. Карагодин отмечал, что указанные повинности относились не ко всем шабинерам, и в доказательство приводил характеристику, данную им хошутским нойоном Тюменем, отмечавшим, что «не все жертвуемые хурулами люди были заняты служением в оных» [Цит. по: Карагодин 1977: 34]. В 1825 г. Комиссия калмыцких дел предписала калмыцкому духовенству передать шабинеров в собственность хурулов или своих родственников, не имеющих «духовного звания» [Дорджиева 1995: 52]. Вследствие чего все шабинеры так или иначе должны были перейти в собственность хурулов.

Надо отметить, что положение шабинеровских родов в отличие от албату было лучше, потому что они не несли повинностей и не платили податей в пользу нойона-улусовладельца. Поэтому при любой возможности представители албату старались избежать всех этих тягот. Так, например, в начале XVIII в. после смерти хана Аюки появилось много подложных увольнительных писем, полученных обходными путями. М. М. Батмаев, приводя письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши на имя В. Н. Татищева от 30 ноября 1742 г., констатировал, что по смерти Аюки «шабинеров и уволенных от тягостей котечинеров весьма умножилось» [Батмаев 2002: 192].

Исходя из причин происхождения указанных социальных групп, их неопределенного статуса и полиэтничного состава, многие историки считали, что шабинеры относятся не к этническим, а социальным группам. Так, историк Г. О. Авляев указывал, что упоминание о группах шабинеров в XIX в. в составе дербетских и торгутских улусов как об этнических группах «родах» ошибочно [Авляев 1974: 142],

поскольку эти группы относятся к социальным и их появление связано с распространением буддизма среди ойратов в XVII в. Не отрицая указанные положения Г. О. Авляева, необходимо отметить, что категория «социальная группа» — одна из самых трудных для понимания в силу значительного расхождения с обыденными представлениями. Социальная группа — это не просто совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, а групповая социальная позиция, которую занимают люди [Качанов 1996: 94].

Для нас наиболее интересен тот факт, что шабинеры — прежде всего, социальная группа, которая на протяжении всего XIX в. стала позиционироваться уже как этническая. Причин отрицать возможность трансформации социальных групп в этнические нет, поскольку в истории Калмыкии такие прецеденты уже отмечались (например, кетченеры и пр.) [Авляев 2002: 98]. В фондах Национального архива Республики Калмыкия хранятся дела, которые проясняют появление шабинеровских родов, а также их преобразование из социальных групп в этнические. Одно из таких дел посвящено урегулированию социального статуса рода *деед ламин шевнр*¹⁶ Яндыковского улуса [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32].

В материалах дела указано, что 31 мая 1844 г. помощник попечителя Яндыковского улуса Протопопов (имя и отчество в документе не указано) представил в Совет калмыцкого управления прошение старшины Окин Манзурукаева «рода» *деед ламин шевнр* об «освобождении 10 кибиток от платежа денег, «следующих в доход владельческий...», в котором также давались сведения об освобождении от этой повинности с «давних лет владельцами торгутовских улусов по родству их с ламой Лузанг джамбою, и только лишь упо-

¹⁶ «Деед» — калм. высок. высокочтимый; *деед ламин шевнр шабинеры* высокочтимого ламы.

треблялись на службу при хурулах, составляя прислугу хурульную» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 1]. Надо сказать, что в 1844 г. указанные 10 кибиток и составляли весь род дед ламин шабинеров [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 3].

В списке с прошения «Лузанг джамбы, ламы Шебенерова рода старшины Дед Ламин Шебенерова рода Окина Манзурукаева, на имя управляющего Яндыковским улусом г. помощника Протопопова» указывалось: «Хотя мы и находимся под управлением владельческим», но «72 года тому назад, но бывшие в те времена владельцы по родству дедов моих Санжи, Аджу и Нохо в трех кибитках (Б. В. передали указанных калмыков в услужение) состоявших поясненному ламе Лузанг Джамбы податей с рода нашего не брали и от всех повинностей улусных были свободны употребляясь только единственно на службу Ламинскую, после того по прошествии 52 лет были куплены для ламы нашего 7 кибиток крестьян, которых тогдашний Владелец на таких же правах оставил при Ламе на каких находились мы и так с тех времен и до сего времени все Владельцы управлявшие улусом нашим не изменяли сего установления, а что мы действительно находились на сих правах, то обо всем этом известно нашего улуса восьми хурулов начальниками всему обществу, сверх того известно также и хошоутовскому Владельцу полковнику Тюменеву» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 2–2об.].

Соответственно из обстоятельств дела выясняется, что деед ламин шабинеры появились в 1772 г. из калмыцких семей, которые передавались в услужение «деед ламе» Лузанг джамбе Яндыковского улуса. Причем переданные в услужение три семьи приходились родственниками вышеуказанного ламы. Не имея возможности дать достоверные сведения о степени распространенности практики передачи в сословие шабинеров родственников духовных лиц, в данном случае

мы видим, что образование этой социальной группы было связано с личностью священнослужителя Лузанг джамбы, который, очевидно, являлся выходцем из податного сословия. Сами шабинеры называли основателя рода Лузанг джамбу высокочтимым ламой (*деед лама*), но скромное количество подаренных шабинеров позволяет предположить, что он не являлся одним из высших буддийских иерархов Яндыковского улуса. Лама Лузанг джамба прожил достаточно долго, чтобы ему подарили еще 7 кибиток спустя 52 года, видимо из уважения к его возрасту. А. И. Карагодин сообщал, что указанные 7 кибиток были куплены у надворного советника Воронина [Карагодин 1977: 40].

В дальнейшем при выяснении социального статуса деед ламин шабинеров были приведены сведения буддийского духовенства Яндыковского улуса. Так, от лица приведенных в качестве свидетелей улусного духовенства выступил бакша Яндыковского улуса Лоузанг Цюрюм, который в своем письме в Ламайское духовное правление от 6 августа 1844 г. сообщал, что «означенные 10-ти кибиток калмыки никаких польз для хурульских потребностей не приносят. В протчем, когда был Лама, тогда они обще с духовенством, владельцем и протчими калмыками улуса Яндыковского все повинности ламайские отправляли надлежащим порядком да и после смерти ламы таким же самым порядком отправляют они только да сего времени по обряду нашему нужные потребности в память покойного Ламы, находясь при его столе и неотбывают они албана и кардона» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 4].

Из содержания письма становится понятно, что упомянутые шабинеры оказались в благоприятном положении: они не несли повинности ни в пользу хурула, ни в пользу улусного владельца (в том числе не несли кордонной службы), а также не платили как общеулусные подати, так и ху-

рульные. Единственную повинность, которые они постоянно отбывали – это проведение различных обрядов в память покойного своего ламы Лузанг джамбы.

Возникшая путаница в вопросе о социальном статусе шабинеровских родов Калмыкии побудила Совет Астраханского калмыцкого управления в лице товарища¹⁷ Главного попечителя Николаева сделать запрос в Ламайское духовное правление от 5 декабря 1844 г. В запросе указывалось, что «г. Вице-губернатор полагая, что кроме означенных просителей есть еще в других улусах подобного рода калмыки: т. е. шебинеры, которые в последствии могут ходатайствовать о том же... предлагает Совету собрать верные и полные сведения: в каких улусах, при каких хурулах и сколько находится калмыков — шабинеров, которые по прежним правам и обычаям в калмыцком народе избавляются от платежа денежных податей и натуральных повинностей, которые несут вообще калмыки по силе означенного положения (1834 г.), и на каких актах таковое избавление может быть основано при чем просит не упустить из виду предложение его от 25 мая сего года за № 3690 по просьбе зайсанга Наран Доржаева о шабинерах его». Основываясь на этих данных Совет запрашивал какие-либо сведения о шабинерах и в Ламайском духовном правлении [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об.]. Более того Совет определил «предписать всем улусным попечителям и помощнику Протопопову собрать полные сведения о калмыцких шебенерах» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 7].

Решение вопроса о статусе Деед-ламин шабинеров определилось только в 1846 г., когда Совет Астраханского калмыцкого управления 1 марта уведомил Ламайское духовное правление о том, что «Совет калмыцкого управления от 2 мая 1845 г. за № 1232 представлял на разрешение г. Исправ-

¹⁷ Чиновник, который занимал должность заместителя

ляющему должность Астраханского военного губернатора об избавлении некоторых калмык шабинерова рода от платежа албана, определенного ... (Положением от 24 ноября 1834 г.). На это ... г. Контр-адмирал Чистяков от 16 января 1846 г. за № 377 уведомил Совет, что он входил с мнением своим по сему предмету к г. Управляющему Министерством государственных имуществ ... 17 августа (1846 г.) ... на которое получил предписание ... Министра государственных имуществ, что ... его сиятельство и с своей стороны, согласно с мнением его находит, что те из шебенеров, кои проживают в казенных улусах не имеют прав ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства... то Совет ... просил разрешения ... (Чистякова) воспретить ли употребление шебенеров для услуг хурульных и духовенству или оставить при оных с обязанием духовенство вносить от хурулов своих за тех шебенеров казенную повинность» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1; 1 об.].

В конечном итоге военный губернатор Астраханской губернии контр-адмирал Петр Егорович Чистяков 18 февраля 1846 г. уведомил Совет, что «шебенеры, принадлежащие к казенным улусам не имеют права ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства (а хурулы должны им оплачивать им работу) ибо только лица из состоящих при хурулах их имеют от исполнения улусных повинностей, кои входят в состав хурульных штатов, высшим начальством утвержденным» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 2]. На основе данного решения Совет составил уведомление для управляющих Багацохуровским, Харахусовским и Яндыковским улусами [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.].

А. И. Карагодин выделял в истории института шабинеров три этапа развития. В третий период, который А. И. Ка-

рагодин выводил со второй трети XIX в., шабинеры превратились в обычное податное сословие [Карагодин 1977: 47–48]. Соответственно, когда в 1846 г. шабинеры казенных улусов были поставлены в такое же положение, что и прочие податные группы калмыков, это стало причиной последовавшей за тем утраты части своих специфических особенностей и дисфункции социального института шабинеров. Следует заметить, что уход из жизни ламы Лузанг джамбы привел к тому, что деед ламин шабинеры не выполняли положенные им обязанности. Это вызывает вопросы по их дальнейшему определению как социальной группы при отсутствии необходимых условий для ее функционирования.

Несомненно, что в дальнейшем после смерти ламы Лузанг джамбы обособленное и постоянное проживание шабинеров на территории Яндыковского улуса, связанных между собой общим происхождением с остальным населением улуса, которое принадлежало к субэтносу *торгут*, а также объединенных друг с другом общей историей, обычаями и осознающих себя как единое целое, привело к формированию своей этнической идентичности. В. А. Тишков считает, что версия об общем происхождении, общая историческая память, особая территория, а также чувство групповой солидарности являются признаками существования этнической общности [Тишков 2003: 212]. Появление у деед ламин шабинеров специфических черт этнической группы приводит нас к выводу о выделении указанной группы из социального сословия шабинеров. Как отмечал А. И. Карагодин «с последней трети XVIII в. начала появляться значительная группа шабинеров, обозначаемая своим обычным родовым названием, поскольку находилась в тех же отношениях к калмыцким феодалам, что и другое податное население Калмыкии» [Карагодин 1977: 39]. Можно привести в пример, тот факт, что старшина деед ламин шабинеров называет

свою группу не иначе как «род». Следовательно, с начала XIX в. в результате группового самовыделения деед ламин шабинеров из среды остальных шабинеров мы можем рассматривать их не только как социальную группу, но и как этническую.

Дальнейшую судьбу этнической группы *деед ламин шевнр* проследить довольно трудно в связи с тем, что в последующие периоды название *деед ламин шевнр* в архивных документах не встречается. Однако известно, что в середине XIX в. в Яндыковском улусе существовала небольшая группа ламин шабинеров численностью в 7 кибиток [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 101–108]. Указанные ламин шабинеры кочевали вместе с Яндыковским большим хурулом [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 23]. Можно только предположить, что данная этническая группа вошла в состав хурульных шабинеров и частично изменила свое название.

Таким образом, отсутствие различий в социальном статусе между шабинерами и албату послужило одной из причин трансформации шабинеров из социальной группы в этническую. Появившаяся в 1772 г. социальная группа шабинеров, оформленная как находящаяся в услужении у ламы Лузанг джамбы, на протяжении XIX в. стала одновременно определяться и как этническая группа.

2.4. К вопросу о происхождении калмыков-цохуров

В XVII в. пришедшие из Центральной Азии ойраты образовали в степях Нижнего Поволжья новое кочевое государство — Калмыцкое ханство. Административная система ханства была основана на улусном делении, где улусы выступали как административные единицы и в то же время как исторически сложившиеся этнические группы. Это часто от-

ражалось в наименовании улуса, как, например, Дербетский или Хошутский. Улусы как административно-политические и этнические подразделения, как отмечал исследователь Г. О. Авляев, сохранялись у калмыков до начала XX в. [Авляев 1973а: 137].

С конца XVII в. в истории Калмыцкого ханства появляется такое административное подразделение, как Цохуровский улус. Цохуры (калм. *цоохр*), признавая свою принадлежность к субэтносу торгутов, называли себя «*цоохр-торгуд*» (букв. «пестрые торгуты») [Авляев 1994: 110]. Примерно в конце XVII – начале XVIII вв. цохуровские калмыки разделились на 2 улуса (Икицохуровский и Багацохуровский). Территории кочевий цохуровских улусов окончательно установились в конце XIX в.

Вопрос об административной структуре Калмыцкого ханства получил широкое освещение в монографических исследованиях П. С. Преображенской, И. Я. Златкина, М. Л. Кичикова, У. Э. Эрдниева и других историков [Преображенская 1963; Златкин 1964; Кичиков 1962; Эрдниев 1985]. Переселение на Волгу различных ойратских объединений (торгутов, дербетов, хошутов и др.) в течение XVII – первой половины XVIII в. и их расселение в конце XIX – начале XX в. рассмотрены в работах Г. О. Авляева [Авляев 1994; 1973в].

В настоящее время узость источниковой базы не позволяет дать полноценное описание истории Цохуровского улуса. Так, М. М. Батмаев отмечал: «Согласно росписи генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского (1733 г.) <...> из крупных улусов — этнических групп торгутов — остаются без своего определенного, если так можно выразиться, местонахождения цохуры: никаких сведений на этот счет нам в архивных и прочих материалах обнаружить не удалось» [Батмаев 2002: 124].

Одним из первых историю цохуровских улусов затронул историк Г. О. Авляев, который в статье «Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований)» указывал, что проблема этнического состава и расселения калмыков не получила достаточного освещения в исторической науке [Авляев 1973в: 108]. Сложность проблемы усугублялась тем, что уход большинства торгутов и хошутов в Джунгарию и последующая за ним ликвидация Калмыцкого ханства в 1771 г. послужили причиной существенных трансформаций в структуре этнополитических объединений.

Рассматривая вопрос о названиях калмыцких улусов, Г. О. Авляев утверждал, что «каждый калмыцкий улус имел свое этническое наименование («особливое свое звание»)» [Авляев 1973а: 137]. Однако, затрагивая происхождение этнонима «цохур-торгут», ученый отмечал, что указанный этноним распространен среди ойратов Синьцзяна, Алашани, Ганьсу, Цинхая, Западной Монголии. Позже Э. П. Бакаева, рассматривая одну из этнических групп цохуров, пришла к выводу, что наиболее ‘прозрачная’ этимология слова *цоохур* (пестрый) вполне может быть связана с его многокомпонентным этническим составом [Бакаева 2008]. Но в целом значение термина «цохур» остается до настоящего времени не вполне ясным и изученным. Интересно, что этноним цохур не встречается в исторической литературе, посвященной событиям XVII в.; первые упоминания о цохурах датируются только началом XVIII в. [Сусеева 2003: 32].

Известная история Ики- и Багацохуровского улусов начинается с сына калмыцкого хана Аюки (ум. в 1724 г.) — Гунджаба¹⁸, который в архивных документах часто

¹⁸ В исторической литературе встречается разные варианты написания имени: Гунджаб, Гунжеп, Гунжап, Гунжип, Гунджип.

упоминается как первый владелец цохуровских улусов [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 55]. Калмыки-цохуры составляли улус Гунджаба, которому хан Аюка передал их во владение. Это отчасти подтверждает А. В. Цюрюмов: «... в 1699 г. после смерти ханских братьев Замсы и Араптана Аюка разделил их улусы между своими сыновьями от разных матерей» [Цюрюмов 2005: 24].

Историк Габан Шараб в «Сказании об ойратах» указывал, что у хана Аюки было два младших брата, которые умерли бездетными [Лунный свет 2003: 85]. Б. У. Тюмень в своем «Сказании о дербен-ойратах» также указывал на наличие у Аюки двух младших братьев Йеке Чжамсо и Норбо Чжамсо¹⁹ [Лунный свет 2003: 136]. К тому же этнический состав улусов умерших братьев хана остается неизвестным. В результате наиболее крупный улус был передан во владение Гунджабу, который для того, чтобы получить его, даже вступил в законный брак с вдовой бывшего владельца улуса Араптана. Передача большей части кибиток в руки Гунджаба при старшинстве другого ханского сына Санджаба²⁰ (от другой жены) привела к неизбежному конфликту. В 1701 г. конфликт между ханом Аюкой и поддерживающим его Гунджабом, с одной стороны, и наследником хана Чакдорджабом и поддерживающим его Санджабом, с другой стороны, перешел к открытой усобице, в результате которой Чакдорджаб захватил улус Гунджаба [Цюрюмов 2005: 24]. После этого бывший улус Замсы был отдан Санджабу и позже введен им в Джунгарию, а улус Араптана остался во владении Гунджаба.

¹⁹ Речь идет о том, что Б. У. Тюмень упоминает одного из младших братьев Аюки Замсу.

²⁰ В исторической литературе встречается разные варианты написания имени: Санджаб, Санжип, Санджип.

В дальнейшем Гунджаб разделил оставшийся улус между своими двумя сыновьями. Это подтверждается архивными документами. Так, в одном из них дается краткая справка о владельцах цохуровских улусов в XVIII в.: «Гунжеп — у него два сына:

1. Дондук Омбо (дети князь Алексей и Иона Дондуковы).

2. Бокширго (дети Никба и Асархо) — Никба (его сын Маши, у Маши сын Мукукен); Асархо (дети Цаган Кичик и Цебек Убаша)» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 55].

Старший сын Дондук-Омбо²¹ получил в надел Багацохуровский улус (т. е. малый Цохуровский), а младший — Бокшурга (Бокширго) — Икицохуровский (т. е. большой Цохуровский).

Указанные сведения подтверждаются в письме, поданном астраханскому губернатору М. М. Жукову от икицохуровских владельцев Маши и Цаган Кичика 19 января 1782 г., в котором дается список владельцев Икицохуровского улуса: «... Аюки хана сын владелец Гунджип имел у себя двух сынов Дондук Омбу и Бокширгу. Бокширго имел два ж сына Нингбу и Асарху, Нингбин сын, я владелец Маши, а Асархин сын Цаган Кичик» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 7]. Знаменательно, что и в этом письме первым владельцем Цохуровского улуса называется сын хана Аюки — Гунджаб.

В августе 1743 г. произошел раздел Багацохуровского улуса между детьми и внуками умершего в 1741 г. хана Дондук-Омбо, в связи с чем по решению наместника ханства Дондук-Даши был составлен реестр всем подразделениям улуса. В состав улуса входили Ики и Багазюны, Ики и Багазапсоры, Ики и Багабаруны, Зубак хонхоты, керети, берюсы

²¹ В исторической литературе встречаются разные варианты написания: Дондук-Омбо, Дондук Омбо, Дундук Омбо.

(беересы), гурбаты, харнуты, батуты, шабаты, шобучинеры, Ранжибай цоржиновы шабинеры, бурхановы шабинеры, цорджин шабинеры [Батмаев 2002: 120]. Часть указанных подразделений имеет наименования, которые больше говорят о социальном статусе (шабинеры, шобучинеры) подвластных, чем об их принадлежности к этническим группам. Названия таких групп, как зюны, запсоры и баруны, свидетельствуют о том, что они также не являются этническими группами. Соответственно реестр подразделений Багацохуровского улуса не дает возможности выявить настоящие этнические группы, входящие в состав улуса. Все вышесказанное позволяет предположить, что цохуровские улусы изначально не являлись единым этнополитическим объединением в отличие от большинства калмыцких улусов.

О том, что в XVIII в. все торгутские улусы подразделялись на три части: барун (правый), зюн (левый) и забсор (промежуток), можно сделать вывод из сообщения икицохуровских владельцев Асархо и Маши, которые в своем письме на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова от 29 января 1771 г. писали: «... торгоутовы улусы разделялись на три части и имяновались Бароны, Зены, Забсор, от оных здесь остатков» [НА РК. Оп. 1. Ф. 35. Д. 36. Л. 20]. Возможно, такое деление торгутских улусов связано с военной организацией триадного типа эпохи Чингис-хана [Стратанович 1974].

Косвенные сведения о том, что в XVIII в. цохуры среди калмыков не воспринимались как этническая группа, приводит хан Церен-Дондук в своем письме от 15 августа 1731 г.: «Вернулся мой посланник, который был послан к зюнам и цохорам» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 113], т. е. название административной единицы зюн (от *зун* – «левый»), которое обозначало часть Калмыцкого ханства, ставилось в один ряд с цохурами.

В том, что цохуры представляли собой ранее не этническую, а административную единицу, можно также понять по архивному делу, в котором рассматривается распря между зайсангами Икицохуровского улуса. В 1780 г. произошел конфликт харахусовских зайсангов Цебека Баджингина и Цебека Габунг Дарджина, которые принадлежали икицохуровскому нойону Асархо, с подвластными владельца Маши зайсангами Церин Дарджей и Даргуном зюнгарова рода. Не вдаваясь в подробности этого конфликта (в жалобе указывалось на то, что «еке цохуровы калмыки согласились их убить и аймаки их разделить по себе»), мы должны отметить, что харахусовские зайсанги называли зайсангов и их аймачных людей из этнической группы зюнгар «природные еке цохуровы калмыки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 1, 57]. Из этого краткого замечания мы можем сделать вывод о давно сложившемся преобладании зюнгарского этнического компонента в Икицохуровском улусе, потому что харахусовские зайсанги называли зюнгаров «природными цохурами».

Этот вывод подтверждается в другом письме, в котором те же харахусовские зайсанги упоминают, что их «яко вновь доставшихся подвластных ни во что вменять, а старых своих подвластных (т. е. зюнгаров-цохуров), хотя б они и противное что учинили в милости содержать» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 1об.]. Следовательно, зюнгары находились в составе цохуров достаточно длительный период, поэтому и назывались «природными цохурами». Учитывая же массовые приходы групп населения из Джунгарского ханства в XVIII в. (под руководством Шеаренга и других владельцев в 1758 г.) и тот факт, что в XVII в. упоминание названия «цохур» в исторической литературе нами не встречалось, то предположительно появление данного термина можно датировать концом XVII в.

В традиционном правовом поле кочевого общества устное подтверждение своих слов зачастую не требовало каких-либо официальных бумаг. Говоря о степени достоверности устного источника, необходимо отметить, что, упоминая калмыцкую действительность XVIII в., невозможно однозначно утверждать, что такой источник менее надежен, чем письменные. В калмыцком традиционном обществе устная традиция считается актуальной; она существует только «здесь и сейчас»; на пути ее трансляции могут встретиться преграды, которые незнакомы письменному тексту (субъективные искажения, смерть носителя информации), но, с другой стороны, устная традиция распространяется сразу среди всего населения и позволяет сохранить в коллективной памяти наиболее значимые моменты. Следовательно, зафиксированные в материалах архива устные сведения современников о цохуровских улусовладельцах обладают определенной степенью достоверности.

В пользу того, что цохуровские улусы не являлись этническим подразделением, говорит то, что уже в середине XIX в. К. И. Костенков в своем «Списке калмыцким родам и аймакам» не указывает ни одного рода, который бы включал в название слово «цохур» [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 101–108]. Более того, в том же списке отчетливо просматривается преобладание зюнгарских родов в Икицохуровском улусе.

Это можно подтвердить сведениями из другого архивного документа, в котором рассматривались вопросы раздела оставшихся калмыцких семей после ухода большей части калмыков в Джунгарию. Так, в нем отмечалось, что у князя А. Дондукова, владельца Багацохуровского улуса, в подчинении были древние ики- и бага-зюнгары забсоровых улусов, что явно свидетельствует о том, что эти зюнгары пришли на Волгу намного раньше гибели Джунгарского ханства [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 36. Л. 304-305].

Суммируя полученные сведения, можно предположить, что свое название Цохуровский улус получил после смешения групп населения из улусов, оставшихся без нойона в конце XVII в. К примеру, такие группы оставались после захвата в 1671 г. улусов тайши Аблая ханом Аюкой и включения этих улусов в состав подвластных Аюки [Бакунин 1995: 23; Шовунов 1991: 120]. Об этом же сообщал и Г. О. Авляев: «... все аймаки Икицохуровского улуса характеризуются значительной смешанностью населения. ... Смешанный состав аймаков отражает сложную этническую историю этносоциальных групп калмыков» [Авляев 1973в: 126]. Затем улус хан Аюка передал во владение своему сыну Гунджабу.

Дальнейшая судьба цохуровских улусов резко изменилась после того, как большая часть калмыцкого народа ушла в Джунгарию. А. Г. Митиров писал: «Впереди со своими воинами шел багацохуровский Цебек-Дорджи с братьями» [Митиров 1991: 7]. Однако не все цохуры покинули Россию. Так, на берегу р. Яик (р. Урал) были остановлены икицохуровский нойон Асархо и его племянник Маши с улусами и возвращены к Волге. Бага-цохуры, принадлежавшие князьям Дондуковым, тоже остались почти в полном составе.

В конце XVIII в. разрешился вопрос об управлении цохурами. Как указывалось в документах, «...в прошлом 1762 году присланным из государственной коллегии иностранных дел к бывшему в Астрахани губернатором г-ну ... Неронову Ея Имп. Вел. Указом велено отдать собственной хана Дондук-Омбы улус наследственной детям Ея (т. е. Веры Дондуковой) князю Ионе и Алексею Дондуковым состоящим в тысячи осми стах шестнадцати кибиток и ныне по последней переписи в том улусе состоит 3086 кибиток и которой им и отдан, и один из них Дондуковых князь Алексей отпущен был для житья и управления оным улусом в крепость Енотаевскую, а князь Иона Дондуков в Санкт-

Петербурге умре, после его осталась малолетняя дочь при матери своей княгине Дондуковой, жительствующей в Санкт Петербурге, и она малолетняя дочь к наследству после отца и дяди ближайшей наследницей состоит» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 55]. Рубежным событием в истории Багацохуровского улуса стала смерть последнего улусовладельца А. Дондукова.

Таким образом, можно предположить, что именно с историей цохуров связана двойственная самоидентификация зюнгаров Калмыкии, когда одни зюнгары позиционируют себя как зюнгар-торгуты, а другие только как зюнгары, активно противопоставляя себя торгутам [Шантаев 2009]. Ведь зюнгары Калмыкии разделяются на «древних» зюнгаров, которые пришли в степи Нижнего Поволжья в конце XVII в., и на зюнгаров, которые пришли в калмыцкие улусы позже, после разгрома Джунгарского ханства в XVIII в.

Анализ сложной и запутанной истории позволяет сделать вывод, что цохуры не были изначально этническим образованием, а являлись смешанной по составу группой [включавшей самые разные этнические подгруппы], которая в конце XVII в. и составила новый Цохуровский улус. Соответственно, можно предположить, что сборная группа цохуры образовалась в конце XVII в., и первым ее владельцем стал сын хана Аюки Гунджаб. Объединение различных этнических групп в составе двух родственных улусов в конечном итоге привело к возникновению новых этнических групп — ики- и бага-цохуров.

Глава 3.

Военное дело калмыков в контексте традиционного общества

3.1. Вопросы военной организации и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в.

В исторической литературе утвердилось мнение, что основными признаками иррегулярных войск Российской империи было отсутствие единого военного устройства и штатной постоянной организации; отличие от регулярной армии в способе прохождения службы и комплектования; наличие своего порядка тактических действий в бою; отсутствие единой системы обучения, вооружения и обмундирования. Между тем военное дело у калмыков в период Калмыцкого ханства существовало как целостная система с развитой организационной структурой и функциями, которая была серьезно подорвана лишь после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г.

Военное дело у калмыков в XVIII–XIX вв. еще не рассматривалась комплексно. Самые первые сведения по военной истории калмыков мы находим в работе М. В. Бакунина [Бакунин 1995]. В книге содержались первые данные о войсках с участием калмыков, организации и количестве войск. В дальнейшем некоторые аспекты военного устройства,

участия в войнах, несения пограничной службы калмыками освещались в работах Н. Нефедьева, П. Небольсина и др. [Нефедьева 1834; Небольсин 1852].

Серьезный интерес к военной истории калмыков возникает только с начала XX в., когда проводилось общественно-государственное празднование 100-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. К этой дате ученый Г. Н. Прозрителев подготовил отдельной книгой фундаментальный труд «Военное прошлое наших калмык» [Прозрителев 1990], в котором дал подробные сведения по участию 1-го и 2-го Калмыцких полков в войне 1812 г. Первым трудом по военной истории калмыков стала книга Е. Ч. Чонова, изданная в 1912 г., которая также приурочивалась к 100-летию участия калмыцких полков в войне 1812 г. [Чонов 2006]; автор опирался преимущественно на архивные документы. В целом дореволюционные авторы наметили основные направления исследований.

Во второй половине XX в. к изучению военной истории калмыков XVII–XVIII вв. обратился Т. И. Беликов [Беликов 1965]. Предметом исследования его трудов стало участие калмыков не только в войне 1812 г., но и во всех многочисленных военных кампаниях и походах России указанного периода. Особенностью его исследований явилось широкое и целенаправленное изучение архивных документов и материалов. Работа Т. И. Беликова внесла заметный вклад в изучение военной истории калмыков, что позволило провести первичную систематизацию знаний по военному делу. Следует также упомянуть фундаментальный труд «Очерки истории Калмыцкой АССР» [Очерки 1967], в котором на обширном документальном материале, почерпнутом из архивных источников, вводились в оборот новые источники.

Важным этапом в изучении истории военного дела у калмыков стал выпуск научного труда К. П. Шовунова

«Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.)» [Шоунов 1991], в котором с привлечением широкого круга документов центральных и местных архивов рассматривалась военная история калмыков. В этом издании приводятся обширные исторические и статистические сведения, характеризующие калмыцкие войска. На указанный период он был единственным историком, обратившимся к военной тематике. Ценность этого труда заключалась в том, что автор в систематизированной форме представил историю военного дела у калмыков. Он рассматривал процессы создания войск, этапы их организации, проанализировал вооружение и тактику.

В начале XXI в. произошел всплеск интереса ко многим проблемам военной истории кочевых народов. Об этом свидетельствуют увеличение числа публикаций, расширение списка проблем исследований, защиты диссертаций, проведение научных конференций. Одним из первых обратились к исследованиям истории военного дела ойратов, и в частности калмыков, Л. А. Бобров и Ю. С. Худяков [Бобров 2008]. В центре внимания исследователей оказались самые различные стороны истории калмыцких войск, проблемы военно-административной структуры войск.

Обзор трудов по военной истории калмыков позволяет сделать вывод о том, что в предшествующий период проделана значительная научно-исследовательская работа, ознаменовавшаяся расширением научной проблематики, вовлечением в оборот новых источников. В то же время можно констатировать, что, несмотря на наличие большого количества публикаций, некоторые аспекты военного дела во второй половине XVIII в. у калмыков до настоящего времени не получили должного освещения.

В изучении военного дела у калмыков во многом возобладали точка зрения, которую высказал В. Бильбасов: кал-

мыки «представляли идеал кавалериста, умеющего одинаково драться на коне и пешим, рубить саблей, резать ножом, стрелять из лука и ружья» [Бильбасов 1886]. Выявленные архивные материалы дают возможность более подробно рассмотреть военную организацию и вооружение калмыков.

Рассматривая комплектование калмыцких войск в период Калмыцкого ханства, приведем данные полковника и владельца Багацохуровского улуса А. Дондукова, который в 1771 г. отмечал, что для выполнения воинского наряда для выступления на «помощь» генерал-майору И. Ф. де Медему он собирал с имеющихся у него кибиток «половинного числа», то есть от двух кибиток снаряжался один полностью снаряженный воин [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 62 об.]. Несомненно, что эта норма комплектования войск относилась к периоду существования Калмыцкого ханства. К тому времени полковник был одним из немногих (как наименее пострадавший после ухода большей части калмыцкого народа), кто мог собирать войска исходя из указанной нормы. Остальные калмыцкие улусовладельцы в том же году уже сталкивались с рядом неодолимых трудностей при сборе войск.

После 1771 г. мобилизационные возможности калмыков сильно уменьшились в связи с массовым обеднением калмыцкого населения. Калмыцкий воин нуждался в достаточно дорогом вооружении, в лошади, которая могла бы возить всадника. Если принять во внимание, что калмыцкий воин нуждался еще и в заводных конях для смены, то окажется, что стоимость снаряжения одного человека в поход обходилась примерно в 60 руб., что было довольно крупной суммой в указанный период [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 62 об.].

Весной 1771 г. владелец Яндык сообщал, что собирает войска, исходя из более низкой нормы комплектования — один снаряженный воин от трех семей (кибиток). При этом он добавлял, что разделил свои кибитки на три части, из ко-

торых одни «не в состоянии исправлять службу и быть помощниками потому что престарелые хромые и дряхлые», а другие бедные «безкотные», которые находятся на рыбных промыслах при «Волге и морских косах». И только третья часть от всех кибиток, принадлежавших Яндыку, имела возможность «исправлять службу» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 131 об.]. Владелец Замьян, получивший большое количество кибиток, оставшихся от ушедших в Джунгарию нойонов, собирал в войско по одному воину только от пяти кибиток [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 128 об.]. Согласно указу Екатерины II «О распределении калмыков по владельцам» от 12 декабря 1771 г. владелец Замьян получил преимущество при разделении кибиток «как показавший верность к российской стороне» и за потерю собственных был «довольно из торгоутовых калмык снабжен» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 34. Л. 1]. Однако, получив в «награждение» новых подвластных, он владел настолько разоренными семьями, что «бедные калмыки были разпущены по аймакам или всяк в свое звание то бы каковые как сродники так и одного звания люди дав им вспомошествование» направляли их в войска [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 128 об.].

Полковник А. Дондуков пояснял, что причины столь малого числа снаряжаемых калмыцких войск кроются в том, что по большей части «остались здесь бедные и безкотные, а паче не имеющих служилых лошадей». И далее замечал, что калмыки, чтобы купить лошадей, продают крупный рогатый скот, но полностью удовлетворить свои потребности не могут ввиду малого количества купцов, продающих лошадей [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 89 об.]. В 1784 г. дербетский владелец Ценден Дорджи упоминал, что только небольшое количество его людей занимается военным делом, а «прочие большая часть обращаются в воспитании и в преобретении скота и в наймах работы для коих берут

пашпорт, бедныя ж люди нанимаются у богатых в работни- ки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 158]. В конце XVIII в. обедневшие калмыки все чаще находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах.

Помимо прочего на снижение мобилизационных возможностей калмыков влияла неразбериха в принадлежности калмыцких семей к тому или иному улусу. Калмыки разных улусов, потерявшие своих нойонов и зайсангов, группами по несколько кибиток кочевали на большом пространстве от р. Яик до р. Волги. Некоторые нойоны, воспользовавшись сумятицей и неразберихой, стремились захватить побольше кибиток и включить их в число своих подданных.

Уход калмыков в пределы Джунгарии в 1771 г. негативно повлиял на безопасность российских границ. Так, секунд-майор¹ Таганов в своем рапорте на имя генерал-майора И. Ф. де Медема от 23 февраля 1771 г., узнав об уходе калмыков в Джунгарию, сообщал: «Кабардинцы весьма тому радуютца. И между собой толкуют что уже от калмык им препятствия никакого не будет» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.].

Выявленные архивные материалы дают возможность более подробно рассмотреть военную организацию калмыков. Так, дербетский владелец Ценден Дорджи в письме к астраханскому губернатору М. М. Жукову 29 мая 1784 г. писал, что «... сверх того учение имеют как противу неприятеля стрелить из ружья и из саидака а которые из ружья и саидака стрелять непреобыкновенные люди то таковые подпоясывают сабли и берут дротики» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 158]. Некоторые сведения о военной организации

¹ Секунд-майор — военный чин VIII класса, следовавший за чином капитана, существовал в России с 1716 по 1797 г.

калмыцкого войска содержатся в архивном деле 1771 г., в котором «зайсанг ведомства владельца Яндыка пришел ко мне на кош объявил, что де владелец Яндык приказал как подвластным своим так и в опись к нему вшедших оставших после разных владельцев калмыкам, чтоб исправляли оружие, и у каждой бы кибитки было по дротику», а также сам «нююн Яндык между разговорами нам объявил, что он приказание подвластным своим учинил чтоб они по нынешним обстоятельствам для всякого воинского случая оружием были исправны, а имянно чтоб у десяти человек было два ружья три саидака а притом и дротики» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 214]. Однако обедневшие улусные калмыки не могли полностью исполнить это приказание, что подтверждает ученик калмыцкого языка М. Лепехин, который в апреле 1771 г. в своем рапорте на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова указывал, что в войске владельца Яндыка «большая часть саидашные и з дротиками, а прочие (т. е. небольшая часть) с ружьями и саблями» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 128 об]. Тюмень Джиргалан владелец, владелец Хошеутовского улуса, отмечал, что «зайсанги и подлые калмыки склонную охоту более имеют к стрельнию из ружья и саидака токож к лошадиной верховой езде» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 166]. Рассматривая вышеприведенные материалы, можно сделать вывод, что основу калмыцких войск во второй половине XVIII в. составляли всадники-копейщики, а меньшую часть войска — воины вооруженные огнестрельным оружием или луком со стрелами, но, несомненно, в годы существования Калмыцкого ханства воинов, вооруженных огнестрельным оружием или луком со стрелами, было много больше чем копейщиков.

Особо надо отметить виды наказаний за уклонение от военной службы. Так, М. Лепехин писал, что в случае невыхода отряда в поход зайсанга — начальника отряда на-

казывали «бить плетью тридцать раз», вжимали одного четырехлетнего верблюда и, наконец, лишали «зайсангства». А если кто из простых калмыков не выступал в поход, то такого подвергали штрафу в 60 рублей, кроме того, он должен был вместо себя снарядить другого, который и получал эти 60 рублей за свою службу. Если калмык не мог уплатить штраф в 60 рублей, то такого продавали в рабство и деньги, полученные за продажу, передавались тому, кто заменял его [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 62 об]. Однако М. Лепехин тут же упоминал, что, несмотря на такие строгие наказания, владелец Яндык все-таки не может собрать войско в поход. Из этого мы можем сделать вывод, что такие правила действовали в последние годы существования Калмыцкого ханства.

Основной ударной силой калмыцких войск во второй половине XVIII в. была кавалерия. Вооружение всецело соответствовало условиям кочевого общества. Это можно проследить по архивному делу, в материалах которого подробно освещено имущество умершего к тому времени полковника А. Дондукова. Оценивая общий уровень оснащения защитными средствами воинов, следует признать, что он был достаточно представительным и разнообразным. Так, у полковника А. Дондукова в собственности имелось несколько панцирей, как например: панцирь «называемой Тараглу яндыковской при нем шишак, наручи и перчатки панцирные»; панцирь «называемой Ботонос при нем мисюлка, наручи и перчатки панцирные»; панцирь «Алтыншиге с наручами и перчатками панцирными»; панцирь «Тегенек»; «бешметей панцирных бумажных белых и даже «панцирной лоскуток небольшой для починки панциря». Часть этого защитного вооружения А. Дондуков обещал своим аймачным зайсангам [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 110]. Можно полагать, что и остальные калмыцкие нойоны-улусовладельцы и зайсанги также имели сходное защитное вооружение.

Достаточно разнообразно было и другое оружие. Так, у того же полковника А. Дондукова имелось: четыре сабли в «черкесской оправе с бляхами медными», «чекан железный по черену три бляхи серебряные», «саидашной чехол красной сафьянной», стрел «с копьями к трем саидакам три пучка», луков шесть в том числе «один с калчаном» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 110]. Менее состоятельные калмыки, как уже упоминалось, в основном вооружались копьями — «дротиками».

Широкое распространение у калмыков получило огнестрельное оружие, что заметно по достаточно разнообразной номенклатуре оружия: две пары пистолетов, турецкая винтовка² (т. е. с нарезным стволом) в серебряной оправе с «каменьями», турецкая винтовка с золотой насечкой с «трех бляхами серебряными», тульские винтовки с золотой насечкой, калмыцкое ружье длинное с рошками (т.е. сошками для стрельбы) с фитилем, калмыцкая винтовка, калмыцкая короткая винтовка, калмыцкая старая фитильная [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 110–110 об.]. Для нас интересен факт наличия огнестрельного оружия, которое упоминается как калмыцкое, тем более столь сложное в производстве, как нарезное. Можно предположить, что такие винтовки изготавливались из привозных нарезных стволов местными калмыцкими оружейниками. Полковник А. Дондуков также упоминал, что у людей владельца Яндыка и эркетеневского зайсанга Баранга было в наличии пять больших ружей — пицалей, «называемых по калмыцки замрад» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 160]. Также на вооружении находились и небольшие медные пушки. Калмыки, вооруженные огнестрельным оружием, назывались «оружейные калмыки». Каждый такой воин получал боеприпасов «пороху по полу, а свинцу по фунту» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8. Л. 160].

² Нарезное стрелковое оружие. От нем. *gewinde* — «резьба».

Достаточно наглядно демонстрирует военную организацию и тактику калмыков, вооруженных огнестрельным и древковым оружием, сражение, которое произошло в 1762 г. между владельцем Бамбаром и «неприятельской киргис-кайсацкой партией (т. е. казахским отрядом)». В ходе сражения «калмыки стреляли (из ружей). И напоследок их касак от себя отбили кои пошли назад отводом: но при том сражении ... калмык Доржа Гендыршиев ... касаченина набежав ударил дротиком и потрафил в спину в сторону от чего под ним (т.е. казахом) лошедь споткнулась и он касаченин с лошади упал где он и пойман и отвезен в их улусы» [РГАДА. Ф. 148. Оп. 113. Д. 1414. Л. 19].

В целом особый военно-кочевой уклад жизни калмыков доказал высокую эффективность деятельности кочевых войск на протяжении XVIII в. В период Калмыцкого ханства существовала развитая система комплектования войск, которая позволяла в максимально быстрые сроки обеспечить сбор воинов. Отлаженная система комплектования войск была нарушена после 1771 г., когда мобилизационные возможности калмыков намного уменьшились в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Помимо прочего на снижение мобилизационных возможностей калмыков в этот период влияла обстановка неразберихи в калмыцких улусах. Именно эти причины во многом обусловили тот факт, что калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по охране южных границ России, уже не могли активно участвовать как в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., так и в последующих военных кампаниях.

Основу калмыцкого войска составляли воины, объединенные в десятки, вооруженные как оружием ближнего боя — дротиками и саблями, так и дальнего — луками со стрелами и ружьями, которыми вооружались более обеспеченные,

а также особо проявившие себя воины. В период существования Калмыцкого ханства в десятке примерно насчитывалось трое воинов, вооруженных луками и стрелами, двое — ружьями, и каждый был вооружен дротиком или саблей, однако на состав и организацию калмыцкого войска влияло экономическое положение калмыцких улусов, и лишь небольшая часть калмыков могла выступить в поход с луком и стрелами, огнестрельным и клинковым оружием, остальные имели древковое оружие — дротики и ножи. Вооружение также соответствовало условиям кочевого общества, широкое распространение получило огнестрельное оружие, что заметно по достаточно разнообразной номенклатуре оружия. Сохранявшиеся на вооружении, но уже устаревшие фитильные ружья соседствовали с более современными образцами оружия с кремневыми замками. При этом огнестрельное оружие, даже такое сложное в производстве, как нарезное, изготавливалось в калмыцких улусах.

Таким образом, военное дело у калмыков во второй половине XVIII в. представляло собой целостную систему с развитой организационной структурой и функциями, которая была серьезно подорвана лишь после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г.

3.2. Проект формирования астраханского калмыцкого казачьего полка в первой половине XIX в.

После откочевки большей части калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства на протяжении нескольких десятилетий в российском правительстве вырабатывалась единая политика по отношению к калмыцкому народу. Отдельные представители российских властей вообще не видели особых

выгод от проживания калмыцкого населения в Астраханской губернии. Во многом, как в центральной администрации, так и у чиновников Астраханской губернии, преобладала точка зрения, достаточно явно выраженная сенатором П. П. Гагариным³, который проводил ревизию Астраханской губернии, в своей докладной записке («отношении») на имя Министра Государственных имуществ от 7-го мая 1844 г. По мнению сенатора, «самую главную пользу, полученную от Калмыков, извлек Гений Петра Великаго, он проходя с войсками своими Астраханскую губернию, призвал под знамена свои конницу из 40000 Калмыков». Соответственно участие калмыков в войнах России признавалось за главное достоинство нахождения калмыцкого народа в составе России. В дальнейшем, рассматривая историю калмыков после 1771 г., князь П. П. Гагарин упоминал, что «постоянной от них пользы почти нет никакой; от податей они изъяты, а из натуральной повинности для правительства несут одну кордонную <службу>, весьма ничтожную, для которой ежегодно командируются к Астраханскому казачьему войску 205 калмыков» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 50].

Исходя из таких представлений о «полезности» калмыков на протяжении всей первой половины XIX в., в недрах администрации Астраханской губернии время от времени рождались идеи о переводе калмыков в казачье сословие. Одна из таких идей была связана с именем астраханского военного губернатора Иван Семеновича Тимирязева (1790–1867 гг.), который весной 1834 г. был направлен императором Николаем I в Астрахань для замены дискредитировавшего себя прежнего военного губернатора Василия Гавриловича Пяткина. И. С. Тимирязев стал новым Астраханским

³ Гагарин Павел Павлович, князь, государственный деятель (1789–1872). Сенатор с 1831 г., Гагарин в начале сороковых годов возглавлял ревизию в Астраханской губернии.

военным губернатором, управляющим гражданской частью и командиром Астраханского казачьего войска. Как наказной атаман Астраханского казачьего войска И. С. Тимирязев столкнулся с проблемой недостаточного количества казаков для предупреждения набегов со стороны казахов Букеевской Орды. Кроме того, на плечи губернатора были возложены так называемые «инородческие» дела, в том числе и управление калмыками [Бузгулов 1997].

Исследуемая тема не получила детальной разработки в исторической литературе и представлена недостаточно полно. В работе К. П. Шовунова, которая вышла в свет в 1991 г., затрагивались исследуемые нами проблемы [Шовунов 1991]. Автор одним из первых поставил вопрос о проекте реорганизации кордонной и пикетной службы волжских калмыков.

С уходом в 1771 г. значительной части калмыков за Волгу усилились казахские набеги на русские селения и рыболовные ватаги. Для противодействия казахским набегам по луговой стороне Волги еще со 2-й половины 60-х гг. XVIII в. была создана цепь станиц Астраханского казачьего полка [Скворцов 1890: 20]. Позже рескриптом императора Павла I от 24 января 1799 г. было принято решение «расположить казаков кордоном от Астрахани по берегу Каспийского моря до р. Урала» против киргиз-кайсаков (т. е. казахов) [Бирюков 1911: 134]. Однако в первой половине XIX в. казахи Букеевской Орды продолжали совершать набеги в зимнее время. Правивший в тот период султан Букеевской Орды Джангир, будучи воспитанником астраханского гражданского губернатора Андреевского и проводником политики российских властей, во многом потерял свой авторитет среди своего подвластного населения. Недовольство проводимой политикой существующего султана со стороны шаруа⁴ и аульных стар-

⁴ Сословие зависимых кочевников в казахском обществе.

шин отчасти выражалось и в участвовавших набегах на российскийские поселения и калмыцкие улусы со стороны казахов Букеевской Орды.

В конечном итоге слабость султана Джангира привела к открытому столкновению с аульными старшинами, которых поддерживали простолюдины. Поводом для его вспышки послужило назначение Джангиром в 1833 г. своего тестя, К. Бабаджанова, управляющим территорией побережья Каспийского моря, где размещались кочевья рода «берш», во главе со старшиной Исатаем Таймановым. В феврале 1836 г. Исатай Тайманов открыто проявил неподчинение, когда отказался явиться в Ставку султана, снял свои аулы с зимовок и стал собирать войска. К весне 1837 г. сложились основные очаги вооруженного мятежа. Мятежники сжигали дома, захватывали имущество знати, сгоняли скот с кочевьев ханских аулов [Артыкбаев 2004: 73].

Понятно, что создавшимся положением в Букеевской Орде серьезно был встревожен и генерал-майор И. С. Тимирязев. Как военный губернатор, сознавая стратегическое положение вверенной ему губернии, И. С. Тимирязев впервые обратил внимание на калмыков, проживающих в Астраханской губернии. Калмыки к тому времени несли кордонную службу, а также, учитывая сложившуюся напряженную ситуацию, вместе с астраханскими казаками находились в ставке казахского султана Джангира.

Во второй половине 1836 г. Иван Семенович Тимирязев начал подготовку проекта по образованию особого казачьего калмыцкого полка, на который предполагалось возложить всю кордонную службу. В феврале 1837 г. И. С. Тимирязев отправил два представления на имя военного министра А. И. Чернышева и министра внутренних дел Д. Н. Блудова, которые содержали готовый проект формирования Астраханского калмыцкого казачьего полка [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2].

В проекте военный губернатор дал следующую характеристику существующим повинностям калмыцкого народа: «на основании Высочайшей Его Императорского Величества воли, изображенной в предписании ко мне Г. Военного Министра от 11-го марта 1836 года за № 224, ежегодно отряжает на содержание кордонов и в ставку Хана Киргизской орды ото всех улусов, как владельческих, так и казенных по 250-ти человек, сверх того на основании § 202 положения о Калмыцком народе, учреждается от Калмыцких улусов, внутренняя пикетная стража». И. С. Тимирязев обращал внимание, что калмыки, отряжаемые из улусов на кордонную и пикетную службу, вооружение покупают за свой счет или за счет «общества, к коим принадлежат». При этом продовольствие и фураж, калмыки, служащие на кордонах, получали от казны, а калмыки служащие на пикетах, покупали за свой счет [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2–2 об.].

Внимательно изучив данные ведомости «об отбываемых Калмыками повинностей» от 12 декабря 1836 г. (№ 156), военный губернатор И. С. Тимирязев пришел к выводу, что в 1836 г. калмыцкие улусы потратили на вооружение и обмундирование 250 кордонных калмыков 16250 руб., а содержание пикетной стражи, составившей в том году 204 человека, составило 35280 руб. Общую сумму, потраченную на снаряжение калмыков на кордоны и пикеты, И. С. Тимирязев оценивал в 51530 руб. (серебром), не считая того, что ежегодно 44 калмыка, отряжались для сопровождения почт и эстафет по тракту от Астрахани к Кизляру [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 2 об. –3].

Особо губернатор отмечал, что, несмотря на столь значительные издержки на кордоны и пикеты, калмыки, поступившие на годовую службу, служили вместе с казаками Астраханского войска, но не могли «исправлять» службу наравне с ними. А на пикетах, оказавшись без постоянного надзора со стороны «начальства», не могли обеспечить

разъезды для предотвращения «воровства и своевольтв» в калмыцких улусах. Столь значительные издержки, производимые на кордонную и пикетную службы, по мнению И. С. Тимирязева, были неоправданными расходами при неудовлетворительном несении службы калмыками, что и привело его к мысли о введении «лучшаго воинскаго порядка», «удовлетворительного порядка и хозяйственного быта» калмыков при одновременном уменьшении расходов [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 3–3об.].

Суть проекта И. С. Тимирязева заключалась в формировании калмыцкого полка. При этом предполагалось в состав полка назначить 650 семей-кибиток из казенных улусов, преимущественно из тех семей, которые были не в состоянии отбывать своих повинностей. Полк предполагалось расположить первоначально кочевьем, а затем оседло в двух пунктах. Первый из них должен был находиться недалеко от кордонов, а другой в Мочагах. В полковой штаб-квартире должны были быть помещения для полковника и прочих штабных чиновников. Канцелярии полка и команд должны были содержаться за счет владельческих улусов.

Содержаться полк⁵ должен был за счет денежных повинностей с владельческих улусов вместо отбываемой ими кордонной и пикетной служб. Предполагалось с каждой кибитки брать на службу одного человека. Учитывая годовую потребность для кордонов и пикетов в 325 человек, половина полка должна была состоять на службе, а другая должна была оставаться на местах для ведения хозяйственной деятельности. Все калмыки, состоящие на службе, должны были получать жалованье, провиант и фураж из казны по окладам и положениям Астраханского войска⁶. Штат и орга-

⁵ Под словом содержание здесь подразумевалось только вооружение и обмундирование нижних чинов.

⁶ Калмыки, состоящие на кордонах, получали провиант и фураж из казны.

низационная структура полка также намечались по образцу казачьих полков. Сам полк должен был именоваться Астраханским Калмыцким Казачьим полком, а казаки должны были иметь свой особый мундир.

Надо отметить, что командование калмыцким казачьим полком предполагалось выбирать только из представителей калмыцкой элиты. Так, командование полком предстояло передать полковнику «из рода Владельцов Нойонов», а офицеров выбрать из «владельцев и почетных зайсангов». Жалование командного состава должно было поступать из казны по «окладам Козачьих войск». Военнослужащие-калмыки, откомандированные в сотенных составах на кордоны или пикеты, должны были служить только в своем составе, не смешиваясь с командами Астраханского казачьего войска. Также калмыки-казаки должны были содержать посты и находиться под руководством только своих офицеров [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 4–5].

Согласно документам, военным служащим калмыцкого полка предусматривалась выплата жалования серебром [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 15].

№	Должность	Сумма
1	Полковник	321 руб.
2	Подполковник	215 руб. 40 коп.
3	Войсковой старшина	165 руб.
4	Есаул	123 руб.
5	Сотник	88 руб. 80 коп.
6	Хорунжий	71 руб. 55 коп.
7	Старший урядник	10 руб. 65 коп.
8	Младший урядник	4 руб. 80 коп.
9	Приказной	3 руб. 45 коп.
	Казак	3 руб. 45 коп.

По мнению И. С. Тимирязева, формирование калмыцкого полка должно было принести «тройную пользу». Во-первых, должны были быть сокращены издержки, употребляемые на кордонную и пикетную службы. Как уже упоминалось, вооружение и обмундирование кордонных и пикетных калмыков, в 1836 г. обошлось в 51530 руб. Так, по приблизительным подсчетам военного губернатора вооружение и обмундирование полка должно было обойтись в первый год в сумму около 90 тыс. руб., но в последующие годы «как однажды сделанное оружие, должно служить сряду несколько лет, поддерживаясь ремонтом, конская же зброя и обмундирование тоже возобновляется чрез известное число лет», т. е. содержание полка должно было обходиться в сумму, которую затрачивали улусы на содержание кордонной и пикетной стражи (51530 руб. в год).

Во-вторых, по мнению военного губернатора, калмыцкому народу содержание калмыцкого казачьего полка должно было обходиться дешевле, чем они уже тратили на содержание пикетов и кордонов. Все владельческие улусы освобождались от повинности по несению кордонной и пикетной служб. Также губернатор высказывал мнение, что образование полка принесет очевидную для службы пользу, «что Калмыки приобучаясь к желаемому порядку, удовлетворительнее будут исполнять свои обязанности, и соответствовать своему назначению, — чего ныне нет». Точное исполнение калмыками пикетной службы привело бы к восстановлению порядка в калмыцких улусах, прекращению отгона скота и насилия.

В-третьих, И. С. Тимирязев считал, что создание полка привело бы к улучшению ситуации с обнищанием калмыцкого населения. Так, для формирования Астраханского казачьего полка предполагалось выбрать самые бедные 650 кибиток из двух казенных улусов (Эркетеневского и

Багацохуровского)⁷. По предварительному «расчислению из половинного числа с их кибиток должно посылать будет Калмыков на службу, а другая половина, оставаться в кочевьях своих, для хозяйств своих». Следовательно, при этом распорядке каждый год 325 калмыков были бы обеспечены провиантом, фуражом и обмундированием. Здесь губернатор раздраженно замечал: «без всяких пожертвований из частной собственности» (видимо намекая на участие калмыцких полков в Отечественной войне 1812 г.) Сверх того служащие полка должны были получать от казны еще и жалованье. Таким образом, по мнению И. С. Тимирязева, образование полка привело бы к возможности обеспечить наиболее бедные семьи двух казенных улусов. В конечном итоге, по мысли губернатора, это должно было привести 650 калмыцких семей к оседлой жизни [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 5–7].

Автор проекта отдельно доказывал, что образование Астраханского казачьего калмыцкого полка, отделение 650 кибиток из ведомства казенных улусов, прекращение платежа ими податей не нанесет ущерб казне, поскольку «сбор этот с нищих людей, не есть существенный, а мнимый». Астраханский губернатор сообщал, что в Эркетеневском и Багацохуровском улусах уже давно существует несколько сотен семей, которые не в состоянии уплачивать всех податей [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 8–8 об.].

В дальнейшем, несмотря на активное участие губернатора в проекте формирования полка, какие-либо другие действия по нему были приостановлены до получения решения из столицы. Губернатор И. С. Тимирязев писал, что к «отобранию мнений Владельцев, по сформированию полка, я не осмелился приступить, до получения на сие разрешения Высшаго правительства» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 8–9].

⁷ Общая численность обоих улусов — 2357 кибиток.

Только 26 июля 1839 г. генерал-майор И. С. Тимирязев получил предписание за № 1982 от военного министра, в котором сообщалось, что «Государь Император одобряя ... предварительное предположение это о формировании Калмыцкого полка, повелеть соизволил потребовать некоторые сведения по сему предмету» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 11–11 об.]. Император потребовал данные по следующим вопросам: не будет ли затруднительным владельческим улусам сбор по 25 руб. с кибитки на содержание полка; какое количество земли следует отвести для калмыцкого полка; каковы конкретные расчеты по расходам на формирование полка [Шовунов 1991: 98].

Получив одобрение проекта, И. С. Тимирязев приказал Главному попечителю калмыцкого народа А. И. Войцеховичу, недавно сменившему на этом посту А. М. Фадеева, представить мнения представителей калмыцкой элиты по вопросу формирования калмыцкого полка. В течение февраля-марта 1840 г. ответы от владельцев, правителей и опекунов калмыцких улусов стали поступать в канцелярию Главного Попечителя калмыцкого народа. Но никто из тех, кто дал письменные мнения по поводу проекта формирования калмыцкого полка, не испытывал оптимизма, в отличие от губернатора, считавшего, что калмыцкому народу содержание калмыцкого казачьего полка будет обходиться дешевле, чем они уже тратят на содержание пикетов и кордонов. Подавляющее большинство представителей калмыцкой элиты выражали вполне обоснованные опасения, что расходы по содержанию полка будут гораздо выше, чем уже имеющиеся расходы на кордонную и пикетную службы. Нежелание калмыцких нойонов и зайсангов поддерживать проект формирования калмыцкого полка было основано на том, что большая часть подвластного им населения калмыцких улусов все более впадала в нищету, не имея возможности

даже для уплаты покибиточной подати — албана. Непрерывающийся с начала XIX в. упадок скотоводства вел к все большему обнищанию широких слоев калмыков-простолюдинов, развитию отходничества на рыбные промыслы, солеломни и наемные работы за пределами Калмыцкой степи. Это усугублялось тем, что само обсуждение проекта шло весной 1840 г. на фоне массового падежа скота у калмыков после суровой зимы.

Так, правитель казенного улуса зайсанг Церен Дорджи Мазанов сообщал, что «всему народу будет тягостно; ибо снабжение лошадьми, аммунициею и оружием, при настоящей бедности Владельческих улусов, будет стоить неизчислимых издержек» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 76]. Опекун Икицохуровского улуса зайсанг Тепкенке писал, что «учреждение такого полка не только будет стеснительно улусам казенным, но и прискорбно» поскольку снабжение полка будет более убыточно для улуса, чем нынешние кордоны и пикеты [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 80]. Опекун Яндыковского улуса зайсанг Оргечке также сообщал, что «по причине бедности» улус не имеет к тому возможности «ни имуществом ни наймом». Более того, опекун выражал резонные опасения, что учреждение полка будет стоить «гораздо больших издержек, нежели ныне существующие кордоны» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 81 об.]

Помимо прочего, большие возражения вызывала сама идея формирования полка только из населения двух казенных улусов. Так, владелец Большедербетовского улуса Менко Насун, выражая те же опасения, что и остальные представители улусов, отмечал, что полк следует набирать со всего «калмыцкого народа» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 104]. Хошеутовский владелец Церен Дондок Тюменев также предлагал составить полк от всего народа [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 107об.]. А правитель казенного Багацохуровского

улуса отмечал, что формирование полка только из жителей двух казенных улусов будет оскорбительно для остальных улусов [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 101].

Абганеровский владелец Малодербетовского улуса Менко Очир Тундутов был одним из немногих, кто, несмотря на сомнения в возможности содержания полка, был готов нести тяготы по его содержанию и предлагал постройку штаб-квартиры полка как наиболее затратной части провести за счет казны. При этом он вместе со своим старшим братом Деджитом Тундутовым был готов оказать материальную помощь в строительных работах [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 96].

Подробное и развернутое мнение представил владелец Хошеутовского улуса поручик Ц. Н. Тюменев, который сообщал, что «составление полка из одних казенных улусов не согласно с правами и обычаями народа, который всегда крепок оных держится и неохотно с ними разстается». Далее Церен Норбо отмечал, что формирование полка из населения казенных улусов приведет к тому, что «простой народ Владельческих улусов ничего чрез то не получает, кроме большого отягощения, так как должен содержать чужеродцев, по вкоренившейся мысли, как бы не принадлежащих к его целостности, и отделенных от него, на своем иждивении, которого потребует от него гораздо более, нежели на отправление кордонной и пикетной службы» [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 113–115].

Недавнее подавление в 1838 г. мятежа в Букеевской Орде в купе с резко негативным отношением представителей калмыцкой элиты к самой идее формирования полка снизило заинтересованность астраханской администрации в деле продолжения проекта создания калмыцкого казачьего полка. Поэтому решение вопроса о формировании калмыцкого полка было возобновлено только в январе 1841 г. Надо отме-

тить, что Совет Астраханского калмыцкого управления, идя навстречу пожеланиям владельцев, правителей и опекунов калмыцких улусов, принял решение о том, что калмыцкий полк должен был формироваться уже из населения всех улусов. Соответственно численность полка возросла до 796 чел. [Шовунов 1991: 99]. Однако и после внесенных исправлений представители улусов, за исключением малодербетовских и хошеутовских нойонов, продолжали негативно относиться к проекту формирования калмыцкого полка, который по их мнению, должен был разорить калмыцкое население. Позитивное же отношение к проекту малодербетовских нойонов Тундутовых и хошеутовских нойонов Тюменей во многом объяснялось их желанием занять начальствующие должности в калмыцком полку [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 12. Л. 96].

В начале осени 1843 г. внезапно в Астраханскую губернию была назначена сенатская ревизия. Возглавлявший ревизионную комиссию сенатор князь П. П. Гагарин по прибытии в город заявил, что в присутствии И. С. Тимирязева ревизию проводить невозможно. Поэтому последний весной 1844 г. на время проверки был отозван в Петербург. В том же году последовал указ об отставке его с поста военного губернатора [Бузгулов 1997: 93]. С уходом И. С. Тимирязева проект создания калмыцкого полка оказался заброшенным. Спустя почти десять лет в 1852 г. Министерство государственных имуществ окончательно поставило точку в деле учреждения калмыцкого полка, отметив, что «сформирование полка из калмыков вместо отбывания ими кордонной повинности ... по высочайшему повелению отменено» [Цит. по: Шовунов 1991: 100].

Таким образом, анализ источников позволяет сделать вывод о том, что, по мнению российской администрации, участие калмыков в войнах России считалось главным достоинством калмыцкого народа. Однако глубокий кризис,

поразивший калмыцкое общество после 1771 г., привел к снижению мобилизационных возможностей калмыков в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по охране южных границ России, уже не могли в той же мере реализовывать их в конце XVIII – первой половине XIX вв. Лишь в начале XIX в. волжские калмыки активно участвовали в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. в рядах русской армии. При этом два пятисотенных калмыцких полка содержались за счет казны и личных средств их командиров, а не из средств калмыцких улусов [Максимов, Очиров 2012: 389, 391].

Исходя из таких представлений о «полезности» калмыков на протяжении всей первой половины XIX в., в администрации Астраханской губернии время от времени рождались идеи о переводе калмыков в казачье сословие. Эта идея представлялась чиновникам единственным способом вернуть калмыкам возможность участвовать в военных кампаниях России. Подобные взгляды были характерны для многих представителей властных кругов России XIX в. Проект И. С. Тимирязева по созданию калмыцкого полка состоялся в русле представлений российской администрации о «полезности» калмыков. Однако мысль о формировании калмыцкого полка возникла у И. С. Тимирязева не сама по себе, а как вынужденная мера в ответ на мятеж в Букеевской Орде.

В целом надо признать, что, несмотря на поддержку этого проекта со стороны военного министра и самого императора, проект формирования калмыцкого полка был достаточно сырым и непродуманным. Он создавался во многом волевым решением военного губернатора на основании всего одного документа («Ведомости об отбываемых Калмыками повинностей, представленной 12 Декабря 1836 года»),

без учета мнения калмыцкой стороны и канцелярии Главного Попечителя калмыцкого народа. Следует учитывать негативное отношение владельцев, правителей и опекунов калмыцких улусов к идее создания полка, слабое экономическое обоснование по содержанию полка за счет калмыцких улусов, а также достаточно непродуманные мысли о «полезности» полка в деле прививания калмыкам идей порядка, дисциплины и оседлости. Думается, что в тот период проект И. С. Тимирязева был нецелесообразным и не отвечал потребностям как калмыцкого общества, так и внутренней политике Российского государства.

Глава 4.

Семья, общество и культура. Этнокультурная и социально- экономическая адаптация к изменяющимся условиям

4.1. Брак умыканием в первой половине XIX века

Брак умыканием, или заключение брака через похищение невесты, является одной из наиболее древних форм брака у народов Центральной Азии. В свадебной обрядности калмыков XIX в. можно выделить два способа заключения брака: путем умыкания невесты и путем сватовства. Брак умыканием среди калмыков имел довольно широкое распространение. Исследователь семьи и брака у калмыков Д. Д. Шалхаков отмечал, что вплоть до 20-х годов XX в. у калмыков встречались формы заключения брака, которые не требовали сватовства и свадьбы [Шалхаков 1982: 32].

Мотивом похищения часто был отказ родителей невесты выдавать дочь за сватающегося или любовь молодых людей. Так, Н. А. Нефедьев писал: «... в бытность мою в улусе Харахусовском один бедный калмык, влюбленный в девушку, сосватанную уже за другого, богатого жениха, ве-

чером, накануне того дня, в который надлежало быть свадьбе, похитил ее, когда она вблизи своей кибитки занималась собиранием аргасуна, и скрылся» [Нефедьев 1834: 120].

В исторической литературе принято считать, что основной и самой веской причиной умыкания в дореволюционный период было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011]. Эти фиктивные похищения невест, происходившие с негласного, обоюдного согласия родителей были главным образом характерны для бедных, малоимущих калмыков. Так, в 1816 г. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ващенко отмечал широкое распространение фиктивного похищения невест в начале XIX в. Он связывал это с тем, что «при всяком бракосочетании встречаются однако большия затруднения. Гелюнги должны сообразить день рождения обоих и назначить день брака, коих очень редко в году бывает». По мнению автора этнографических заметок, во многом именно это является причиной широкого распространения воровского бракосочетания, которое было в «большом употреблении между ими (т. е. калмыками – В. Б.)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д.161. Л. 119–119 об.].

В калмыцком обществе крайне осторожно подходили к такому рубежному событию, как свадьба, в том числе из-за существовавших представлений о несоответствии будущих супругов друг другу — *харш* (несовместимость). Жених и невеста должны были подходить друг другу как духовно, так и физически, должны были гармонировать «между собой все органы, все мышцы супругов» [Душан 1976: 47]. В случае же такого несоответствия, как считалось, в семье должны были происходить различные несчастья, болезни, раздоры и прочее, вплоть до смерти одного из супругов [Душан 1976: 48]. Дата свадебной церемонии полностью зависела от буддий-

ских астрологов-зурхачи, которые и определяли ее окончательную дату, а также соответствие или несоответствие жениха и невесты. Определение этой даты не только занимало большое количество времени, но и требовало больших материальных трат на подарки астрологам от обеих семей.

Я. К. Ваценко дал подробное описание данного квазисвадебного обряда «воровского бракосочетания», который заключался в том, что «жених, получив согласие отца невесты, посылает одно или два корыта вареного мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простого вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста, спустя несколько времени, едет верхом же с провожатыми к мужу — чем и кончится» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119 об.].

Между тем архивные документы показывают, что в первой половине XIX в. (возможно, и ранее) брак умыканием имел не только экономические причины. Распространенность брака умыканием привела к тому, что частые жалобы и обращения населения Калмыцкой степи стали причиной для разбирательства российской администрации. Так, 24 мая 1839 г. исполняющий должность помощника попечителя Малодербетовского улуса И. Черкасов подал запрос в Ламайское духовное правление¹ по поводу случаев, когда в невесты берут девушек против воли родителей и их самих [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22]. В запросе И. Черкасов отмечал, что «между калмыцким народом существует иногда обычай при совершении супружества брать невесту против согласия родителей и родственников и даже самой невесты набегом, а потому встречается недоумение, допускается ли таковой обычай религиозными обрядами». Особо помощника попечителя интересовал вопрос о том, «не подлежат ли уго-

¹ Ламайское духовное правление (1836–1848 гг.) — выборный орган управления буддийским духовенством у калмыков.

ловному суждению таковые учинившие, хотя бы завладение невестою не сопровождается боем или буйством» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л.1–1 об.].

В своем запросе И. Черкасов счел обязанностью добавить, что, по его мнению, «весьма полезно бы было уничтожить как этот ... необоснованный вредный обычай, оставшийся в калмыцком народе с древних времен от грубости и необразованности тогда <...> калмыков, так равно и другой подобный сему». Вредность, по мнению помощника попечителя, проистекала от того, что «от них происходят оскорбление родителей тех и родственников тех увозимых девиц и ссылаемых безвинно женщин нарушения» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 об.]. А более всего И. Черкасов желал запретить «самовольную безпричинную ссылку от себя (жены – В. Б.) ... прежде предоставления законных ... причин к тому в ламайское духовное правление и до получения на то разрешения от правления, как это бывает в народах прочих» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 2 об.].

Так, писал помощник попечителя², «увоз самовольно понравившейся девушки, имение ее некоторое время женою и после, может, была безвинная ссылка, порожденная каким нибудь новым порочным желанием обладать другою». В данном случае И. Черкасов поднимал весьма значимый вопрос о непрочности и слабости брачных отношений, заключенных при помощи умыкания невесты и не имевших законной силы в глазах общества. Помимо прочего, подобные браки часто порождали длительные конфликты между калмыками. Как писал И. Черкасов, похищение невесты «оскорбляет родителей обесчещенной женщины, <...> (принуждает – В. Б.) ее самое к чему-нибудь к неприличному». Но самым худшим явлением помощник попечителя считал, что такие браки «вдвое развращает нравственность молодых калмыков» и

² К тому времени И. Черкасов стал помощником попечителя.

приводят к ослаблению «религии и законов гражданских». Здесь И. Черкасов высказал мнение, что умыкание невесты могло быть вызвано лишь сиюминутным влечением молодого человека. И этот факт, несомненно, влиял на дальнейшие перспективы семьи, созданной на такой непрочной основе, а также на общее ослабление устоев традиционного общества. Завершая рассмотрение всех последствий брака умыканием, И. Черкасов упоминал и немалые материальные потери, потому что последующие неурядицы, происходившие в калмыцком обществе (в виде судебных разбирательств), в итоге приводили к разорению «и претендателя и ответчика» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

В итоге Ламайское духовное правление, рассматривая обращение помощника попечителя, определило: «Что если бы как <...> увезена девушка, без согласия родителей и ее самой да еще и сговоренной за кого-либо, как это иногда бывает между калмыками, то увезший ее калмык хотя бы и <...> должен подлежать за это суду». Таким образом, впервые в Калмыцкой степи была введена уголовная ответственность за умыкание невесты [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 22. Л. 3].

Ранее, в 1816 г., об этом же сообщал Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко: «супружество их (т. е. калмыков – В. Б.) непрочно: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119]. На основании подобного свидетельства можно сделать вывод, что имелась материальная выгода от экономии на исполнении свадебных обрядов, но вместе с тем брак умыканием не считался в глазах общества достаточно легитимным. Только «полноценная» свадьба, проведенная в соответствии с традициями, легитимизировала брак в глазах калмыцкой родовой общности. В традиционной семейной обрядности у калмыков должен был быть совершен целый цикл обрядов, которые оформляли окончательное включение

ние невесты в семью жениха, когда она наделялась статусом супруги. Понятно, что почти все эти обряды при браке умыванием не проводились.

Похищение могло происходить и по другим причинам. Так, в 1839 г. опекун Харахусовского улуса зайсанг Зодбо Дамбилев похитил Манку — дочь зайсангши Эркетеневского улуса вдовы Джоодже Мацаковой. 27 января 1839 г. в присутствии членов Совета Астраханского калмыцкого управления, губернского прокурора и члена Ламайского духовного правления Цюрюм Дензена произошло разбирательство, в ходе которого выяснилось, что дочь покойного Эркетеневского зайсанга Манджи Мацакова — Манка не была похищена насильственно, а увезена якобы по добровольному согласию матери [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 1]. Также выяснилось, что Манку Мацакову увезли по решению правителей Эркетеневского улуса (зайсангов Уту-Насуна и Неке), которые предложили Зодбо Дамбилеву взамен прежней его невесты, выданной за Малодербетовского владельца Менко Очира Тундутова, на выбор трех зайсангских дочерей. Зодбо Дамбилев выбрал себе дочь Джоодже, которой сообщили о принятом решении правители Эркетеневского улуса [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 15].

Зодбо Дамбилев даже провел свадебные мероприятия по «калмыцкому обряду», совершенные гелюнгом по имени Кирип Мухараев [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 22 об.]. Примечательно, что никаких положенных подарков дочери Джоодже зайсанг не делал потому, что уже сделал их предыдущей своей невесте, впоследствии отданной замуж за М. О. Тундутова. Более того, Манка Мацакова к тому времени была сосватана за малодербетовского зайсанга Балтыка Бороманджиева, который в ходе сватовства преподнес в качестве подарков ее семье две лошади и деньги (400 руб.) [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 13].

Вмешательство правителей Эркетенеvского улуса в вопросы брака подведомственного им населения, грубый произвол по отношению как к вдове Джоодже Мацаковой, так и к невесте З. Дамбилева в конечном итоге привели к конфликту и обвинению зайсанга в похищении, о котором свидетельствовало следующее: отсутствие свадебных подарков со стороны жениха, статус засватанной за другим М. Мацаковой, отсутствие согласия на брак матери невесты и самой невесты.

Таким образом, анализ позволяет выделить две разновидности брака умыканием: первая — насильственное похищение девушки, вторая — похищение с её согласия и с ведома родителей. На основании изучения целого ряда архивных свидетельств можно сделать вывод: распространенность брака умыканием привела к учащению жалоб и обращений населения Калмыцкой степи, которые стали причиной для разбирательства российской администрации. Это привело к тому, что в 1839 г. Ламайское духовное правление признало у калмыков похищение невесты против ее желания и желания ее родителей уголовным преступлением.

Распространение брака умыканием в XIX в., по мнению специалистов, имело экономическую подоплеку — «стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой» [Шалхаков 1982: 33]. Однако, по нашему мнению, недостаточная «законность» или, вернее, недостаточное соответствие нормам оформления традиционной свадебной обрядности при браке умыканием в глазах современников стали причиной того, что такие браки могли быть непрочными и недолговечными. В калмыцкой историографии на эту особенность брака умыканием не обращали внимания, акцентируя экономическую выгоду подобной формы брака.

4.2. Левират и сорорат у калмыков

Для кочевников смерть одного из членов рода всегда была сопряжена с изменением социальных статусов родственников покойного. В калмыцком обществе традиционно отсутствовали права женщины на личную собственность и, следовательно, на семейное имущество и на имущество умершего супруга. Это усугублялось полным правом семейно-родственной группы мужа на фертильный потенциал женщины. Смерть одного из членов социума становилась испытанием устойчивости и жизнеспособности всей социальной системы, что отчасти породило происхождение такой формы брака, как левират. Данный институт позволял оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Принимая во внимание специфику используемых источников, нужно отметить, что полноценного описания форм семьи и брака в традиционном обществе кочевников там нет. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков указывал, что сохранение института левирата у калмыков в XIX – начале XX в. было «следствием правовых норм патриархально-родового быта, устойчивости его обычаев и традиций, следствием экономических отношений внутри семейно-родственных групп» [Шалхаков 1982: 25].

Однако выявление и реконструкцию различных и наиболее древних форм брака, в том числе и левиратного, связанных с традиционной для кочевников системой понятий и ценностей, нередко можно проследить в материалах различных судебных решений. Так, в 1837 г. Зарго решал вопрос, кому управлять аймаком Гурбуг-Зур, оставшимся после смерти Эркетеневского зайсанга Церен-Убуши Мазанова. Среди прочих на управление аймаком претендовала зайсангша Амгулунг, у которой был малолетний сын Цеден,

младший брат Церена-Убуши. Зарго отказал Амгулунг, так как открылось, что Цеден прижит незаконно [Батмаев 2008: 106]. В 1843 г. уже подросший Цеден инициировал разбирательство о признании его законнорожденным. Данное дело послужило причиной довольно детального рассмотрения в Совете калмыцкого управления о законности браков в случаях «замужества вдов за кого либо из родственников умершего мужа». В январе 1843 г. Цеде Манжи из Эркетеневского улуса, ранее признанный по решению суда Зарго незаконнорожденным, подал прошение в Совет калмыцкого управления, в котором указал на законность своего рождения от Эркетеневского зайсанга Тугуджи Ончикова [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1].

В качестве доказательства Цеде Манжи сообщил, что по «обычаям калмыков и правилам веры меньшие братья имеют право брать в замужество снох своих и что обряды такого бракосочетания уже не совершаются чрез Гелюнгов, но бывают по согласию одних родственников, сохраняя все права брачного союза». В качестве главного доказательства Цеде Манжи представил все полное описание всех леви-ратных браков своей матери. Из прошения выяснилось, что его мать Амгулунг в первый раз вышла замуж за Муку — сына Эркетеневского зайсанга Ончика, после смерти Муки она перешла в замужество к Джиргалу — младшему брату Муки, затем к Мирзе дяде Джиргала, а после смерти последнего перешла в замужество к племяннику Мирзы зайсангу Тугуджи, от которого и был рожден сам проситель Цеде Манжи [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об]. Правда, в 1821 г. зайсангша Амгулунг, мать Цеде Манжи, подала прошение, в котором указывала, что «прежде в замужестве она была за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ее зайсангша Улюмжи выдала ее в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу, от коего и имеет рожденного сына

Церен Убашу (старшего брата Цеде Манжи)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48].

Поступившее прошение стало причиной того, что Совет калмыцкого управления вступил в довольно активную переписку «о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдов за родственников мужей их» с наиболее авторитетными фигурами Калмыцкой степи: владельцем Хошутовского улуса полковником С. Тюменем, владельцем Малодербетовского улуса капитаном Д. Тундутовым и правителями Багацохуровского улуса. Также попечителю Эркетеневского улуса предписывалось провести расследование по поводу законности «супружества зайсанга Тюгуджи на зайсангше Амгулунг» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 2].

Полученный ответ озадачил Совет калмыцкого управления, поскольку все указанные лица действительно подтвердили, что калмыки «при первоначальном только сочетании совершают обряд чрез духовенство и хотя при переходе вдовствующих женщин к родственникам мужняго колена или даже сторонних никаких обрядов со стороны духовенства не совершается, но рожденные от такого брака дети пользуются всеми правами законнаго происхождения и правами на наследство». Так, полковник С. Тюмень сообщил, что на «основании древних калмыцких обычаев, меньшие братья имеют право брать в замужество вдовых жен оставшихся после смерти старших братьев — согласно чему бывают примеры и между прочими степенями родства как то: дядями, племянниками и деверями и пр.». Далее С. Тюмень добавлял, что «таковые браки хотя и не совершают чрез духовенство, как бывает это при совершении браков на девицах но считаются законными, а потому и прижитые от оных дети признаются законными же наследниками и получают право наследовать званием отца и его достоянием» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 5об.]. Более того, в своем письме С. Тюмень

даже приводил различные примеры существования леви-
ратных браков в калмыцком обществе [НА РК. Ф. 42. Оп. 1.
Д. 29. Л. 2об.].

Владелец Малодербетовского улуса капитан Д. Тун-
дутов также отмечал, что «калмыки при первоначальном
только бракосочетании совершают обряд чрез духовенство
— и хоть при переходе женщин к родственникам мужеска
пола или даже сторонних каких обрядов со стороны духо-
венства не совершают, но рожденные в таком состоянии
дети пользуются полным правом на наследство своего ро-
дителя». Один из правителей Багацохуровского улуса также
отозвался, что «по калмыцкому закону и обычаям ближние
родственники между собою безпрепятственно берут в заму-
жество жен умерших родственников своих. И прижитые от
них дети бывают законными, и как обряды бракосочетания
совершены уже были при первом браке, то во втором тако-
вых духовенством уже не совершается [НА РК. Ф. 42. Оп. 1.
Д. 29. Л. 6–6 об.].

Между тем расследование проведенное попечителем
Эркетеневского улуса, дало противоположный результат.
Попечитель сообщил, что «разные калмыки того улуса при
повальном опросе показали, что по смерти зайсанга Мирзы,
жена его Амугулунг по смерти оставалась вдовою и в заму-
жество за зайсанга Тюгуджу не выходила». Подобное опро-
вержение факта бракосочетания калмыками Эркетеневского
улуса базировалось на том, что если бы «таковое замужество
действительно было, то по обычаям народа на это должно
было быть согласие родственников а при бракосочетании
людей значительных согласие и всего общества». Однако
ни согласия родственников, ни согласия всего общества при
бракосочетании Тюгуджи и Амугулунг, по словам калмыков
Эркетеневского улуса, никто не спрашивал [НА РК. Ф. 42.
Оп. 1. Д. 29. Л. 3].

Имея столь противоречивые сведения о законности левиратных браков, Совет калмыцкого управления 18 июня 1843 г. обратился в Ламайское духовное правление³ с просьбой «уведомить Совет о порядке перехода вдовствующих женщин за родственников их мужей, и сообразны ли отзывы владельцев Тюменева, Тундутова и Правителя Багацохурского улуса с правилами ламайского исповедания, обычаями и обрядами калмыков», а также о том, «точно ли при сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, точно ли нужно согласие общества улуснаго и родственников? И если то действительно нужно, то могут ли быть признаны законными браки не сохранившие сих условий?» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об.].

В июне 1843 г. в Ламайском духовном правлении на заседании было заслушано сообщение Совета Калмыцкого управления от 18 июня, в ответ на которое Ламайское духовное правление постановило уведомить Совет калмыцкого управления, что «по древним калмыцким обычаям и ныне существующим младшие братья по смерти старших братьев, имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих невозбранно. Старшим же братьям вдовых младших братьев жен своих иметь в супружество никаким правом не дозволяется. Это право дозволяется и дядьям, племянникам и деверям мужеска колена, а не женскаго» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 5].

26 июня 1843 г. Астраханское Ламайское духовное правление отправило письмо в Совет калмыцкого управления, в котором уведомляло:

1. «По древним Калмыцким обычаям, и ныне существующих – младшие братья по смерти старших братьев

³ Ламайское духовное правление — административный орган по вопросам управления духовной деятельностью калмыков, находился в г. Астрахани (1836–1848 гг.).

имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих, хотя бы и сверх желания их; это право позволяет и родственникам мужей их как то: дядьям, племянникам и деверям. Мужеска колена, но только с согласия вдовствующих женщин. Старшим же братьям после смерти меньших братьев иметь в супружестве младших снох своих, мужеска колена, ни каким правом не дозволяется».

2. «При сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, спрашивают согласия улуснаго общества и родственников, добрая воля самих вступаелей в браки, хотя бы и не сохранены были условия с родственниками и обществом признаются законными и принимаются в Ламайском исповедании за действительныя брачныя союзы».

3. «Отзыва по сему предмету Хошоутовскаго владельца Полковника князя Тюменева, Малодербетовскаго владельца капитана Тундутова и Правителей Багацохуровскаго улуса о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдовых жен за родственников мужеска колена Ламайское духовное правление находит сообразными с правилами Ламайскаго исповедания, обычаем и обрядам Калмыков» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8].

В отличие от левиратного брака женитьба по обычаю сорората⁴ не была обязательной. После смерти своей невесты или жены мужчина имел право объявить тестю, что хотел бы жениться на незамужней младшей сестре умершей, но отец мог отказать в просьбе. Считается, что если в основе права левирата лежит в первую очередь экономическая заинтересованность семьи мужа в том, чтобы имущество жены не покинуло его род, то институт сорората связан с желанием сохранить уже сложившиеся социальные связи

⁴ Сорорат (от лат. *sorog* – сестра) – традиция по которой мужчина после смерти жены вступает в брак с ее сестрой.

между двумя семейно-родственными группами. Однако институт сорората не всегда не имел экономической подоплеки. Так, в конце XVIII в. умер бездетным от оспы хошутский нойон Люрюп, сын Теки, после которого остались две малолетние родные сестры Абали и Цаган. В 1780 г. на старшей сестре Абали женился мелкопоместный торгутский нойон Цагалай, который взял в качестве приданого 150 кибиток и в качестве условия «оставя торгоутское свое звание принял на себя хошоутовых владельцев фамилию и был бы над ними яко природный владелец» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 177]. Также по решению астраханского губернатора И. В. Якоби было предписано «чтоб меньшая ее сестра, когда придет в совершеннолетний возраст и пойдет в замужество, то ис того улуса отдать принадлежавшую часть» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 81–82]. В архивных документах имеется письмо хошутской владелицы Цаган, дочери умершего хошутского владельца Теки и младшей сестры умершего хошутского владельца Люрюпа от 16 ноября 1780 г. к коллежскому асессору А. П. Воронину, в котором содержатся некоторые сведения об институте сорората. Так, владелица Цаган писала, что ее старшая сестра вышла замуж за владельца Цагалая сына Арабджура, но через три месяца, «будучи чревата», заболев, умерла. После смерти владелицы Абали зайсанги Тарба и Токтомиш вместе с 60 кибитками откочевали от Цагалая. Чувствуя свое пошатнувшееся положение в Хошутском улусе, 3 сентября 1780 г. «по смерти оной реченной владелец Цагалай от питомцев ее силой отняв». Поскольку владелица Цаган находилась в несовершеннолетнем возрасте, то Цагалай передал свою новую жену «в усмотрение матери своей, у коей находилась без всякаго призрения» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–176]. Интересно отметить, что в данном письме можно почерпнуть сведения и о случаях аталы-

чества⁵ девочек знатного рода у калмыков. Так, владелица Цагана сообщала: «Отец и брат мой при жизни своей отдали меня на воспитание зайсангу Тарбе, которого воспитанием она довольна».

Воспитатель ответственно отнесся к своим обязанностям и, узнав о плохом отношении к своей подопечной, вместе с зайсангом Токтомишем тайно откочевал к Черному Яру, где они сообщили об этом случае черноморскому коменданту. Прознав об этом, владелец Цагалай с вооруженными десятью человеками подстерег на дороге и захватил Токтомиша, «бил его, и связав руки назад, навязал на шею волосяной чумбур, и привязав оным за лошадиной хвост мучительно поступал, и отняв у него лошадь, платье, денег 28 рублей, плетень, а самого его содержал скованного в железах». Узнав о пленении зайсанга Токтомиша, а также о том, что Цагалай внезапно приказал откочевать от ставки девяноста трем кибиткам, «пожалованным отцу ее Еркетенева роду древним подвластным», владелица Цаган, «опасаясь <...> чтоб какого неистовства не зделалось, оставя свою кибитку, дву верблюдов, платье и постель», 18 сентября 1780 г. тайно бежала к своему воспитателю [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–176].

Вскоре за ней явился сам владелец Цагалай со старшим братом и в сопровождении двадцати двух вооруженных человек и приказал ей ехать с собою, но она «ответствовала, куда ей ехать, объявляя что ту ея дом». Услышав такое, Цагалай выхватил саблю и, угрожая ей отрубить голову, погнал в кибитку своих людей, но воспитатель и сама Цаган проявили редкую силу духа и оказали активное сопротивление людям Цагалая. Владелица Цаган даже «во осторожности вынув ножик» и грозила тем, «кто ее коснется то его за-

⁵ Аталычество (от тюрк. аталык – воспитатель) — традиция воспитания детей не в своей, а в чужой семье.

режет». Донельзя разозленный Цагалай, не сумевший силой захватить владелицу Цаган, на другую ночь отогнал у них 32 лошади и 2 верблюда [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 144. Л. 175–176]. В конечном итоге владелица Цаган обратилась к астраханскому губернатору М. М. Жукову с просьбой отделить ее от Цагалая и передать ей подвластных, принадлежавших ее отцу и брату. Губернатор принял решение разделить кибитки поровну между ней и Цагалаем [Батмаев 2002: 155].

Таким образом, разбирательство по вопросу о законности рождения Цеде Манжи, сына Тугуджи Ончикова, позволило определить основные условия левиратного брака у калмыков в первой половине XIX в. Так, по калмыцким обычаям младшие братья имели право брать в замужество своих овдовевших снох после смерти старших братьев даже против их желания. Это же право предоставлялось и другим родственникам мужа (дядьям, племянникам и деверям), но уже с предварительного согласия самих женщин. И наконец, полностью запрещалось брать в замужество жен после смерти младших братьев старшим братьям.

Также в рамках проводимого исследования выяснилось, что при левиратных браках представителей калмыцкой аристократии, помимо согласия родственников, обычно испрашивалось согласие улусного общества (т. е. населения улуса). Однако это было всецело лишь данью условностям и добрая воля самих участников левиратного брака.

Можно предположить, что существование института левирата у калмыков в течение первой половины XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Это стремление избежать значительных материальных расходов подтверждается тем, что при таких браках не проводилось никаких свадебных обрядов, которые несли за собой большие материальные траты.

Вместе с левиратным браком в калмыцком обществе встречаются и случаи сороратных браков, которые в среде калмыцкой знати часто имели явственно экономическую окраску, помимо желания двух семейно-родственных групп сохранить сложившиеся социальные связи.

4.3. Усыновление у калмыков: социокультурные особенности

Социальный институт *усыновления*, как форма установления искусственного родства, широко практиковавшийся в традиционных обществах, с давних пор выполнял важную функцию передачи власти, материального достатка и общественного статуса наследникам. В данном случае усыновление или удочерение (далее — *усыновление*) — это акт, в результате которого между усыновителями (усыновителем) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению [Топоркова 2010: 179; Зайкова 2011: 12; Бимбаева 2013: 146]. Отдельно стоит только упомянуть распространенный в XVIII в. среди калмыков обычай аталычества — временного усыновления.

Широко распространенный в прошлом обычай усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца), а также традиция воспитания сирот в семьях братьев покойного отца сохранялась на протяжении всего XIX в. Если калмыцкие дети лишались родителей, то они воспитывались в близкородственных семьях. Часто бездетные семьи сами усыновляли/удочеряли ребенка из семьи своих родственников. Считалось, что такой приемный ребенок неизбежно будет способствовать рождению своих родных детей.

Для этого бездетные супруги приезжали с подарками к родителям ребенка в определенный день и просили его мать о даровании им дитяти. При этом будущие родители должны были переночевать в доме своего будущего сына и уезжали только на рассвете [Шараева 2011: 28–29]. При этом для калмыков до недавнего прошлого был характерен обычай усыновления преимущественно мальчиков, в случае бездетности. Именно этот обычай заставлял калмыков обращаться к многодетным, но испытывающим материальные трудности родственникам [Шалхаков 1982: 55].

К усыновлению прибегали обычно представители всех сословий калмыцкого общества. М. М. Батмаев писал, что «возраст усыновляемого мог быть любым, даже вполне перзрелым, но усыновление обязательно должно было быть оформлено письменно, с доведением до сведения нойона, а позже судей Зарго и даже царской администрации. Причины усыновления могли быть различными, но главная из них — в случае бездетности обеспечить свою старость и передать наследство» [Батмаев 2002: 154].

В 1803 г. багацохуровский зайсанг Арши усыновил зайсанга Онкора и передал ему в управление аймак и «все имение» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24]. Для нас интересным является тот факт, что свое прошение об усыновлении зайсанг Арши обосновал установлением обычного права: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелиц зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. Более того, в другом своем прошении, от 27 мая 1804 г. на имя исправляющего должность Главного пристава калмыцкого народа, коллежского асессора П. П. Крупинского зайсанг Арши определял достаточно высокую роль усыновления в жизни традиционного общества: «по нашему калмыцкому узаконению, владельцы, зайсанги, и простой черный народ многие имеют приемышев» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 22].

К слову сказать, данное усыновление не было первым в жизни зайсанга Арши, поскольку до этого он уже усыновлял своего родственника, Иши Аракбу Гелюнга. Примечательно, что в прошении зайсанга Арши к Багацохуровскому приставу Александру Михайлову от 7 мая 1803 г. причина усыновления объяснялась как желанием обеспечить себе достойную старость. Арши писал: «при старости лет умножились у меня болезненные припадки», — и «для призрения себя» он усыновил доводящегося ему родственником Иши Аракбу Гелюнга. В письме было изложено мнение зайсанга Арши об обязанностях приемного сына и высказано недовольство усыновленным Иши Аракбой, который «ныне непризирает меня, и два года назад тому неприезжает ко мне, о болезни моей ненаведывается и аймаком не управляет, по государственным делам и надобностям исполнение чинить не может, и распутную жизнь ведет». Поэтому зайсанг Арши решил передать свой аймак и имущество «однородному своему» зайсангу Онкору, сыну Кошты. В сыновнюю обязанность усыновленному вменяется не только то, чтобы он «при жизни моей по долгу сыновнему меня призирал», но и чтобы после его смерти «поминовение зделал, жену и дочь мою имел на собственном попечении». Только после принятия этих условий Арши выразил свое намерение об усыновлении с последующим унаследовании в официальной формуле: «для чего его усыновляю и прошу представить о чем главному приставу и исходатайствовать повеление по коему бы лутче было аймак мой написать в опись за ним Онкором» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 2].

На слушании дела 27 мая 1803 г. судьями Зарго и главным приставом по прошению багацохуровского зайсанга Арши приставу багацохуровского улуса А. Михайлову было определено «отобрать подписки от аймашных зайсанга Арши желают ли они учредить у себя зайсангом Кошты

сына Онкора». И в случае, если «все пожелают учредить Онкора зайсангом тогда дать ему о владении оным ... и дело числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5 об.]. Однако до решения дела было еще далеко, поскольку выяснилось, что калмыки шовучинерова рода объявили, что «мы Онкора иметь зайсангом не желаем по причине что мы шовучинеры издревле сильною рукою никому в ведение от даваемы не были, о чем уповаем мы что торгоутовские владельцы и зайсанги могут быть известны» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 10].

В свою очередь правители Багацохуровского улуса описались по поводу законности отмены предыдущего усыновления: «хотя он Арше точно родственник», Иши Аракба Гелюнг не имеет права управлять аймаком потому что он гелюнг и «в свецкие дела входить не должен, а сверх того и отца своего который усыновил его непризирает, почему аймак ведать и управлять не может». Далее правители всецело поддержали кандидатуру зайсанга Онкора, который «может управлять аймаком природной зайсанг» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. Наконец сам Иши Аракба Гелюнг заявил, что зайсанг Арши усыновил его при свидетельстве Орчи ламы и багацохуровских правителей и бывшего пристава Д. Петрухина [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. В конечном итоге, неразбериха, связанная с двойным усыновлением, привела к тому, что «аймак мой услыша сие не у меня ни у усыновленного сына моего Онкора не находится, а кочует оставя меня больного (т.е. зайсанга Арши) по своей воле» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. 7 июля 1804 г. зайсанг Арши умер, брошенный своими аймачными людьми, оставив так и не решенным вопрос о своем наследнике [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 31].

Неоднократные прошения калмыков шовучинерова рода сделали свое дело, и 15 сентября 1805 г. суд Зарго заключил,

что поскольку аймак «добровольно и непринужденно сам пожелал быть во управлении означенного Санжи Аракба Гелюнга», то и утвердить их в его ведомстве [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57 об.]. 26 февраля 1806 г., спустя почти два года, багацохуровский зайсанг Онкор Коштуев подал прошение исправляющему должность Главного пристава П. П. Крупинскому, в котором с неудовольствием указывал на то, когда зайсанг Арши усыновил его, то он «при жизни его Арши содержал равно и по смерти его по обыкновению своему употребляя все возможности сделал по нем должное поминовение а оставшиеся после его жена и дочь оставались на моем содержании», а в 1806 г. последовало решение передать аймак Иши Аракбе Гелюнгу. Несмотря на то, что Онкор не являлся близким родственником умершего зайсанга Арши, он указывал на различные примеры того, что «Владельцов торгоутовских дербетевских хошоутовских и их зайсангов в коих есть то что кто будучи бездетен в таком случае усыновливают и отдают посторонним в наследство владении свои и аймаки и при том есть и таковые которья хотя и имеют у себя детей но аймаки отдают также другим» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57 об.].

В 1821 г. произошло новое разбирательство по поводу нерадивости приемных сыновей. Так, торгутский владелец Эрдени Цаган Кичиков, духовенство, зайсанги, старшины и «весь народ» подали прошение управляющему Министерством иностранных дел графу К. В. Нессельроде, в котором писали, что «родовой владелец наш Эрдени не имеет у себя наследника; которой бы мог после его управлять улусом ему подвластным, по согласию детей владельца Цебек Убушиева, давших от себя Заверительное письмо, усыновил он с общаго согласия нашего, умершаго брата причитающагося ему во 2-м колене владельца Санжи Убаши, сына Амугулунг Убушиева». В прошении было указано, что разрешение на

усыновление было получено в 1814 г. и от суда Зарго, и от отца Санжи Убуши [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–2 об.]. В деле указывалась любопытная подробность: «владелец Амгулунг получить должен по разделу равную часть и пользоваться с ними во всех случаях одними правами». Интересно то, что в прошлом и отец владельца Амгулунга сам был усыновлен владелицей Яндыковского улуса Битюкой [Батмаев 2008: 82]. Уже спустя два года, в 1822 г. владелец Эрдени подал донесение Астраханскому гражданскому губернатору П. А. Зотову с жалобой на своего приемного сына Амгуланг Убашу, который «в нынешнем году, как Ламе моему, так и многим зайсангам и всему подвластному народу причинившему беззаконно разныя несносныя обиды» и уехал в дербетовский улус [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 29]. В ответ мать приёмного сына владелица Надмид писала Главному представу А. В. Каханову, что «сын мой находился у владельца Эрдени, по причине той, что жена его (т. е. Эрдени Тундутава — В. Б.) владелица Цебек, а моя старшая сестра не имела у себя детей мужеска пола, просила меня на малое число лет оставить его при себе для увеселения и препровождения времени». [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 21–22].

21 июня 1822 г. Главный пристав А. В. Каханов подал рапорт Астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову о том, что в казенном Эркетеневском улусе «с некотораго времени допущена капитанша Улюмжи управлять аймаком в 300 кибитках состоящим, но как по закону калмыцкому не дозволяется иметь владение женскому полу», то для удержания за собой аймака она усыновила двух детей: своего внука Шарапа и сына зайсанга Мирзы Церен Убашу. В 1815 г. Суд Зарго признал факт усыновления и постановил, чтобы теми 300 кибитками Шарап и Церен Убаша владели как родные братья. А 10 июня 1817 г. зайсангша Улюмжи добилась того, что суд Зарго определил управление 300 кибитками выбран-

ными ею опекунами (Ончик Гелюнг Делибаев, Габун Убаши и Миргаши), а ей предоставлено было право старшинства над опекунами. Однако в 1821 г. представители Булучинова рода подали прошение, в котором они просили поставить над ними зайсангом Церена Убаши, сына зайсанга Мирзы. В том же году зайсангша Амгулун подала прошение, в котором указывала, что прежде в замужестве она была «за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ея зайсангша Улюмжи выдала ея в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу», от которого она родила сына Церен Убаши, но зайсангша Улюмжи усыновила неизвестно от кого рожденного мальчика Шарапа. Примечательно то, что зайсангша Улюмжи усыновила Шарапа и своего племянника Церен Убаши, но у последнего была еще и родная мать Амгулун [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48]. В данном случае такая форма искусственного родства была всецело продиктована желанием зайсангши Улюмжи сохранить власть над аймаком.

Понятно, что живейший интерес всего калмыцкого общества вызвал мальчик по имени Шарап, который неожиданно для всех стал сыном зайсангши Улюмжи. В 1823 г. было проведено расследование, в ходе которого аймачные старики показали под присягой, что мальчик Шарап был рожден от крещеной калмычки Токту Косикинской станицы, которого после смерти сына зайсангши Улюмжи, Джиргала, в 1807 г. привез калмык цатанова рода Цурюм Гелюнг Зундуев и передал его зайсангше Улюмжи сказав, что это сын Джиргала. Однако калмык по имени Джамбо Гелюнг Камоков объявил, что в мае 1822 г. приезжал к зайсангше Улюмжи казак Косикинской станицы Никита Гоглазин и требовал от нее вернуть ему его сына Шарапа, но Улюмжи уговорила его, чтоб он не брал сына, и за то подарила ему двух лошадей «с коими он приезжал к бывшему тогда при-

ставу Харагулову и сказывал, что Улюмжи велела ему приехать еще за деньгами».

По результатам следствия, проведенного в Косикинской станице, выяснилось, что Шарап был рожден от калмычки Токты, которая «по русски называлась Прасковья», а была в замужестве за крещеным калмыком по имени Мишанька из Багацохуровского улуса. А после смерти мужа, будучи долгое время вдовой, прижила сына «ис кем неизвестно коего по калмыцки называли Шарапом». Урядник Гоглазин сообщал, что в 1822 г. был в Эркетеневском улусе у зайсангши Улюмжи с приставом Харагуловым, но о мальчике Шарапе сообщил, что он сын дочери казака Ивана Чемгинова, Прасковьи. Однако, как Шарап был усыновлен зайсангшею, он не знал. В подтверждение его слов сестра мальчика Авдотья и его тетка Анна показали, что Токта проживая в Косикинской станицы, «будучи вдовой родила сына Шарапа а с кем не знают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 129–134].

При усыновлении у калмыков нередко возникали вопросы, связанные с особенностями большой патриархальной семьи. Так, в 1837 г. Комиссия калмыцких дел при рассмотрении дела о наследовании аймаком, оставшимся после смерти багацохуровского зайсанга Атуя, столкнулась с претензиями родственника по женской линии, зайсанга Нимы, который предъявлял права на аймак на том основании, что он был усыновлен Атуем. Комиссия нашла необходимым передать это дело на рассмотрение хошутскому владельцу Церен-Норбо Тюменю как знатоку «древнего калмыцкого уложения». В ответ Ц.-Н. Тюмень сообщил, что по древнему калмыцкому уложению усыновлять кого-либо можно только тогда, когда изъявлено согласие со стороны родственников усыновляющего, «на что Джанов, родственник Атуя по мужской линии разрешения на усыновление Нимы не давал» [Бюлер 1846: 9].

Таким образом, усыновление было одним из способов решения проблемы бездетности у калмыков. Институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен среди всех социальных слоев общества: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелиц зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают». Более того, бездетные семьи могли усыновлять, при согласии старших родственников по мужской линии, даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

4.4. Карточные игры в калмыцком обществе

Достаточно долгое время некоторые аспекты повседневной жизни как российского общества в целом, так и калмыцкого общества в частности, оставались малоизученными. Исследователи обходили вниманием, прежде всего, «теневые» стороны жизни общества, в том числе и карточные игры. Ни в одном серьезном отечественном исследовании нет сведений об истории появления и развития игр, не излагаются подробно правила игры и рекомендации, а тем более отсутствуют научные труды аналитического характера. Вместе с тем карточная игра существует не сама по себе, это определенная реальность, напрямую связанная с жизнью общества.

В конце XVIII в. глубокий кризис, поразивший калмыцкое общество после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г., привел не только к сокращению численности калмыков, но и к массовому обеднению населения улусов. Кочевое хозяйство больше не могло реально

быть источником материального благополучия. Все чаще калмыки находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах. Как отмечал исследователь К. И. Костенков, калмыки стали массово наниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. Уже в 1834–1835 гг. в Калмыцком Базаре на рыболовные промыслы подряжалось ежегодно до 5000 калмыков [Карагодин 1981: 36]. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основное количество рабочих на рыбные и соляные промыслы. Неизбежное проникновение товарно-денежных отношений в Калмыцкую степь привело к тому, что калмыцкая экономика перестала быть замкнутой и все больше ориентировалась на всероссийский рынок. Помимо прочего в калмыцкие улусы хлынули культурные новшества, в том числе и карточные игры.

По прошествии многих лет трудно судить о времени появления азартных игр в калмыцких улусах. Очевидно, что представители калмыцкой элиты достаточно давно были знакомы с картами, видимо, еще с периода существования Калмыцкого ханства в XVIII в. Например, в конце XVIII в. в Яндыковском улусе зайсангша Цебек «прославилась» тем, что «питие ж ее вино, а забава карты» [Батмаев 2002: 159]. Однако широкое распространение карточных игр среди простых калмыков можно отнести к периоду после 1771 г., когда стали появляться первые жалобы нойонов-улусовладельцев на разорение их подвластных от азартных игр и первые запреты на карточные игры среди калмыков. Достаточно отчетливо позволяет представить степень распространенности карточных игр в общественной жизни калмыков начала

XIX в. обширная переписка Главных приставов калмыцкого народа с улусными приставами и улусовладельцами по поводу азартных игр, сохранившаяся до наших дней в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Анализ архивных материалов позволяет указать на то, что первой и наиболее популярной карточной игрой среди калмыков стала «Горка», которая вошла в массовый обиход в конце XVIII в. благодаря своим относительно простым правилам. Так, в 1803 г. судьи калмыцкого суда Зарго указывали, что «картежная игра Горка» появилась в калмыцких улусах в период существования «Калмыцкого правления⁶ и ныне при господине наместнике (Чучее Тундутове)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. В 1804 г. исполняющий обязанности Главного пристава Павел Прокофьевич Крупинский также упоминал о «картежной игре имянуемой Горка» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1]. Много позже, во второй половине XIX в., исследователь И. В. Бентковский отмечал, что любимые карточные игры у калмыков — «горка, филька и в три листика» [Бентковский 2011: 467]. В современных работах, основанных на полевых материалах, также отмечается бытование в прошлом таких игр, как «кезыр» — игра в семь карт, «геркю» (горка) — в четыре карты и «ремиз» — в три карты [Шантаев 2006: 163]. Следует заметить, что само название «Горка» тоже подтверждает появление карточных игр среди калмыков в конце XVIII в., поскольку эта игра вошла в общественную жизнь России только в период правления императрицы Екатерины II.

Распространение карточных игр в калмыцких улусах, как и в любом другом традиционном обществе, влекло за собой случаи пьянства и аморального поведения, провоцировало драки, воровство, грабежи и другие преступления. Поэтому

⁶ Астраханское калмыцкое правление — административный орган по управлению калмыцким народом (1797–1801 гг.)

появление азартных игр среди калмыков стало предметом глубокой озабоченности у представителей российской администрации и калмыцкой элиты. В 1803 г. на имя Главного пристава Николая Ивановича Страхова поступило письмо из калмыцкого суда Зарго, в котором сообщалось, что один из судей по имени Габунг Цюрюм позволял играть в карты в кибитках своих слуг. Стало известно, что в ходе одной из таких картежных игр «у одного человека зговорившись двоя выиграли денег двести пятьдесят рублей». В своем письме судьи указывали, что в прошлом «при существовании Калмыцкого правления и ныне при господине наместнике Картежная игра Горка и с нею вместе плутовство и мошенничество насланными повелениями было прекращено», и на этом основании судьи обязывали игроков вернуть выигранные деньги. Однако судья Габунг Цюрюм и сами игроки отказались вернуть деньги. Не имея возможности повлиять на ситуацию с возвратом денег, а также пребывая в сомнениях о судьбе самих запретов на карточные игры в России («если означенные повеления не уничтожены и другага порядка не учреждено»), члены суда Зарго передали решение дела по возвращению проигранных денег в руки Главного пристава [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. Н. И. Страхов, не вдаваясь в детали спора, волевым решением приказал выигравшим игрокам вернуть деньги, но столкнулся с довольно неоднозначным развитием ситуации, когда один из выигравших калмыков по имени Боро в свою очередь потребовал на таком же основании вернуть ему деньги (400 руб.), которые он проиграл в предыдущих играх [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 5]. Возврат денег проигравшим грозил перерасти в неисчислимую череду тяжб, поэтому Главный пристав срочно поменял свое решение на прямо противоположное, отказав просителям в возвращении проигранного. А в назидание проигравшимся возмутителям спокойствия, которые оказа-

лись выходцами из Дербетовского улуса, да и «протчим по дербетовому улусу калмыкам дабы не могли отрекаться незнанием играть в азартные игры и просить суда о картежных забавах, и о проигрышах», Н. И. Страхов поручил приставу Дербетовского улуса И. Бахтиярову общенародно объявить о запрете на карточные игры в улусе. Уже 17 августа 1803 г. И. Бахтияров доложил о выполнении поручения в рапорте [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. Надо отметить, что Главный пристав Н. И. Страхов, вероятно впервые столкнувшись с такой проблемой, не уделил ей большого внимания, не разделив опасений судей Зарго по поводу распространения азартных игр в калмыцких улусах, а просто ограничился частным решением данного вопроса.

Более внимательно к проблеме азартных игр у калмыков подошел преемник Н. И. Страхова — коллежский асессор, исполнявший должность Главного пристава П. П. Крупинский. 29 июля 1804 г. он направил письмо на имя пристава Малодербетовского улуса, надворного советника Ильи Михайловича Бахтиярова, в котором указывал: «По местному моему нахождению в дербетовском улусе сколько мог я заметить, что первейшее упражнение сего улуса у калмык, а особливо у гелюнгов и у всех духовного причета состоит в картежной игре, имянуемой Горка». Пристав отмечал, что «калмыки по привычке своей занимаясь сей игрой обыкновенно для веселости чрезмерно употребляют горячее вино; а от сих двух начало в первейших последствия происходят как то азарт, ссоры, драки», а «сверх сих последствий от азарта происходящих игра Горка приводит калмык в крайнее разорение и распутство потому что калмыки проигрывают деньги, а особливо скот в коем состоит весь их промысел и изобилие, и не имея более следов к поправлению своего состояния, вдаются в воровство и пьянство» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1].

Неприятное открытие факта распространения азартных игр в калмыцких улусах произвело большое впечатление на Главного пристава и привело его к мысли о негативных последствиях дальнейшего развития карточных игр для экономического благосостояния калмыцкого народа. Поскольку, по мнению П. П. Крупинского, азартные игры и пьянство подпадали под действие полицейского устава⁷ (ст. № 214 и № 215), он приказал И. М. Бахтиярову запретить всем торговцам продажу карт в улусе и саму «картежную игру», а также довести до сведения дербетовских правителей запрет на азартные игры и сообщить о том, что «в случае ежели кто пойман будет <...> в пьянстве или картежной игре тот час взяв их под арест и на основании полицейского устава и статей 256 и 254 по первому пункту выдержав суточное содержание на хлебе и воде представить в Зарго» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1об.].

Зафиксированное чиновниками увлечение азартными играми отдельными представителями духовного сословия привело пристава к мысли о запрете карточных игр среди буддийских священнослужителей. В письме от 29 июля 1804 г. к Сойбинг бакши Главный пристав писал, что в свой приезд он видел священнослужителей, «игравших в запрещенную картежную игру Горку именуемую», более того, П. П. Крупинский был неприятно удивлен, когда узнал, «что вообще во всех хурулах у геленгов первейшее есть упражнение карте оная игра». Отмечая тот факт, что игра в карты среди духовенства побуждает и простых калмыков «к таковому распутству», пристав просил наложить запрет на карточные игры в калмыцких хурулах [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 2].

Обеспокоенность П. П. Крупинского широким распространением азартных игр среди калмыков Малодербетов-

⁷ «Устав благочиния, или полицейский» 1782 года. Подписан Екатериной II 8 апреля 1782 г.

ского улуса навела его на мысль о том, что в других улусах дела обстоят не лучше. Исходя из своих представлений о вреде азартных игр, а также указаний правительства, он как представитель администрации поставил задачу борьбы с азартными играми, для чего пристав вступил в оживленную переписку с улусными приставами с целью иметь информацию о степени распространенности карточных игр в Калмыкии, а также выработки мер по их пресечению.

Надо отметить, что большинство попечителей довольно формально отнеслись к желанию Главного пристава ограничить влияние карточных игр, и лишь некоторые проводили активные мероприятия по их запрету среди калмыков. Так, пристав Багацохуровского улуса поручик Голубев в своем рапорте от 24 июля 1804 г. писал П. П. Крупинскому, что в «прекращение во вверенном мне улусе картежной игры, дабы не разорялись от оной лехкомысленная чернь калмыки» он вместе с правителями улуса и другими зайсангами принял решение о полном запрете на карточные игры в улусе, а «кто дерзнет играть в карты, и пойманы будут», тому будет назначен штраф. Рассуждая о соразмерности штрафов наказанию, поручик с рапортом направил проект на утверждение «буде ваше высокоблагородие найдете справедливым по их обряду».

Предложения о порядке штрафов и наказаний за карточные игры внесли правители Багацохуровского улуса зайсанги Кюштю, Хабан, Мацак и другие, которые в официальном «объяснении» от 23 июля 1804 г. на имя улусного пристава поручика Голубева сообщали: в «бага цохуровом улусе картежную игру определили мы строжайше запретить». В случае же «если кто впредь будет играть в карты на денги или на скот с хозяина в чьей кибитке будет картежная игра», то с таких нарушителей брать штраф «трехлетнюю скотину», который должен был использоваться для улусных обществен-

ных надобностей. Кроме штрафа, игроки в карты наказывались десятью ударами плетью, и наконец, с них взыскивался денежный штраф в размере 1 руб., который планировалось отдавать тому, кто сообщал о случае картежной игры. Последнее предложение правителей улуса касалось тех, кто снабжал игроков средствами для игры: «Естли же кто даст для картежной игры деньги или скот, такового лишить тех денег и скота». В конце своего «объяснения» зайсанги просили сообщить о предлагаемых суровых мерах по отношению к игрокам в калмыцкий суд Зарго и Главному приставу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–4 об.]. После подтверждения П. П. Крупинским решения Голубева и улусных правителей они планировали распространить их по всему улусу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 3].

12 февраля 1805 г. Главный пристав направил распоряжение бодокчечам Черноярского базара Кюме Андрею и Шарап Гецулю, в котором отмечал: «Дошло до сведения моего, что кочующий при городе Черном Яре на калмык базаре разных владельцев калмыки употребляют чрезмерную картежную игру, пьянство и чинят воровство, отчего приходят в распутство и не в состоянии отправлять службу Его Императорскаго Величества», и соответственно им было предписано предпринимать меры по прекращению подобных действий [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 11].

Особый интерес представляет переписка П. П. Крупинского с приставом Калмыцкого Базара, коллежским асессором Михаилом Тихоновичем Горбуновым. Так, 31 июля 1805 г. Главному приставу поступил рапорт от М. Т. Горбунова, в котором он указывал, что согласно полученному им при вступлении в должность предписанию об искоренении «пьянства, игры, зерни и всяких распутств», им было проведено расследование. М. Т. Горбунов узнал, что некоторые калмыки, «находясь у рыбопромышленников и прочих

людей в работе в свободное время удаляютца от хозяев на другие дворы с дачею хозяевам оных интереса, упражняются в пьянстве и производят зернь, и картежную игру с обращением в распутстве». Получив достоверные сведения об имевших место нарушениях, М. Т. Горбунов неоднократно приказывал всем бодокчелям, «чтоб они сами или чрез сторонних проведывали о местах производимой калмыками развратности, подтверждали им о воздержании себя от таковых поступках, а естли за сим где либо оные окажутся давали немедленно мне знать, чего во ожидании и оставалось неизвестным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12].

В качестве примера М. Т. Горбунов привел случай: 18 июля 1805 г. к нему утром явились «подвластные владельца Санжи Убаши зайсанга Уту Манжи калмыки Хара Манжи Сансаев, Арши Улустунов, Зунгуру Аюшиев, Шара Шарширов, и владельца Цебе зайсанга Цебека калмык Гелгюрю Цаганов», будучи в состоянии алкогольного опьянения, они находились в работе у «надворного советника Варвация»⁸ и привели с собой Гелен Гецуля, которые сообщили, что «в прошедшей ночи все они играли в зернь карточную в горку по 10 копеек ставка». Конфликт произошел от того, что за неимением у одного из игроков по имени Зунгуру медных денег он положил на стол десятирублевую ассигнацию, когда другие игроки положили «медные 10-копеечные монеты», а после игры выигравший Гелен Гецуль забрал все деньги, в том числе и ассигнацию [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об.].

При этом Гелен Гецуль не отрицал, что играл в карты, оправдывая себя тем, что якобы не знал о запрещении карточных игр; в ответ другие участники карточной игры ули-

⁸ Иван Андреевич Варваца (1743–1825) российский дворянин, кавалер орденов Святого Владимира и Святой Анны, известный меценат, член тайного греческого общества «Филики Этерия».

чали «ево Гецуля, что он подлинно знал в картежной игре запрещенье от владельца, и зайсанга приказанье буде где он усмотрица в той игре у него деньги отбирать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об.]. Описанный случай позволяет узнать об условиях карточной игры. Как сообщал М. Т. Горбунов, «а в карты ж они играли в 1 части в доме», где проживала «мещанская женка» (т.е. жена мещанина), которая за разрешение играть в карты брала по 10 копеек с человека в сутки [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об.].

Произошедшее событие позволило приставу выявить факт происходивших в городе «в домах по ночам непозволенных и разорительных игр». Позже пристав упоминал, что хотел лично проследить за карточной игрой: «хотя я сам желая помянутую женку уличить с бодокчеем доброго друга дни в вечеру проходя мимо дому подослал ево узнать нет ли у ней в доме калмык играющих в зернь, но на тот раз у нее никого не случилось». В дальнейшем свои размышления о карточной игре пристав передал в рапорте от 23 июля 1805 г.: «О чем о всем вашему высокопревосходительству имею честь донести, и каким средством их от вышеписанного отвратить предаю в рассмотрение ваше, поелику в наставлении ничего не предположено» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12 об.].

Выявленный случай нарушения калмыками запрета на распитие спиртных напитков и азартных игр привел пристава Калмыцкого Базара, коллежского асессора М. Т. Горбунова к мысли подать рапорт в Астраханское губернское правление, в котором он подробно описал факты того, что «разных орд калмыки находятся у астраханских рыбных промышленников в работах, которые удаляются от хозяев с дачею их интереса на другие двory, упражняются в пьянстве и производят зернь и картежную игру в доме». В том числе пристав указывал на недавний случай, произошедший

в Астрахани. В заключительной части рапорта М. Т. Горбунов писал: «Прошу картежную игру и зернь производимую в 1-й части города и в других местах, приказать чрез кого следует воспретить, а рыбным промышленникам также подтвердить до <...> находящихся у них в работе калмык отнюдь из интереса или из <...> на таковое зло не попускать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 13–13 об.].

Более того, и сам Главный пристав П. П. Крупинский 7 августа 1805 г. сообщал М. Т. Горбунову: «По содержанию Рапорта вашего от 23 июля за № 118 к прекращению картежной игры и зерни калмыками по городу производимой, отнесся я Астраханскому губернскому правлению и просил искоренить по городу зло сие», а также рекомендовал выявить совместно с астраханской полицией случаи игры в карты и «просить о притоносодержателей картежной игры <...> удовлетворения» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 14–14 об.].

Не успел пристав написать рапорт от 23 июля, как вечером 27 числа того же месяца на этот раз «на птичном дворе называемом» бодокчей Добро нашел у калмыка Джамбы Кусенова, принадлежавшего зайсангу Арши, «по допуску жены онаго калмычки Биджики калмык до шести человек играющих в зернь карточную в деньги в горку». Чтобы прекратить карточную игру, бодокчей взял несколько карт, что стало причиной еще одной потасовки, так как «они как были пьяные осердясь зделали драку, ево Бодокчeya побили изорвали на нем бешмет новый китаишной». По горячим следам и «извету ево Добры» были захвачены «один казенного ведомства Бага-Цохурова улуса аймаку зайсанга Джиргала Гецуль Зодбо Убашиев, да весьма пьяной зайсанга Кошты калмык Ходже, и отведены на часть, протчие бежали куда неизвестно». На другой день один из них по имени Гецуль Зодбо Убашиев признался, что в карты играли сперва девять человек, из которых четверо затем покинули игру, а он

с оставшимися пятью калмыками продолжил играть. Двух игроков он опознал как Курне владельца Мукукенья и Шойкулая из Багацохурова улуса, а трех остальных он не знал. Что же касается Ходжи, то со слов гецуля он в карты не играл, «а был только пьян и кричал», что подтвердил и сам пострадавший бодокчей. Гецуль и Шойкула нанялись к купцу Хлебникову. По поводу самой игры Гецуль сообщил, что карты были куплены у «означенной женки» за один рубль. Оба пойманных за карточной игрой калмыка в конечном итоге были отпущены из-под стражи «с подтверждением чтоб один в карты не играл, а другой не пьянствовал». Жене же Джамбы Кусенова было запрещено пускать калмыков для игры в карты в кибитку под угрозой денежного штрафа [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 15–16 об.].

Вскоре открылось новое правонарушение, когда подвластные владельца Мукукенья аймака зайсанга Джальчин Гелюнга калмыки Лоузанг Иши Дунаев и Джамчю Лоузангов пришли к приставу и объявили, что они шли в город для покупок через «Красный мост», а деньги, завернутые в кулек, в сумме десяти рублей нес на плече Лоузанг. На этом мосту им встретились «Багацохурова улуса Еркетеневского роду зайсанг Мукукень с новокрещенными калмыками одним госпожи Ахматовой, а другим архиерейским», которые, остановив их, схватили «кулек с деньгами» и стали вытаскивать деньги, но успели взять только два рубля тридцать копеек, когда к пострадавшим на помощь пришли двое их знакомых и стали отбирать деньги. Однако зайсанг со своими спутниками избил всех четверых: «и платье на них рвали, и одного свалив с ног зайсанг за косу⁹ рвал, и те новокрещенные держали лежащего на земле, он давил ево коленками». Найденный бодокчеем Шоргой зайсанг был приведен к приставу пьяным и оправдывался, что «якобы оные четы-

⁹ Традиционная мужская прическа калмыков.

ре человека ссорились и дрались с помянутым с ним приехавшими на дрошках из городу на красной мост — с двумя новокрещенными калмыками, аймак их и чьи они будто не знают (скрылись), а он зайсанг разнимал, а денег у них не отнимал». Однако присутствовавшие четверо пострадавших его уличили во лжи. К тому же бодокчей Шорго «от стороннего калмыка слышал, что он видел как реченной зайсанг с двумя калмыками приехали на дрошках к мосту красному, и должно было извощику заплатить деньги, но по неимению у них их с одного сняли бешмет, да и как у означенных калмык деньги отнимали и их били». Пристав приказал зайсангу возратить похищенное пострадавшим, но, столкнувшись с отказом, чтобы «от пьянства вытрезвился отослан в третью часть под стражу, где он ночевал, а поутру взят ко мне и внушаемо ему было дурном поступке ево и об удовлетворении обиженных калмык и по многом ево упорстве, напоследок решился деньги заплатить». Зайсанг был отпущен, но в своем рапорте от 12 августа 1805 г. М. Т. Горбунов интересовался, что делать впредь «с подобными озорниками и наглецами как поступать вашего предписания» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18–20].

В ответ на рапорт М. Т. Горбунова П. П. Крупинский направил ордер в его адрес от 7 августа 1805 г., в котором указывал, что в случаях «картежной игры и зерни калмыками по городу производимой» он должен был обращаться к полиции. Однако в ответном рапорте от 16 августа 1805 г. сам пристав просил ответить, что делать при «пьянстве, сварах, драках, и отъеме друг у друга денег, обращающимися, и по разобранию оказавшимися винными калмыками» и указывал, что как «поступать ни прежде ни днесь, предположения нет» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 21].

Помимо улусных приставов в активную переписку по поводу азартных игр с П. П. Крупинским вступали и отдель-

ные наиболее авторитетные калмыцкие нойоны-улусовладельцы. Так, 2 августа 1804 г. владелец Хошеутовского улуса майор Тюмень Джиргалан отправил письмо к исполняющему обязанности Главного пристава калмыцкого народа коллежскому асессору П. П. Крупинскому, в котором указывал: «Астраханские разног звания татара приезжают к подвластным моим калмыкам для продажи товаров в лотках и на арбах производя торг а между тем привозят и продают водку, которую калмыки покупая напиваются пьяны и берут у тех татар карты и играют».

Много конкретных наблюдений, касающихся карточной игры, содержится в письме нойона Тюменя: «Естли у кого не случаетца денег, берут у татар в долг калмыцкой чай, или другой какой товар. Играют на оный, и когда случится одному или двоим достаточно выиграть чаю, или товару или табаку папушами, оное продают обратно тем же татарам и отдают оной против взятой в долг цены на начальные деньги в половинную цену». В данном случае Тюмень обращал внимание на то, что калмыки его улуса «через то несут великой убыток, и разорение, и приходят в неисправность нести службу Государеву, должных мне податей давать и совсем не в состоянии а затем берут уже вредные меры к воровству и обманам, и так калмыки пивши водку и бравши в долг товар играя в карты совсем себя разоряют и запропащают, а татары стараются сохранять оное в важной тайне обязывая калмык присягой и дают зажитышным людям для картежной игры товар в долг».

Проблема распространения карточных игр усугублялась тем, что сам нойон по сути являлся единственным их противником в улусе. Об этом он с горечью писал: «Хотя я имею за оным мое наблюдение, но одному или двум чело-векам поймать и обнаружить онаго нельзя». Тюмень имел довольно четкое представление о том, что его действия про-

тив карточной игры во многом ограничены, в том числе и по той причине, что «если пять или десять человек пымают, то татару зделают *приклюп* скажут, что калмыки напав на них ограбили войдут в прозьбу и чрез то выдут хлопоты чего опасаясь также поймать нельзя» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–1 об.].

Выход из сложившегося положения улусовладелец видел только в запретительных мерах. И здесь мнение нойона основывалось не только на личном неприятии картежной игры, но и на памяти о таких запретах в прошлом. Так, он писал: «Назад тому 22-й год, то есть в 1783-м по повелению верховной власти командирован я был в сторону Крыма в поход и при отъезде своем просил я бывшего тогда в Астрахани губернатора господина действительного статского советника Михайлу Михайловича Жукова дабы никто подвластным моим калмыкам без сведения моего денег, товару, скота в долг не давал, и в работы не нанимал, и зделать о том в Астрахани купцам, армянам, татарам и индейцам запрещение». Данная просьба улусовладельца в тот период встретила понимание со стороны астраханского губернатора, и «по всей губернии учинена публика¹⁰, потому подвластные мои калмыки ни имея на себе долга жили спокойно».

Однако несовершенство местного управления привело к тому, что данный нормативный акт был со временем забыт местными властями. Поэтому нойон Тюмень видел причины неудовлетворительного состояния в области азартных игр в том, что «как прошло тому уже много лет, и та публика вышла у всех из памяти, но мои люди не думают о могущих быть последствиях». Особую озабоченность у нойона Тюменя вызывал тот факт, что в обществе незаметно происходил подрыв родственно-семейных устоев. Увлечшиеся игрой жители улуса забывали о своих обязанностях перед

¹⁰ Публика (уст.) — объявление.

семьей, погружаясь в мир азартных игр: «покушаются брать в долг товар, деньги и тому подобное, торгующие каждой зная зажиточных людей, детям их без сведения моего верят в долг».

Возрастание роли российской администрации в жизни калмыков привело к тому, что нойон Тюмень — полновластный хозяин своего улуса — просил: «По сим обстоятельствам дабы чрез сие удобное было могущей последовать важной убыток удержать предварительно прошу вас впредь подвластным моим без сведения моего кто товару, скота и денег в долг не давал, и в работы не нанимал, а равно тому и к кочующим в степи, товаров телегами для продажи не вывозили, чрез кого следует сделать запрещение».

Высказывая свою обеспокоенность сложившимся положением в улусе, нойон Тюмень опасался, что «вывозящие в степь на телегах и продающие товар, горячее вино, и водку татара продавая калмыкам пойло и чрез пьянство выходят ссоры, а от того дела татара приклеп что калмыки и ограбили, отчего в других улусах понесли калмыки великой убыток» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–1 об.]. Полученное письмо от улусовладельца не осталось без ответа со стороны калмыцкой администрации, и 17 августа 1804 г. П. П. Крупинский подал рапорт в астраханское губернское правление, в котором писал «о беспорядках происходящих в калмыцком хошоутовскаго владельца майора Тюменя улусе от продажи татарами водки и карт»¹¹. В ответ на рапорт 24 декабря 1804 г. «приказали: по жительству татар в Астраханском и Черноярском уездах сих уездов нижним земским судам предписать указами дабы оные помянутые в рапорте вашем требовании во всей точности выполнили, о чем и вам

¹¹ Губернское правление — бюрократический орган при губернаторе (относившийся к Министерству внутренних дел) с постоянным штатом, ответственным за управление губернией.

указом дать знать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 5]. В 1806 г. П. П. Крупинский признал дело решенным, поскольку дело «по прозье владельца Тюменя о уничтожении в улусе его картежной игры производимой татарами астраханского и красноярского уезда по рапорту моему губернское правление строго татарам чрез нижния земския суды подтвердило, почему дело сие числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 8 об.].

15 октября 1804 г. П. П. Крупинский получил прошение от калмыка Хара Манжи, подвластного «владельца Санжи Убаши аймаку зайсанга Джамбы гецуля». В прошении указывалось, что в течение «сего года с летняго последнего месяца по осенней средный месяц, в Аксахаловском хотоне, да еще у Габун Иши в хотоне» калмыки Анак и Габун Иши организовывали у себя в хотонах карточные игры. Сам проситель, который, как выяснилось, был тогда «кочевьем своим поблизку», часто ходил к ним играть в карты и, по его словам, не имел «выигрышу, равно и проигрышу». Однако 17 сентября 1804 г. Анак с пятью товарищами явился к Хара Манжи и, объявив о том, что он якобы проиграл в карты, отнял у него двух лошадей и быка. А затем, 24 сентября, они отняли у него еще двух коров с телятами и четырех баранов. Возмущенный такой несправедливостью Хара Манжи сообщил об этом владельцу и улусному приставу. Однако, когда проситель в следующий раз повстречался со своими обидчиками, он пострадал уже физически: «били плетьми» и отняли «десятирублевую ассигнацию, две серебряные монеты, чотки и трубку» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 7–10 об.].

20 марта 1806 г. астраханское губернское правление сообщило Главному приставу калмыцкого народа П. П. Крупинскому, что в ответ на его рапорт от 7 августа 1805 г. был принят указ от 13 марта 1806 г. в адрес астраханской полиции, «дабы она при наблюдении должна своей отно-

сительно запретительных игр и обуздания разпутства имела особое внимание в рассуждение калмык в городе находящихся поступая без упущения по уставу благочиния и другим изданным на сей предмет узаконений» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 24]. В свою очередь П. П. Крупинский довел до сведения пристава М. Т. Горбунова в апреле 1806 г., что в «картежной игре калмык все взяты предосторожности и о наблюдении к удержанию сего Астраханское губернское правление подтвердило о сем полиции настрожайшим равным образом предписано», и на этом дело перешло в разряд решенных [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 25].

В настоящее время узость источниковой базы не позволяет судить о степени настоящего размаха распространения карточных игр в Калмыцкой степи. Однако следует констатировать, что, несмотря на все мероприятия по запрету карточных игр, они мало повлияли на их распространение среди калмыков. Это было связано с тем, что все ограничительные меры носили во многом формальный характер. Так, уже в 1807 г. во время тяжбы за улус умершего икицохуровского нойона Мукукена торгоутовских нойонов Эрдени и Джиргала с нойоном Санджи-Убуши, первые в письме к Главному приставу А. И. Ахвердову от 14 февраля 1807 г. описывали картину разгула азартных игр: «Между тем оной улус чрез продажу горячего и виноградного вин и платежи за карты российским людям и сборами владельцу Санджи-Убуши податей может разориться до основания; и будучи без должного управления по своей воле покупая игру карты по пять рублей. За свет платят по два рубля в ночь <...> не имеющие же для картежной игры денег занимают у тех корчемщиков платя им процент по десять копеек за каждый рубль в ночь. А если кто не имеет у себя на платежи денег таковых заковывают в железы и берут у них скот дешевою ценою, и будучи под таковым бесхозяйственным распоряжением до-

пущены до того, что несколько человек промотавши весь свой скот похищают воровски оной у своих родственников и отдают за долг ими промотаны, и тем разоряют других» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 22].

Были подвержены этому пороку и представители наиболее заметной социальной группы — калмыцкой аристократии. Так, в 1832 г. малодербетовский нойон Деджит Тундутов имел долги на сумму до 90 тыс. руб. По запросу астраханского военного губернатора В. Г. Пяткина в Комиссию калмыцких дел о причине столь больших долгов Д. Тундутова, принимая во внимание его ежегодный доход в 150 тыс. руб., был получен ответ, что несмотря на экономную жизнь нойона, «доходят до комиссии частые слухи, прожил их зазорным образом (т. е. игрой в карты). Иначе столь великие доходы прожить ему невозможно» [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 132. Л. 16]. После смерти другого дербетовского владельца Эрдени Тундутова за ним осталось карточных долгов до 60 тыс. руб. Наконец, в 1876 г. хошеутовский владелец Церен Надмит Тюмень имел долги на сумму более 11 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 35].

Таким образом, обширная переписка Главного пристава П. П. Крупинского, сохранившаяся до наших дней, позволяет отчетливо представить степень распространности карточных игр в общественной жизни калмыков. Во многих рапортах улусных попечителей и калмыцких улусовладельцев звучала тревога по поводу распространения азартных игр. Соответственно, благодаря деятельности калмыцкой администрации и калмыцкой элиты, уже к 1806 г. в Калмыцкой степи был принят целый ряд указов, запрещающих карточные игры среди калмыцкого населения. Но средства по искоренению азартных игр были ограничены, и П. П. Крупинский обошелся лишь запретительными мерами. Согласно «Уставу благочиния» Главный пристав предлагал запре-

тить продажу карт в улусах, а также и сами карточные игры под угрозой суточного ареста на хлебе и воде. Однако все запретительные меры, как и в других российских регионах, носили во многом формальный характер при полном отсутствии единой общероссийской государственной политики. Об этом свидетельствует то, что с конца XVIII в. по начало XIX в. наместник Калмыцкого ханства Ч. Тундутов, нойон Тюмень Джиргалан, правители Багацохуровского улуса, различные пристава и сам Главный пристав калмыцкого народа запрещали карточные игры и неоднократно обращались в самые разные учреждения с целью запрета на распространение азартных игр среди калмыков.

Очевидно, что повсеместное появление карточных игр в разных российских губерниях знаменует собой начало трансформации традиционного уклада под влиянием российского рынка (индустриально-урбанистического уклада). Представленные факты о распространении карточных игр среди калмыков позволяют сделать выводы о том, что когда обедневшие калмыки стали массово приезжать в города для найма на «домовые работы» и к рыбопромышленникам, то это стало причиной неизбежной переориентации их мировоззренческой системы и высвобождения игрового инстинкта. Это усугублялось почти полным отсутствием механизма защиты от игровой зависимости в любом традиционном обществе. Город, населенный представителями самых разных культур и языков, ограниченный в пространстве каменными и деревянными домами, подавлял вынужденных отходников, привыкших к обширным степным пространствам. Будучи не в состоянии жить по своим обычаям, общаться в своем социуме, оторванные от своей семьи, калмыки стали восполнять это общением при игре в карты. Определенный духовный вакуум, нужда в социальном контакте стали главными причинами игры в карты у отходников. Игра в карты

была сублимацией равноправного социального общения в своем кругу под давлением чуждого им мира, где они находились в самом низу социальной лестницы.

Карточные игры ознаменовали собой изменение соотношения таких категорий, как труд и праздник. В среде отходников сложился определенный парадокс, когда, с одной стороны, почти все их время занимал тяжелый и беспросветный труд, а, с другой стороны, у них отсутствовала семья и связанные с ней бытовые занятия, которым в обычной жизни посвящалось свободное время, которое нечем занять при полном отсутствии контроля со стороны старших родственников. В патриархальном обществе они нормировали свободное личное время, теперь оно посвящалось карточной игре. Можно лишь привести в подтверждение слова калмыка М. Д. Куканова, который в разговоре с И. И. Мечниковым сообщал: «Те из нас, которые идут на заработки в разные города, Астрахань, Царицын, Сарепту, не только ничего не наживают, но еще разоряются пуще прежнего. Хотя им платят хорошие деньги, но они их употребляют на дурные вещи <...>. Еще ни один калмык не нажил себе состояния на работах, но многие сделались там горькими пьяницами» [Мечников 1873: 351].

Несомненно, что появление карточных игр у калмыков стало свидетельством самых глубинных социокультурных процессов в калмыцком обществе на переломе. Это и отход от традиционного мировоззрения, традиционных ценностей, и начало распада большой патриархальной семьи, которая больше не отвечала потребностям калмыцкого общества. В свою очередь, возрастание роли малой семьи приводило к тому, что семья могла стать заложником мужа, который являлся полным хозяином собственности. Распространение азартных игр среди калмыков приводило к тому, что некоторые знатные люди разоряли свои улусы и аймаки, отдельные

простолюдины — свои семьи, а представители духовенства — верующих.

При этом, как ни странно, в бытовании карточных игр отразилась народная специфика. Осмысление особенностей адаптационных возможностей культуры калмыцкого народа приводит нас к выявлению характерных элементов менталитета, связанных с особыми национально-культурными ценностями, которые ярко проявляются в отношении калмыка к труду, к деньгам и другим материальным ценностям. Определенный риск, связанный с рискованностью экстенсивного скотоводства, когда над кочевником всегда нависала возможность все потерять в результате различных стихийных бедствий, эпизоотий или военных действий, породил некую легкость в отношении к своему имуществу. Отчасти, калмыцкое понимание жизни можно выразить в народной поговорке «Богатство — до первого бурана, богатырь — до первой пули».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В указанный период большое влияние на все основные аспекты традиционной культуры оказал глубокий кризис, поразивший калмыцкое общество после 1771 г. Образование Калмыцкого ханства и определение его территории привело к формированию в конце XVII в. постоянных территорий летних и зимних кочевий улусов. При этом большое значение придавалось не только хозяйственной деятельности кочевий, но и сложившейся политической ситуации. Уход большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и последующая ликвидация Калмыцкого ханства привели к нарушению традиционной системы кочевий, которая позволяла наиболее оптимально распределять кормовые ресурсы для обеспечения скота, и к упадку скотоводства калмыков. В свою очередь это привело к сокращению численности калмыков и массовому обеднению населения улусов. Калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по охране южных границ России, уже не могли в той же мере реализовывать их в конце XVIII – первой половине XIX в., стал «уходить в прошлое» особый военно-кочевой уклад жизни калмыков. Это повлекло за собой глубокие адаптационные изменения в традиционной культуре.

Источниковая база XVIII в. – начала XIX в. по истории и этнографии калмыцкого народа нередко ограничивает исследователя в выборе тех или иных тем. Однако активно проводимые русскими учеными, чиновниками и путешест-

венниками исследования по истории и этнографии кочевых народов России позволяют обойти эти ограничения. Так, начиная со второй половины XVIII в., правительство Российской империи предприняло целую серию мероприятий, направленных на экономическое и историко-географическое изучение России. В результате многочисленных экспедиций, анкетных обследований сложился значительный корпус материалов историко-географического и экономико-статистического характера. Немалая часть этих документов, в частности топографические описания различных регионов России, содержат большое количество сведений по истории, географии, этнографии, экологии, необходимых для изучения прошлого Калмыкии и соседних регионов.

Можно констатировать, что описания второй половины XVIII в. несли большое количество историко-географической, экономико-статистической и этнографической информации. Одним из примеров такого описания является «План топографическому описанию о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии», составленный в 1784 г. в рамках проведения реформы административно-территориального деления Российской империи по указу императрицы Екатерины II «Учреждение для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г.

Составленное описание отчасти носило формальный характер, но отдельные представители калмыцкой администрации ответственно подошли к делу и дали подробное и детальное описание калмыцких кочевий, культуры и быта. Наиболее подробные сведения все составители дали по первому пункту. В их материалах имеются краткие сведения описательного характера о кочевых местах, водных источниках, флоре и особенностях рельефа местности. В материалах отражен тот факт, что успешное скотоводство было возможно только при сезонных кочевках, которые могли

обеспечить пропитание скота. Надо отметить встречающееся единодушное мнение о том, что богатство у калмыков всецело зависит от кочевных территорий. Также описание дает возможность рассмотреть картину управления калмыцкими улусами. По рескрипту Екатерины II от 19 октября 1771 г. управление над калмыцким народом переходило в руки астраханского губернатора. Единоначалие калмыцких ханов и наместников было заменено единоначалием русских чиновников, астраханских губернаторов со второй четверти XVIII в.

В описании мы можем почерпнуть сведения по этнографии калмыцкого народа. Так, сведения по одежде дополняются обязательным упоминанием одного из главных маркеров этнической специфики калмыков — красной кисти (*улан зала*). В описании указывается на повсеместное употребление калмыками блюд из ржаной и пшеничной муки. Более того, настойчивые упоминания о покупках муки говорят о достаточно значимой роли указанного продукта в питании калмыков. Упоминание о регулярных покупках пшеницы достаточно ясно говорит о появлении в кухне калмыков каши. Несомненно, что это связано с развитием отходничества в Калмыцкой степи.

В описании отражено и появление новых хозяйственных явлений — отходничества, когда в результате обеднения калмыки все чаще находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах. Отсутствие упоминаний о ярмарках в Калмыцкой степи достаточно много говорит о слабости торговых связей и торговли, что позволяет утверждать как о достаточной степени натуральности калмыцкого хозяйства, так и о том, что калмыцкие улусы еще не полностью вошли в экономическое пространство России.

Примечательно, что на протяжении всего XVIII в. в России велось целенаправленное изучение восточных народов, что в конечном итоге привело к формированию монголоведческой науки. В конце XVIII в. на службу российского государства поступили иностранные подданные: Г. Ф. Миллер, Е. И. Фишер, Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас и другие. Их труды стали основой для дальнейшего развития российского монголоведения. Так, Петер Симон Паллас — знаменитый немецкий и русский учёный возглавлял научную экспедицию Санкт-Петербургской Императорской Академии наук в 1768–1774 гг. в восточные регионы России для изучения и описания регионов Российской империи. Маршрут его отряда из Петербурга проходил через Москву, Владимир, Поволжье, Оренбург, низовья реки Урал, южную часть Уральского хребта, Екатеринбург, юг Западной Сибири, по Алтаю и Саянам, через Иркутск, Байкал и Забайкалье, а также через низовья Волги и кочевья волжских калмыков. Во время своей первой поездки в калмыцкие кочевья в 1769 г. П. С. Паллас вел путевой дневник, где записывал все, что входило в круг его интересов, в частности, различные сведения о калмыках. Этнографические характеристики дополнялись рисунками с изображениями национальных костюмов и т.п. В свой второй приезд на Нижнее Поволжье профессор П. С. Паллас, находясь в г. Царицыне, сознавая ограниченность своих сведений о калмыках, собранных в свой первый приезд, продолжил изучение калмыцкого народа. В январе 1774 г. он написал ряд писем в Астраханскую губернскую канцелярию, в которых просил предоставить ему для экспедиции «выписки и ведомости» по калмыцкой истории и культуре. Материалы, собранные в ходе исследования территории Нижнего Поволжья Академической экспедицией под руководством П. С. Палласа, имеют огромное научное и практическое значение для изучения калмыцкого народа.

Работы Палласа по исследованию народов России во второй половине XVIII в. стали началом планомерного изучения калмыцкого народа в последующие периоды.

В целом, функции по сбору сведений о калмыках в последующие годы взяли на себя российские военные и гражданские чиновники, которые исполняя свои должностные обязанности, стали невольными исследователями истории и этнографии калмыцкого народа. В отличие от ученых-исследователей народов Юга России, которые зачастую могли некритично относиться к официальным статистическим данным, они, будучи администраторами, которые непосредственно участвовали в сборе сведений о калмыцком народе, всегда имели возможность сравнивать эти данные с настоящим положением дел. Здесь надо отметить Главного пристава калмыцкого народа подполковника Степана Лаврентьевича Халчинского, который за короткое время пребывания на своей должности успел составить *«Краткое описание об образе жизни калмык, трухмен, кумык и чеченцов в ведомстве Главного над калмыками пристава состоящих»* в 1811 г. для представления в губернское правление в г. Георгиевск. В нем, он сразу дал краткое описание истории калмыков периода существования Калмыцкого ханства, указав, что «вышедший из Китая с лишком сто лет» калмыцкий народ «обитает по большей части в Астраханской губернии» и составляет из себя «три рода именно: торгоутовской, дербетевской и хошоутовской, из первого наперед сего были ханы, коими народ управяем был непосредственно, дела народныя зависели от самого хана и от суда их Зарго». Более детально С. Л. Халчинский стал рассматривать историю калмыков после 1771 г., когда было восстановлено звание наместника Калмыцкого ханства и был учрежден институт приставов калмыцкого народа, когда определили «к сему народу Главным Приставом» Н. И. Страхова.

Готовя свое описание, Главный пристав одним из первых затронул такую сложную проблему, как учет калмыцкого населения в конце XVIII – начале XIX в. С. Л. Халчинский писал, что «число Калмык простирается по поданным от них спискам до 14000 кибиток мужеска пола». Примерно такое же официальное число калмыцких кибиток (семей) указывал первый пристав калмыцкого народа Н. И. Страхов, что может служить косвенным свидетельством того, что калмыцкие нойоны-улусовладельцы укрывали истинную численность калмыцкого народа. Испытывая недоверие к полученным цифрам С. Л. Халчинский писал, что, хотя «настоящего счета без воли вышней верховной власти сделать не можно», то положившись на полученные устные свидетельства калмыков, он предполагал, что численность калмыцкого народа составляла 80000 чел.

Любопытно, что характеризуя военную службу калмыков, Главный пристав отмечал, что после 1771 г. мобилизационные возможности калмыков серьезно уменьшились. Весьма неглубоко в отличие от учета населения Главный пристав отнесся к вопросам религии, быта и хозяйства. С. Л. Халчинский лишь заострил внимание на том, что калмыки свой скот «продают оной хорошими ценами приезжающим по весне в орды Российским купцам из разных губерний и другим частным людям», а верблюжья и овечья шерсть обменивается на печеный хлеб и калачи. В завершение своего описания калмыков С. Л. Халчинский давал обзор территорий калмыцких кочевий.

Значительный вклад в дело изучения истории и этнографии калмыков внес другой Главный пристав калмыцкого народа — Яков Кириллович Ваценко, который составил «*Краткое описание Калмыцкаго и Трухменскаго народов*». Само описание калмыцкого народа составлено в довольно свободном стиле. Первое, на что обратил внимание Глав-

ный пристав, так это на численность калмыцкого народа — 14288 кибиток (семей). Сам Я. К. Ваценко писал, что указанную численность калмыцкого народа он составил, исходя из списков, поданных улусовладельцами, которые были собраны еще его предшественником подполковником С. Л. Халчинским. Однако пристав затруднялся дать точное число калмыцкого населения из-за непреодолимого препятствия в виде разразившейся междоусобицы в Дербетском улусе, из-за которой и сам владелец улуса Эрдени тайши Тундутов не знал точного количества кибиток в принадлежащем ему улусе. Однако в отличие от своих предшественников Я. К. Ваценко высказал предположение о том, что на самом деле число калмыцких кибиток «простирается до 30 тыс. если не больше». Свое предположение он основывал на тщательном изучении документов своих предшественников.

Одним из первых Главный пристав отметил наиболее насущную проблему калмыцкого народа в XIX – начале XX в.: сокращение пастбищных территорий в результате их захвата оседлыми народами. В приведённом им примере часть калмыцкой земли была «присвоена без малейшего права помещиком Надворным Советником Ребровым, а остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии». Рассматривая территорию калмыцких кочевий, которые неуклонно сокращались в результате крестьянской и помещичьей колонизаций, пристав писал, что это обуславливает последующие кризисные явления в кочевом хозяйстве в будущем.

Описывая ситуацию с кризисом кочевого хозяйства у калмыков, пристав отметил, что калмыки «не занимаются хлебопашеством, или чем другим, кроме скотоводства». Однако там же указывал на различные факты развития отходничества. Интересно, что Я. К. Ваценко также представил краткий обзор социальной структуры у калмыков. Рассматривая налоги и повинности податных сословий у калмыков,

Я. К. Ваценко обращал внимание на их неопределенное состояние и связанные с этим произвол и самоуправство калмыцкой знати при сборе податей.

Также «Описание» Я. К. Ваценко содержит ряд ценных наблюдений о религиозных представлениях у калмыков. Так, описывая буддийские верования у калмыков, сам Я. К. Ваценко называл калмыков идолопоклонниками, уточняя: «... по словам их (т. е. калмыков), множество бурханов, кои все составляют одного Бурхана (Бога). Отдельно автор замечал, что миряне никогда не заходили в хурульную кибитку для молитвы, «но обходят ее несколько раз в круг, и всякий раз падают на землю перед дверьми, а потом целуют войлок оной». Особо пристав указывал на большое количество людей «духовнаго звания» по отношению к остальному населению. Часто присутствуя на калмыцких праздничных мероприятиях, пристав заметил, что почти половину из приехавших к хурулам на богослужение составляют сами священнослужители (гелюнги, гецули и манджики).

В «Описании» емко показаны зарисовки традиционного быта и материальной культуры кочевого населения. Так, пристав писал, что «жизнь Калмыков вообще умеренная». Предельно рациональный образ жизни кочевника, обусловленный нехваткой природных ресурсов, вызывал недоумение у Я. К. Ваценко, который в этом видел в этом только невежество и «дикость». Описывая одежду калмыков, пристав отмечал ее простоту: «летом белая бумазая самая простая составляет вообще их одежду». Любопытно, что упоминая повседневные мужские калмыцкие головные уборы — овчинные шапки, пристав замечал, что верх у них обычно из желтого сукна (а не красного, как иногда считают). В целом, находясь на службе в Калмыцкой степи на протяжении всего четырех лет (1814–1817 гг.), Я. К. Ваценко показал себя и как кропотливый исследователь, который сумел выявить и сис-

темагизировать большой круг источников, чем немало расширил границы изучения истории и этнографии калмыцкого народа. Несмотря на присущую всем краеведческим трудам первой половины XIX века известную описательность, Я. К. Ваценко смог представить первый серьезный анализ социально-экономического положения калмыцкого народа.

Следует отметить, что с давних времен кочевое скотоводство было распространено в особой географической среде (лесостепи, степи, полупустыни, пустыни). Степные, полупустынные пространства в течение многих тысячелетий были идеальной нишей для развития традиционного пастушества. Кочевой тип калмыцкого хозяйства складывался в условиях резко континентального климата, слабой обеспеченности атмосферными осадками и водными источниками. В традиционном кочевом хозяйстве всегда существовала зависимость от природных условий. Скотоводство ойратов во многом основывалось на сезонных кочевьях, которые позволяли наиболее оптимально распределять кормовые ресурсы для обеспечения скота.

Обосновавшись в районе Волги и приняв в середине XVII в. подданство России, ойраты со временем стали известны как волжские калмыки. Как только в течение 40–60-х гг. XVII в. калмыки утвердились на территории, которую впоследствии занимали, они создали свою систему маршрутов перекочевов и распределения пастбищ по сезонам, нарушаемую только в экстремальных случаях. Создание Калмыцкого ханства и определение его территории привело к формированию в конце XVII в. постоянных территорий летних и зимних кочевий улусов. Но решающей датой в изменении системы сезонных миграций калмыцких кочевий стал 1771 г., когда большая часть калмыцких улусов откочевала из пределов Российской империи в Джунгарские степи. Оставшиеся на берегах Волги калмыки были лишены своей

государственности и вошли в состав Астраханской губернии. Все это не могло не сказаться на изменении территорий калмыцких улусов. Временный запрет кочевков на левом берегу р. Волги наложенный российской администрацией из-за опасения ухода оставшихся калмыков в Джунгарию, а также немногочисленность калмыцкого народа стали основными причинами изменения системы кочевий и обусловили будущие глобальные изменения в традиционной культуре калмыков.

Традиционная одежда и представления у калмыков претерпели эволюционные изменения в указанный период. Так, калмыки сохранили в качестве головного убора шапки с кистями из красного шелка. Мужчины носили халаты и *бюш-мюды* (бешметы), а женщины длинную безрукавку *цегдг*, а сверху шубу с рукавами. На ноги калмыки надевали сафьяновые сапоги и подпоясывались матерчатым кушаком. Главными особенностями, которые отличали калмыков от окружающих народов, являлись некоторые особенности пошива одежды. Так, правители Багацохуровского улуса писали: «Платье носим пространное, широкое». Данная особенность наиболее ярко была подчеркнута правителями Яндыковского улуса, которые упоминали «калмыцкое обыкновение манер платья». В целом, бытование традиционного костюма в течение XIX в. происходило в режиме постоянной адаптации к условиям современности с учетом практической целесообразности и эстетических предпочтений калмыков.

Трансформации подверглись также этническая и социальная структура калмыков. Например, социальные группы шабинеров в указанный период утратили часть своих специфических особенностей, что привело к дисфункции их социального института. Обособленное и постоянное проживание шабинеров на территории улусов, связанных общим происхождением с остальным населением улуса, а также

объединенных друг с другом общей историей, обычаями и осознающих себя как единое целое, привело к формированию своей этнической идентичности. Появление у шабинеров специфических черт этнической группы приводит нас к выводу о групповом самовыделении шабинеров из среды остальных социальных групп с начала XIX в. Таким образом, отсутствие различий в социальном статусе между шабинерами и албату послужило одной из причин трансформации шабинеров из социальных групп в этнические.

Относительно более крупных этнических калмыцких подразделений можно отметить, что анализ сложной этнической истории калмыков позволяет сделать вывод, что население не всех калмыцких улусов было изначально этническим образованием, некоторые являлись смешанными по составу группами [включавшими самые разные этнические подгруппы], которые на протяжении XVIII в. стали составлять новые улусы.

Отдельно надо отметить, что военное дело у калмыков во второй половине XVIII в. представляло собой целостную систему с развитой организационной структурой и функциями, которая была серьезно подорвана лишь после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. Особый военно-кочевой уклад жизни калмыков доказал высокую эффективность деятельности кочевых войск на протяжении всего XVIII в. В период Калмыцкого ханства существовала развитая система комплектования войск, которая позволяла в максимально быстрые сроки обеспечить сбор воинов. Отлаженная система комплектования войск была нарушена после 1771 г., когда мобилизационные возможности калмыков намного уменьшились в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Помимо прочего на снижение мобилизационных возможностей калмыков в этот период влияла обстановка неразбе-

рихи в калмыцких улусах. Именно эти причины во многом обусловили тот факт, что калмыки, которые на протяжении двух столетий выполняли важные функции по охране южных границ России, уже не могли активно участвовать как в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., так и в последующих военных кампаниях.

Основу калмыцкого войска составляли воины, объединенные в десятки, вооруженные как оружием ближнего боя — дротиками и саблями, так и дальнего — луками со стрелами и ружьями, которыми вооружались более обеспеченные, а также особо проявившие себя воины. В период существования Калмыцкого ханства в десятке примерно насчитывалось трое воинов, вооруженных луками и стрелами, двое — ружьями, и каждый был вооружен дротиком или саблей, однако на состав и организацию калмыцкого войска влияло экономическое положение калмыцких улусов, и лишь небольшая часть калмыков могла выступить в поход с луком и стрелами, огнестрельным и клинковым оружием, остальные имели древковое оружие — дротики и ножи. Вооружение также соответствовало условиям кочевого общества, широкое распространение получило огнестрельное оружие, что заметно по достаточно разнообразной номенклатуре оружия. Сохранявшиеся на вооружении, но уже устаревшие фитильные ружья соседствовали с более современными образцами оружия с кремневыми замками. При этом огнестрельное оружие, даже такое сложное в производстве, как нарезное, изготавливалось в калмыцких улусах.

Глубокий кризис, поразивший калмыцкое общество после 1771 г., привел к снижению мобилизационных возможностей калмыков в связи с сокращением численности калмыков и массовым обеднением населения улусов. Однако, по мнению администрации, участие калмыков в войнах России по-прежнему считалось главным достоинством кал-

мыцкого народа. Однако калмыки уже не могли реализовывать свои функции по охране южных границ России в конце XVIII — первой половине XIX вв. Лишь в начале XIX в. волжские калмыки участвовали в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. в рядах русской армии. При этом два пятисотенных калмыцких полка содержались за счет казны и личных средств их командиров, а не из средств калмыцких улусов. Но, исходя из представлений о «полезности» калмыков на протяжении всей первой половины XIX в., в администрации Астраханской губернии время от времени рождались идеи о переводе калмыков в казачье сословие. Эта идея представлялась чиновникам единственным способом вернуть калмыкам возможность участвовать в военных кампаниях России. Подобные взгляды были характерны для многих представителей властных кругов России XIX в. наглядным отображением таких воззрений стал проект астраханского губернатора И. С. Тимирязева по созданию калмыцкого полка, который состоялся в русле представлений российской администрации о «полезности» калмыков. Но, несмотря на поддержку этого проекта со стороны военного министра и самого императора, проект формирования калмыцкого полка был достаточно сырым и непродуманным. Он создавался во многом волевым решением военного губернатора на основании всего одного документа («Ведомости об отбываемых Калмыками повинностей, представленной 12 Декабря 1836 года»), без учета мнения калмыцкой стороны и канцелярии Главного Попечителя калмыцкого народа. Следует учитывать негативное отношение владельцев, правителей и опекунов калмыцких улусов к идее создания полка, слабое экономическое обоснование по содержанию полка за счет калмыцких улусов, а также достаточно непродуманные мысли о «полезности» полка в деле прививания калмыкам идей порядка, дис-

циплины и оседлости. Думается, что в тот период проект И. С. Тимирязева был нецелесообразным и перестал отвечать потребностям как калмыцкого общества, так и внутренней политике Российского государства.

Относительно остро встал после 1771 г. вопрос об этнокультурной и социально-экономической адаптации к изменяющимся условиям. Так, брак умыканием, или заключение брака через похищение невесты, который являлся одной из наиболее древних форм брака у народов Центральной Азии, получил среди калмыков довольно широкое распространение в XIX в. В исторической литературе принято считать, что основной и самой веской причиной умыкания в дореволюционный период было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой. Эти фиктивные похищения невест, происходившие с негласного, обоюдного согласия родителей, были главным образом характерны для бедных, малоимущих калмыков. Однако, по нашему мнению, недостаточная «законность» или, вернее, недостаточное соответствие нормам оформления традиционной свадебной обрядности при браке умыканием в глазах современников стали причиной того, что такие браки могли быть непрочными и недолговечными.

Подверглись определенному пересмотру и упорядочиванию левиратные и сороратные браки, которые стали причиной довольно детального рассмотрения среди российских чиновников дел о законности браков в случаях «замужества вдов за кого либо из родственников умершего мужа». В целом существование института левирата у калмыков в течение первой половины XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал, стремление избежать значительных материальных расходов.

На этом фоне продолжал сохранять свои позиции социальный институт усыновления у калмыков в первой половине XIX в., который распространен в обществе среди всех социальных слоев. Бездетные семьи могли усыновлять даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей. Иногда в борьбе за управление улусами и аймаками представители калмыцкой знати шли на самые абсурдные усыновления, как например зайсангша Улюмджи, которая усыновила своего же племянника Церен Убаши при живой матери Амгулунг. Усыновление выполняло важную функцию передачи власти, материального достатка, общественного статуса наследникам.

Кризис, поразивший калмыцкое общество после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г., привел к тому, что кочевое хозяйство больше не могло реально быть источником материального благополучия. Все чаще калмыки стали находить заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах. Неизбежное проникновение товарно-денежных отношений в Калмыцкую степь привело к тому, что калмыцкая экономика перестала быть замкнутой и все больше ориентировалась на всероссийский рынок. Помимо прочего в калмыцкие улусы хлынули культурные новшества, в том числе и карточные игры. Распространение карточных игр в калмыцких улусах, как и в любом другом традиционном обществе, влекло за собой случаи аморального поведения. Очевидно, что повсеместное появление карточных игр в разных российских губерниях знаменует собой начало трансформации традиционного уклада под влиянием российского рынка (индустриально-урбанистического уклада). Представленные факты о

распространении карточных игр среди калмыков позволяют сделать выводы о том, что когда обедневшие калмыки стали массово приезжать в города для найма на «домовые работы» и к рыбопромышленникам, то это стало причиной неизбежной переориентации их мировоззренческой системы и высвобождения игрового инстинкта. Это усугублялось почти полным отсутствием механизма защиты от игровой зависимости в любом традиционном обществе.

Карточные игры ознаменовали собой изменение соотношения таких категорий, как труд и праздник. В среде отходников сложился определенный парадокс, когда, с одной стороны, почти все их время занимал тяжелый и беспросветный труд, а, с другой стороны, у них отсутствовала семья и связанные с ней бытовые занятия, которым в обычной жизни посвящалось свободное время, которое нечем занять при полном отсутствии контроля со стороны старших родственников. В патриархальном обществе они нормировали свободное личное время, теперь оно посвящалось карточной игре. Несомненно, что появление карточных игр у калмыков стало свидетельством самых глубинных социокультурных процессов в калмыцком обществе на переломе. Это и отход от традиционного мировоззрения, традиционных ценностей, и начало распада большой патриархальной семьи, которая больше не отвечала потребностям калмыцкого общества. В свою очередь, возрастание роли малой семьи приводило к тому, что семья могла стать заложником мужа, который являлся полным хозяином собственности. Распространение азартных игр среди калмыков приводило к тому, что некоторые знатные люди разоряли свои улусы и аймаки, отдельные простолюдины — свои семьи, а представители духовенства — верующих.

Таким образом, в течение конца XVIII – первой половины XIX вв. подверглись изменениям состав и структура

духовной и материальной культуры калмыков. В основе изменений лежит сложное сочетание традиционной кочевой культуры и новых традиций оседлых народов. Глубинные корни данного явления во многом определяют современное своеобразие и самобытность калмыцкой национальной культуры.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 27, 50, 51, 61, 97, 128, 148, 161, 195.

Ф. 7. Оп. 4. Д. 12, 24.

Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32; 35. Оп. 4. Д. 350;

Ф. 35. Оп. 1. Д. 8, 17, 34, 36, 85, 144, 155, 160, 179, 188, 190, 202.

Ф. 36. Оп. 1. Д. 8, 33, 41, 390.

Ф. 42. Оп. 1. Д. 20, 22, 29.

Ф. 145. Оп. 1. Д. 132.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 148. Оп. 113. Д. 1414.

Ф. 119. Оп. 1. Д. 1657.

Научный архив КИГИ РАН (НА КИГИ РАН).

Ф. 6. Оп. 2. Д. 366.

Литература

Абрамзон С. М. Об обычае левирата и сорората у киргизов и казахов // Основные проблемы африканистики. М: Академиздатцентр «Наука», 1973. С. 58–65.

Авляев Г. О. К вопросу о системе этнических делений в быту калмыков // Этнографические вести. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. № 3. С. 135–143.

Авляев Г. О. К вопросу о «шебенерах» и «кетчинерах» в составе калмыцких улусов Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 9, серия истор. Элиста, 1974. С.139–154.

Авляев Г. О. Опыт классификации калмыцких этнонимов // Этнографические вести. Элиста, 1973. № 3. С. 127–134.

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – 1 четверть XVIII вв.). М.; Элиста, 1994. 248 с.

Авляев Г. О. Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований) // Этнографические вести. Элиста, 1973. № 3. С. 108–126.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. II. Тифлис: Тип. Глав. Упр. Наместника Кавказского, 1875. 544 с.

Артыкбаев Ж. О. История Казахстана. Астана, 2004. 159 с.

Бакаева Э. П. Богдо Далай-ламин хурул и этническая группа калмыков «богдоин шабинеры» // Востоковедные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 2007. Вып. 2. С. 56–62.

Бакаева Э. П. К проблеме происхождения этнических групп калмыков-цохуров (на примере «Уужахн») // Проблемы этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: Калм. ГУ, 2008. С. 196–202.

Бакмансурова А. Б. Игровое начало конфликта, битвы, соревнования (На лексическом материале древне- и средневерхненемецкого) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 4 (35). С. 200–204.

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 256 с.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Батыров В. В. Социальная структура калмыков // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 30–36.

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста: Калм. гос. изд-во, 1965. 180 с.

Бентковский И. В. Женщина калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 768 с.

Бильбасов В. А. Новые русские материалы по истории Семилетней войны. Вып. 1. СПб., 1886. 37 с.

Бимбаева О. Л. Историко-правовой анализ института усыновления в России в XIX веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 4. 2013. С. 145–148.

Бирюков И. А. История Астраханского казачьяго войска. Ч. 1. Саратов: типо-лит. П. С. Феокритова, Соборная пл., Соб. Д., 1911. 630 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008. 784 с.

Бузгулов Д. «Не взыскания, а награды заслуживает...». Тимирязев И. С. // Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань: Изд.-полиграф. комплекс «Волга», 1997. С 81–94.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Статья четвертая. Калмыки, их

степной быт и нравы, управление и судопроизводство // Отечественные записки. Т. XLIX. Кн. II. СПб.: В тип. И. Глазунова и Комп., 1846. С. 1–44

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. СПб., 1799. 385 с.

Гомбожапов А. К вопросу о проблеме номадизма в современной Монголии // Власть. № 10. 2009. С. 131.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Джангар, 1995. 127 с.

Душан У. Д. Обычай, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Этнографический сборник. № 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 3–54.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 335 с.

Зайкова О. Н. Усыновление как социокультурное явление: автореф. дис. ... канд. культурологии / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск: тип. ЧГАКИ, 2011. 27 с.

Карагодин А. И. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.

Карагодин А. И. К истории шабинерского сословия Приволжских калмыков (XVIII – первая половина XIX вв.) // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 34.

Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 90–105.

Костенков К. И. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1868. 341 с.

Костенков К. И. Калмыцкие улусы // Журнал собрания Астраханского губернского статистического комитета от 26 февраля 1863 г. Прил. № 1. С. 17.

Кичиков М. Л. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 31–60.

Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 162 с.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г., и 1769 г. Ч. I. СПб., 1771. 562 с.

Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2012. 519 с.

Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.

Мечников И. И. Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Российского географического общества. 1873. Т. IX. № 10. С. 335–351.

Митиров А. Г. О разделе калмыков по улусам // Хальмг Үнн. 1991. 24 –25 декабрь (бар сарин 24 – 25). № 241–242. С. 7.

Митиров А. Г. Шабинеры // Вестник КИГИ РАН (Вып. 18). Элиста: АПП «Джангар», 2003.

Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. С.-Петербург: Тип. К. Крайя, 1852. 189 с.

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 314 с.

Никонов А. В. Метаморфозы игральные костей: к определению понятия «азартная игра» // Вопросы культурологии. 2007. № 8. С. 30–34.

Новолетов М. Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 77 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР (дооктябрьский период). М.: Наука, 1967. 479 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть 1. СПб., 1809.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 4. СПб., 1830. № 2291.

Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1963. 26 с.

Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. Репринтное воспроизведение изд. 1912 года с комментариями и иллюстрациями изд-ва «Эбелек» 1990. 232 с.

Сергеев В. А. Топографические описания Рязанско-Тульско-Калужского региона во второй половине XVIII – начале XIX века. Автореф. ... канд. ист. наук. Рязань, 2003. 24 с.

Скворцов В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов: Тип. П. С. Феокритова, 1890. 410 с.

Смирнов П. Выдержка из путевых записок по калмыцким степям Астраханской губернии // Астраханские ведомости. 1881. № 3. С. 42.

Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Всесоюзной конференции (Элиста, 17–19 мая 1972 г.). Вып. I. Элиста, 1974. С. 220–230.

Страхов Н. И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроиз-

водства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 97 с.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 423 с.

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Топоркова Е. П. Феномен «адопция»: теоретико-методологический аспект // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. № 4. С.178–182.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 160 с.

Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в., и 1812 год. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шантаев Б. А. Карточные игры у калмыков (конец XIX – начало XXI вв.) // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 163–165.

Шантаев Б. А. Родовая структура зюнгар // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 140–145.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Томск. гос. ун-т, 2005. 244 с.

Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII – XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Юргенсон Г. А. Паллас – ученый-энциклопедист // Сборник материалов Всероссийского симпозиума с международным участием 10–13 октября 2011 г., г. Чита. Чита: Поиск, 2011. С. 5–12.

Pallas P. S. Merkwürdigkeiten des Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt, und Leipzig, 1773.

Vermeulen Han F. Peter Simon Pallas und die ethnografie Sibiriens im 18. Jahrhundert // Erschienen in Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert, herausgegeben von Erich Kasten 2013, 47–75.

Приложения

1811 г. Апреля 29 – Краткое описание о образе жизни калмык, трухмен, кумык и чеченцов в ведомстве Главного над калмыками пристава состоящих. Составлено Главным приставом Степаном Лаврентьевичем Халчинским для представления в губернского правление в г. Георгиевск.

КАЛМЫЦКИЙ НАРОД

- Л. 82. Вышедший из Китая слишком сто лет обитает по большей части в Астраханской губернии и составляет из себя три рода именно: торгоутовской, дербетевской и хошоутовской, из перваго наперед сего были ханы, коими народ управяем был не посредственно, дела народныя зависели от самого хана и от суда их Зарго, в 1771-м году калмыцкий хан Убаши бежал в Китайскую сторону со всею почти ордою с лишком во ста тысячах калмыцких кибитках состоящаго, тогда, оставшее число кибиток после побега причислено было в ведомство Астраханское, и дела их по выбор членов от трех родов по одному //
- Л. 82 об. зайсангу и со стороны короны двух чиновников разбирались Российскими законами и подносили на утверждение Астраханским губернаторам. Калмыцкий народ составляет из себя три рода имянно Торгоутовский, Дербетевский и Хошоутовский. В прошлом 1800-м году по прозьбе Кал-

мыцкаго народа блаженныя памяти Государем Императором Павлом Петровичем возобновлены по прежнѣму права их и учрежден для народнаго судопроизводства калмыцкой суд Зарго, из почетных особ состоящий для защиты и ходатайства в нуждах и делах их определяет к сему народу Главным Приставом. Число Калмык простирается по поданным от них спискам до 14000 кибиток мужеска пола, но как настоящаго счета без воли вышней верховной власти сделать не можно то из одних слов сторонних их же рода калмык предполагается число кибиток до 20000 кибиток //

Л. 83. Полагая примерно каждой из тех кибиток по 4 души мужеска пола, что составит 80000; на службу из них командировается ежегодно на кардонную против киргиз кайсак стражу по 5000 человек одноконные и вооруженныя кои имеют при себе пику ружье и саблю в большіе же наряды могут быть сформированы не более 10000 человек, исключая оружия, котораго на сие число доставать у них не будет.

Закон их идолопоклоннической имеют по своей вере ламов /то есть Архиреев:/ попов и монастыри отправляют слежение по их обряду; образ жизни их самой простой и безпечной, главной промысел имеют в скотоводстве, конных табунах, овечьем стаде и рогатом скоте, которому по обряду вероисповедания их счету никогда не имеется, продают оной хорошими ценами приезжающим по весне в орды //

Л. 83 об. Российским купцам из разных губерний и другим частным людям а вовсе время года по примерному положению продается по крайней мере на «300000» руб: в том числе верблюжья и овечья шерсть, которая ими употребляется на мену привозимаго в орды печенаго хлеба и калачей.

Прастранства степей занимают Калмыки, начиная от города Царицына в низ по реке волге до Каспийскаго моря, и от иуда по реке Куме к городу Ставрополю и до границы Войска Донскаго при примыкающей паки к Царицыну, что составит в окружной меже полторы тысячи верст, гренд земли по большей части солончаковый и трава где может производиться сенокосение есть по реке волга, и Кавказской губернии в уездах Ставропольском и Александровском, где так же производить можно не только сенокосение но и хорошее хлебопашество.

Л. 84.

ТРУХМЕНЦЫ

Вышедшия из Мангишлака еще при жизни Государя Императора Петра 1-го в 750-ти кибитках, коих простирается теперь до 1000 кибиток, исповедают закон Магометанской разбираются по делам своим старшинами по народному выбору; а по уголовным преступлениям отсылаются в Моздокский пограничный суд – по большей части заведывают их дела местныя начальники, кочуют в зимнее время по правую сторону реки Кумы в месте с Караногайскими Татарами; а в летнее переходят в след за калмыками на их кочевья, и движение имеют во все время лета за ними, повинности несли они до сель содержанием почтовой гоньбы по астраханскому тракту; а ныне по высочайшей имянной Его Императорскаго Величества воле причислены к калмыкам, исправляют наравне с ними кардонную службу и делают наряды в генеральной поход в случаях надобностей, живут противу протчего кочевого народа гораздо опрят-

нее, по характеру народ рачливой и сварливой, промысел имеют так же в скотоводстве по большей части в верблюдах, конном табуне, и овечьем стаде, которые продают приезжающим из российских Городов Российским Купцам выгодными ценами, но на какое количество неизвестно, потому что они по большей части имеют с Киргис Кайсаками //

Л. 58 об. в городе Гурьеве мену на вещи как то ковры, шелковые материи и тому подобные мелочи, коими украшают себя и дома свои.

ЗАРЕЧЕНСКИЕ НАРОДЫ

Кумыкския жители расположенныя за рекою Териком при подошве Кавказских гор, состоят в трех больших деревнях Андреевской, Аксайской и Костюковской, в которых числится 4100 домов они исповедуют закон Магометанской управляемы их владельцами и разбираются по делам их народным в судьях называемых МАХКЕМА. Народ вообще военной и трудоспособный, в хлебопашестве сеют по большей части пшеницу, ячмень и возят на продажу Кизлярским жителям (когда были разрешены карантинныя) теперь же доставляют к Лашуринскому карантину, один таркал для виноградных садов на котором произрастают ветви плода сего, меняют оной здешним жителям на холст, бурмет и протчие вещи для человеческой одежды нужныя до себя прихаживали они в Кизляр, для найма в работы по садам и сенокошениям и тем самым цена для Кизлярских жителей в наймы рабочих была соразмерной, но как теперь карантин за Терик, то лишены они сих способов.

Л. 85. Брагунская и Деевлигиреевская деревня расположена в вершинах реки Сунжи состоит первая из

трехсот а последняя из пятисот домов. Люди тамо живущия на таком же ... основании как и Кумыки, и тех же прав Магометанских, имеют подобное хлебопашество, и справливают на продажу в город Кизляр по реке Сунже впадающую в реку Терик разной строевой лес, исключая сосноваго и ... для садов Кизлярских.

ЧЕЧЕНСКОЙ НАРОД

Заключают в себе тридцать семь деревень в которых числится 3115 домов, исповедают Закон Магометанской, и разбираются в делах своих по подобному порядку – в духовном их судьи Махамы. Народ вообще военной и хищный, склонность большую имеет к воровству и грабёжам, что нередко причиняет границам нашим вред, жительство их за рекою Сунжею противу Наурской казачей станицы, имеют хлебопашество для жизни человеческой, в протчем же народ бедной сеют очень мало, а конских табунов вовсе нет.

- Л. 85 об. На все заграничныя народы имеет особенное влияние главное в здешнем крае начальство, управляется с ними военною рукою, и берет в безопасность шалостей ими производимых Аманатов, кои находятся теперь в Науре под надзором тамошняго шефа.

НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 97. л. 82–85 об.

1816 г. Сентября 20 – Рапорт в Государственную Коллегию Иностранных дел от Главнаго Пристава Калмыцкаго и Трухменскаго народов Статского Советника Ваценко. Копия.

- Л. 5. В следствие канцелярской Цыдулы из Государственной коллегии иностранных дел от 11-го про-

шлага августа под №3467. Имею честь препроводить при сем две ведомости Калмыцкому и Трухменскому народам. Показывающие Начальство их и число кибиток и сверх того краткую записку о сих двух народах со всеми сведениями, кои я могу об оных приобрести, без коих, и сверх того по причине разстройства Дербетевского улуса и не получения разрешения по оному на мои представления, я не мог досель выполнить сей обязанности.

– Подписано по сему: Статский Советник Ваценко. Верно. Секретарь Архип Иванов.

НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 161. л. 5.

1816 г. Сентября 20 – Краткое описание Калмыцкого и Трухменского народов (составленное Статским Советником Ваценко). Копия

- Л. 11. Число калмыцкого народа по поданным от Владельцев их спискам, переданным мне предместником моим Г. Подполковником Халчинским, как то явствует из приложенной при сем ведомости, простирается до 14288 кибиток. Сколько их ныне состоит, нет возможности знать в точность; ибо Калмыки будучи разсеяны зимою и летом на довольно пространной Дикой Степи, изчислить или примерно положить их число невозможно. К тому ж Указом Государственной коллегии иностранных дел запрещено делать им перепись, а подаваемыми Владельцами; котораго же года оной Указ, и под каким нумером, мне неизвестно; ибо я еще дел не принял, по той причине, что оне изготовлены бывшим сего штата Секретарем Павловым в начале прошлаго Мая м-ца; и // как я должен был через два дня ехать в степь; к тому

ж приметя из рассмотренных мною дел, что оне в беспорядке, почему и оставлены мною для сохранения Астраханскому Приставу Коллежкому Ассессору Авакову, и коих я трогать не хочу, пока прибудет из степи Павлов, где он находится для собрания его долгов на калмыках имеющихся. При вступлении моем в настоящую должность, в следствие Инструкции данной мне в руководство, я предложил Суду Зарго зделать наряд 500 ч. Калмык на кордонную против Киргиз-Кайсаков стражу, ибо предместники мои сами собою делали сей наряд. Суд Зарго не имея о сем ни малейшаго сведения, требовал от меня ведомости, по которой предместники руководствовались в сем случае; которая хотя мною тотчас и доставлена, но как Дербетевский улус разстроен вдовою Бакбут, которая подмня большое число кибиток, тому 4 года или более, откочевала за Зегерлик и в Донские пределы, кои не только не повинуются Владельцу //

Л. 12. Эрдени Тайши Тундутову, своим Зайсангам, кои находятся при сем Владельце, но равно и местного начальства не признают, и посылаемым к ним для убеждения к законному повиновению, выгнали побоями. Как то я неоднократно Государственной Коллеги иностранных дел имел честь доносить; почему ныне Суд Зарго объявил мне, что хотя некоторыя Владельцы жалуются, что по личности предместники мои наряжали с них, в сравнении других непомерно более; почему Суд Зарго хотя и желал бы разложить сей наряд по точному числу кибиток каждого; на какой конец и требовал от всех улусов ревизские сказки; но не получа оной, по причине помянутой разстройки,

- от Дербетевского Владельца Эрдени Тайши Тундутова, не знает числа Кибиток; почему и распоряжается по тому наряду прежним порядком. По сей единственно причине я не мог представить благоупомянутой Коллегии ведомости Калмыцким Кибиткам, ожидая разрешения на мои представления по сей разстройке. По замечаниям моим //
- Л. 12 об.** можно полагать наверно число Калмыцких Кибиток до 30 т., естли не более ибо в прежних ревизских сказках показаны аймаки состоящими в 20 и 30 кибитках, а при тяжбах открывается, что оные состоят в 100 и более кибитках. Будучи же стеснены по недостатку степи, ибо сверх сего количества кибиток можно полагать наверно, что они имеют разного скота до двух миллионов поголовьев; к тому ж нуждаясь крайне водопоем в летнее время; ибо по всему пространству степи, ими занимаемой. Изключая малой части реки Кумы, при которой зимуют, большая часть оной с великим пространством степи, на сей стороне реки, принадлежащей Калмыкам. Присвоена без малейшая права помещиком Надворным Советником Ребровым, а остальная часть заселена поселянами Кавказской губернии. Составляющими отменныя селения. О присвоенной той части степи помянутым Ребровым. Нарочитая Комиссия, наряжаемая с давняго времени //
- Л. 13.** в Кавказской губернии, поныне не зделала никакого решения. Сверх сего Калмыки со скотом своим за 20 верст не смеют приближаться к границам; ибо Донские казаки делают непомерные отгоны скота; поселяне же Саратовской, Астраханской и Кавказской губерний под претекстом пропажи скота, или вытравления травы, хотя на

землю Калмыкам принадлежащей, или пашни, захватывают скот; а сверх того содержат в тюрьмах для вынуждения денег, где они по непривычке от стеснения воздуха весьма часто умирают. Естьлиб Калмыки не были столь притесняемы со всех сторон, и естьлиб они имели достаточный водопой, то моглибы иметь двое скота; ибо водопой из по горам, лежащим по Донским границам, имянуемым Эргини, состоят из болотистых ручейков, кои летом пересыхают, а от того скот их. Да они и сами пьют всегда грязную жижу, нежели воду. //

Л. 13 об. Торгоутовские калмыки похожи на каторжных; ибо Калмыками занимаемая степь состоит из глины и песку; они находят воду только при подошвах песчаных гор, и роют большие и глубокие колодцы, кои не будучи ни чем обложены, за неимением по всему пространству их степи лесу, кроме одного тальника, который (*узезелел – нечитаемо*) потому что оный считают священным, ветры из безпрестанно заносят; почему они принуждены почти ежедневно копаться в песке, а между тем скот их и они остаются сутками без воды.

К вящему их разорению, с весны они оставляют зимовые свои места, дабы возвратясь на зимовку, могли иметь подножный корм; но Карангайцы и Юртовские Татары вытравливают оныя; а потому Калмыки летом и зимою нуждаются крайне в подножном корме, для прокормления своего скота. Таково их настоящее положение !

Л. 14. Будучи кочующий народ, переменяя // часто места, соображаясь однакож ограниченному пространству степи, не занимаются хлебопашеством, или чем другим, кроме скотоводства. Торгоутовские

и Хошоутовские Калмыки обнищавшие от падежа скота, разврата, и разоренные не предвидимыми случаями, как то: отнятием и отгонами скота, и находясь по близости Астрахани, нанимаются на Рыбные промыслы по Каспийскому морю, и по реке Волге, на ломку соли и в табунщики к Россиянам, Армянам и Татарам.

Дербетовские такого же рода Калмыки, кочующие к Кавказской Губернии и Донским пределам, нанимаются у поселян пахать землю, жать хлеб и косить сено; чем единственно и пропитываются. Из сего явствует, что естли Правительству угодно будет *заняться* сим народом, то весьма дешево и легко можно было поселить их по реке Куме на Зегерлик, и по Сарпе к //

Л. 14 об. Царицыну; ибо при сих только реках земля способна к хлебопашетству, остальная же состоит из глины и песку, исключая луговой стороны, на которой кочует Хошоутов улус, в котором я по ныне не успел побывать, по причине, что все лето должен необходимо быть при Суде Зарго.

Калмыкския Владельцы управляют своими улусами, состоящими до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых, на правах помещичьих. Первые зависят от Зайсангов и Хурулов (монастырей), а последние непосредственно от Владельцов. За важныя преступления Зайсангов, Владельцы имеют право отымать аймаки и отдавать их родственникам, а за неимением их посторонним достойным людям, по их усмотрению. Продавать же аймаки, или по одиначке, не имеют права и сего не делают.

Л. 15. Владельцы и Казенные улусы делают // раскладку ежегодно на подвластных своих, некоторым разорительным образом. От начала до исхода года, не имея в наличности нужной суммы, до сего года на поупку кибиток. Даваемых на Кавказские Минеральные воды, и на собственные Владельцов расходы, занимают у Донских помещиков, и в городах по Волге состоящих, довольно большие суммы, на кои платят от 30 до 60 на сто процентов; от чего все дорого им обходится, и по сей единственно причине налоги бывают часто тягостны. Сверх сего зайсанги, коим положено брать с аймажных своих не более двух рублей, берут более, и сверх того некоторое количество разнаго скота для доения и на зарез.

Калмыки идолопоклонники; они имеют, по словам их, множество бурханов, кои все составляют одного Бурхана (Бога). По словам их, они имеют // их по разным предметам там, как то было в древние времена у Греков и Римлян. Бурханы их рисованные на холсте и статуями. Кои ставят на столах покрытых материями или коврами; пред ним поставляется несколько серебряных стаканчиков, из коих одни бывают с разными семенами, а в другие, при питии Калмыцкаго чая или чигана (кислое молоко) наливают онаго для Бурханов; а при обеде и ужине ставят перед ними чашку с вареною бараниною. Обряд их богослужения состоит в следующем: по утрам по всем хурулам, Гецуль (Дьякон) сзывает нам молитву трубою, куда собираются Гелюнги, кои обошед несколько раз Калмыцкую кибитку. В коей поставлены Бурханы, входят в оную, поют молитвы, а при том

Л. 16. играют на разных инструментах, как то: на трубах предлинных, литаврах, рогах из больших раковин, и тому // подобных инструментах. Потом пьют там чай, курят трубки и обедают. Светские же, можно сказать, никогда не входят в ту кибитку для молитвы, но обходят ее несколько раз в круг, и всякий раз падают на землю перед дверьми, а потом целуют войлок оной.

Калмыки, сколько я заметил, народ суеверный; они предоставляют Гелюнам молитвы за них, а в замену того делают подаяние в хурул или деньгами, или скотом. Люди духовнаго звания в большом количестве в сравнении с народом, и все вообще холосты. Замечено мною, что в большие их праздники, когда народ съезжается в хурулы для моления, почти половина бывает Гелюнгов, Гецулей и Манджиков (дьячек или послушник). В сии то праздники, коих однако в году очень мало, Гелюнги сидя поют молитвы часа

Л. 16 об. два, а светские только ходят // в круге выставленнаго, на двух столбах нарисованнаго Бурхана, как Мадрегеген. Зункубай и проч.

Пост у них бывает три дни в месяц, коих в году бывает: три года сряду по 12-ть, а в четвертый 13 лунных месяцев, то есть 8-го, 15-го и 30 числа. Пост состоит в том, что в те дни нельзя резать скотины на съедение, но мясо можно есть, естели кто имеет, однако по суеверию почти никогда онаго не сберегают на те дни, а довольствуются чаем, чиганом и трубкою. Зимую отапливаются они в кибитках, а летом варят пищу сухим навозом, по неимению дров.

Жизнь Калмыков вообще умеренная. По утрам редко кто из них не пьет Калмыцкого чая, сваренного предварительно с водою, и приготовленного в открытом котле с маслом, солью и молоком. Около полудня едят варенную баранину, // а потом пьют бульен под названием шулюна. В вечеру же повторяется таковая же пища; ибо другой они не знают и не любят. Впрочем народ сей неопрятен и нечист до крайности; они считают за грех мыть котлы или другую посуду, коей имеют весьма мало, а потому в одном котле варят чай, потом мясо, потом рыбу, а после опять чай. Чайники имеют деревянные, фигуры конуса, которой служи ведром для воды, чигана, вина и чая, и едят охотно всякую дохлую скотину, сусликов и мышей.

Генеральное же занятие их всех состояние обоих полов, даже и малолетних детей – курить трубку; и потому остаются в совершенном невежестве, не занимаясь никаким учением. По сей причине редко кто из них знает писать на своем языке. //

Л. 17 об. Одежда их самая простая; летом белая бумазья самая простая, составляет вообще их одежду; Владельцы, зайсанги, их жены и Гелюнги, имеют парчевые платья и собольи шапки, кои очень редко носят. Все светские Калмыки вообще носят овчинные шапки, с верхами желтого сукна; Гелюнги же носят отличного покроя лисьи шапки с плоскою верхушкою, желтого же сукна.

Оба пола и всякого возраста, даже малолетние, ездят верхом.; а потому можно сказать, что они из первых ездоков в свете, ибо можно сказать, что они рождаются на лошадях. Я видел женщин родивших а на другой день едущих верхом,

что генерально между ними, ибо во всем Калмыцком народе, я не видел пяти одноколок на двух колесах с кузовом, покрытым войлоком, кои у них // не менее ценят наших карет.

Л. 18.

Самое большое угощение у них, во все времена года, состоит в чае, чигане, вареной баранине и бульене, а трубку всяк свою имеет; и они, сколько я приметил, едят нашу пищу единственно во угождение. Впрочем народ вообще хлебосол, хотя у них хлеба и нет; и я зматил, что всяк уделяет своей пищи всем, находящимся около его, хотя по самой малейшей частице.

Летом курят вино из молока, кое они предпочитают всем напиткам; зимою же употребляют простое вино, кое продают в улусах. Россияне и Армяне, по изволению Владельцов.

На зиму покупают они в близких селениях малое количество муки пшеничной и ржаной, и согрев воды в котле, сыплут пригорш муки, а потом кладут немного масла или // сала, что все вскипятив, пьют в деревянных небольших чашках, ибо ложек у них совсем нет.

Л. 18 об.

Болезни и похороны крайне их разоряют. При сих случаях Гелюнги, кои также единственные их лекари, настоятельно требуют деньги и скот для Бурхана. Что все между собою делят; и сей суевверный народ ничего не жалеет чтоб выздороветь, или дает для спасения покойника. Странно то, что и сами Гелюнги, при подобных случаях, равно разоряются.

Мне рассказывали, что последний Калмыцкий Наместник Чучей Тайши отец нынешняго Дербетевского Владельца Эрдени Тайши Тун-

дутова, был смертельно болен; лекарь его Гелюнг, приметя, что он умирает, сел на грудь и избил все его // лицо оплеухами, для удержания его души; но лекарство сие умертвило его скорее, тем паче, что возле больного день и ночь поют молитвы и играют на инструментах; а потому кто богаче, тот более таковым лечением бывает мучим.

Калмыцкий народ вообще горяч, но не мстителен и добродушен. Ведя жизнь праздную, делается ленив. Супружество их непрочно: как только муж осердится на жену, прогоняет ее, а потом берет другую. При всяком бракосочетании встречаются однако большия затруднения. Гелюнги должны сообщить день рождения обоих, и назначить день брака, коих очень редко в году бывает, а потому пользуются они воровским бракосочетанием, которое в большом употреблении между ими, и состоит в // следующем обряде: жених получа согласие отца невесты, посылает одно или два корыта варенного мяса, баранины, говядины или лошади, и несколько простаго вина; потом приезжает с несколькими провожатыми к невесте, и посидя у нее малое время уезжает; а невеста спустя несколько времени, едет верхом же в провожатыми к мужу – чем и кончится.

Самих Владельцов пища, одежда и бракосочетание одинаковы, с тою только разницею, что угощение бывает изобильнее, кое разбирают желающие, и несут всяк к себе.

Калмыки имеют свой Суд именованный Зарго, Высочайше учрежденный, в коем решается все тяжбы. // Дела в оном производятся все вообще словесно, а по важным делаются письменныя опре-

деления, кои потом чрез нарочнаго посланных от Суда приводятся в исполнение. Все доказательства состоят в Свидетелях и присяге; но не ответчик присягает, а по выбору противной стороны, кто либо из его роду; однако в течении двух лет я не видел ни одной присяги; во избежании коей обыкновенно мирятся они по общему согласию, что весьма замечательно.

Л. 20 об. Похороны у них отправляются разным образом. Знатных и богатых сожигают, посредственных погребают, а бедных – оставляют на поверхности земли на съедение волкам, собакам и // хищным птицам. Впрочем в сем обряде соображаются они со днями их рождения и смерти.

О ТРУХМЕНАХ.

Л. 21. Трухмены состоят в 836 кибитках, как то явствует из приложенной В. при сем ведомости. Они Магометанскаго исповедания; управляются старшинами избранными обществом; судопроизводство же чинится Кадиями. Они кочуют зимою по правой стороне реки Кумы, а летом перейдя по сю сторону оной, по причине тесноты Калмыцкой Степи, участвуют Нагайцам в вытравлении Калмыцких зимовых мест, что и возродило ненависть между // ими и Калмыками.

Упражнение их единственно в скотоводстве; К тому ж они делают довольно количество коровьего масла для продажи. Хлебопашества у них нет, или какого либо другаго занятия. Полагать должно что число их Кибиток простирается до 1500.

– Подписано по сему: Статский Советник Ваценко. Верно. Секретарь Архип Иванов.

НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 161. л. 11–21

1836 г. Сентября 1 – Рапорт Попечителя Багацохуровского улуса Господину Главному попечителю Калмыцкого народа, господину Коллежскому Советнику и Кавалеру Андрею Михайловичу Фадееву

- Л. 28.** В следствие предписания Вашего Высокоблагородия от 29-го июля №124 имею честь известить к Вашему сведению. Вверенный мне Багацохуровский улус, имеет кочевье, в нагорной стороне реки Волги, начиная от границ земель принадлежащих Хошоутовскому Калмыцкому Владельцу князю Тюменеву и до границ Малодербетовскаго улуса. Полагая примерно на 200, а от реки Волги степь, также не менее ста верст. Займище Цаган Аман, от реки Волги до реки Ахтубы на десять, а между границ казачьих станиц Копановской и Ветлянинской с прогоном, отведенным для кочевки калмыков разных улусов, с нагорной в луговую а из оной в нагонную стороны степи на девять верст. Но только оным прогоном калмыки теперь не пользуются. По причине самовольнаго заселения на оном с шедшими из верховьев губернии крестьянами. В коем и на прогоне изобильно травами и лесом, осокоровым, таловым и ветловым, но только для хормнаго строения неудобным, кроме как на обгородки дворов, конюшен, поветей и для дров, и можно делать плетневые для жительства мазанки //
- Л. 28 об.** т.е. два плетня и между их земляная насыпь. А с наружи и внутри, обмазать глиною, смешанного с коровьим калом. Мест таких где бы был чернозем неимеется, в прочем для посева ржи, пшеницы, овса, проса и разных овощей, как то арбузов, дынь, огурцов и прочая, местами по лощинам и

косогорам удобна. Травы хорошия родятся, наиболее в помянутом Цаган Аманском займище, в коем довольно и пресной воды, в степных же местах ни где пресной воды не имеется, кроме вырываемых худуков в пещаных местах т.е. колодцев, из коих калмыки берут для пищи и поят скот. Пастбищные места бывают хорошие в разных местах степи, так где более изобилует дождь. Признаков бывших оседлых жилищ ни в каких местах степи не имеется, да и не было по видимому их. Солонцов, песчаных бугров в достаточном количестве, но сколько их именно и под ними неудобной для скотоводства земли неизвестно. Камня в нагорной степи никакого не имеется кроме как в луговой за рекою Ахтубою отведенной для кочевья всем улусам по очередно кроме Хошоутовскаго владельца князя Тюменева. Есть гора называемая **Богда**, в коей много сераго камня под названием дикаго. Она я степь имеет пространства, от кочевья князя Тюменева и до границ Черноярскаго уезда Болхунскаго селения, примерно на ста и от реки Ахтубы до кочевья киргизов подвластных Хану Джангеру. Также на ста верст, она я степь по грунту //

Л. 29.

земли к хлебопашеству удобнее и травы получше нежели в нагорной. К которой принадлежит только займище под названием Цеке с хорошою травою.
НА РК, ф. 7, оп. 4, д. 7. л. 28–29.

1836 г. Сентября 12 – Донесение владельца Малодербетовскаго улуса Деджита Зангбо тайши Тундутава Главному попечителю Калмыцкаго народа Андрею Михайловичу Фадееву.

- Л. 31.** В следствие предписания Вашего высокородия от 16 июня с №100 и 7-го числа сего месяца с №155 мне данных, составленные: а) Ведомость о числе кибиток и количестве скота у подвластного мне народа, полагая в числе онаго и приплод сего года последовавшей. б) Сведения о хуральных бакшах, Гелюнгах, Манжах, и Эркетах //
- Л. 31 об.** при сем Вашему Высокородию представляя присовокупить нахожу необходимым, что значущийся в приложенном списке Кюбетев род, назад тому семь лет под предлогом желанія принять Христианскую веру совершенно вышел из повиновения и не отбывает никаких общественных повинностей и кардонной службы, а все таковыя за ослушностию Кюбетевцев находятся вынужденными отправлять прочия калмыки моего улуса, о чем было доводи-мо до сведения начальства, но разрешения еще не получено, а потому Кюбетев род и записан в число моих подвластных.

- Независимо от сего согласно предписанию Вашего Выскородия имею честь присовокупить сведения, что около тысячи ста кибиток подвластных мне калмык имеют кочевку на собственно улусу принадлежащей // земле, в числе коих значительная часть пропитывается от людей состоятельных; прочия же затем калмыки по совершенной бедности проживают в других ведомствах, по городам и селениям для заработок дробно, а потому в каком ведомстве более определительно донести Вашему
- Л. 32.**

Высокродию не могу, а по заключению моему едва ли не в Донском Войске Саратовской губернии. Вообще калмыки подвластного мне улуса находятся ныне в столь крайне бедном положении что третья часть оных не только не имеют никакого скотоводства, но не имеют даже крова и приюта где бы защититься от непогод.

НА РК, ф. 7, оп. 4, д. 7. л. 31–32.

1836 г. Сентября 12 – Ведомость о числе народа Малодербетовскаго улуса, и скотоводства онаго.

Л. 33. Учинена сентября 12 дня 1836-го года по примерному положению Малодербетовским Владельцем Деджитом Занбо тайши Тундутовым.

	Означение аймаков и управляющих ими зайсангов	Число кибиток в аймаках	Число Верблюдов	Число лошадей	Число рогатого скота	Число овец	Число коз
А) Зюнева рода:							
1	Аймак Икичносова рода зайсанга Хаара Джимбе	130	43	69	225	1170	21
2	Багачоносова рода аймак зайсанга <i>Зангрика</i> (хороший)	189	73	49	321	725	-
3	Икибухусова рода зайсанга Цульцума	191	-	25	300	625	30
4	Аймака зайсанга Нимгыра	13	3	5	31	87	-
	Итого:	523	119	148	877	2607	51
Л. 33 об.							
5	Аймак зайсанга Бараты	30	-	5	51	60	-
6	Аймак зайсанга Менко Церена	160	15	5	225	300	10
7	Кюбет-Абганерова рода (родственника зайсангов)	23	7	8	87	230	-
8	Аймак хашханеров зайсанга Карамги	49	5	17	95	70	-

9	Хонченерова рода (управляются старшиной)	42	-	7	110	190	20
10	Багабухусова рода аймак зайсанга Кирипа уже умершего	49	-	5	95	195	21
11	Зайсанга Арабдана аймак	28	1	5	19	-	-
Б) Токтонов род							
12	Аймак зайсанга Окона	46	1	5	75	61	-
13	Зайсанга Антона аймак	52	2	11	62	100	-
14	Эрдени Культюшева аймак	64	-	10	150	100	-
	Итого:	543	30	78	969	1306	52
Л. 34							
15	Зайсанга Зодбы аймак	20	-	-	10	15	-
16	Зайсанга Шошолды уже умершего	17	-	-	15	-	15
17	Цоросова рода (управляется старшиной)	18	-	3	33	20	-
18	Зайсанга Джимбе аймак	11	-	-	14	-	10
19	Зайсанга Цебека аймак	56	5	12	144	423	-
20	Зайсанга Урубжура аймак (хороший)	172	63	152	300	600	10
21	Зайсанга Саранды аймак	27	40	5	150	600	60
22	Зайсанга Бадмы	47	37	3	180	249	20
23	Зайсанга Норбы	52	-	10	73	30	-
24	Зайсанга Убуши	50	-	2	84	25	-
25	Зайсанга Санжи	53	-	3	120	57	22
26	Номчинова рода (Управлялся гелюном Цеденом, теперь полагается назначить другого зайсанга)	100	110	75	250	600	50
	Итого:	623	255	265	1373	2619	187

Л. 34 об.							
27	Зайсанга Онко	34	-	-	75	700	-
28	Зайсанга Пандю	88	-	9	125	-	-
29	Зайсанга Джамбы	6	-	1	8	-	-
С) Бурулова рода							
30	Зайсанга Боро Мангны	27	-	5	45	-	-
31	Зайсанга Монтока	51	11	4	100	50	-
32	Зайсанга Умке	14	-	2	15	-	-
33	Зайсанга Улана	70	15	9	45	-	-
34	Зайсанга Борочонкудинова	22	4	3	45	-	-
35	Зайсанга Нимбы	41	-	8	45	-	-
36	Зайсанга Манку	28	-	10	35	-	-
37	Зайсанга Самсона	101	-	12	163	150	-
38	Зайсанга Санжи	20	-	2	25	13	-
39	Зайсанга Теро Менко	40	-	4	75	90	-
40	Зайсанга Джамбы	35	-	2	20	-	-
41	Зайсанга Бадмы	36	-	1	15	-	-
42	Зайсанга Лакбы	12	-	1	12	-	-
43	Зайсанга Цебек Арши	11	-	1	15	-	-
	Итого:	636	30	83	863	1003	-
Л. 35							
44	Зайсанга Улюмжи	65	10	5	100	100	-
45	Зайсанга Арши	22	-	4	40	30	-
46	Зайсанга Кёрде	11	2	5	21	30	-
47	Зайсанга Мукукенья	75	11	150	80	160	50
48	Зайсанга Кютура	2	4	5	20	200	-
49	Зайсанга Окле	45	10	150	70	140	50
50	Зайсанга Балзыка	50	15	40	100	500	50
51	Зайсанга Шарап Джамбы	7	-	-	20	-	-
52	Зайсанга Сумьяна	100	19	40	200	500	-
Д) Шебенеры							
53	Ики хурулов	164	4	13	220	353	9
54	Бага хурулов	131	4	11	317	655	-
55	Дунду хурулов	281	53	92	646	1244	45
56	Богдоин шебенеров	37	-	-	30	-	-

57	Мамдутов	30	5	2	40	100	-
58	Бакшин шебенеров	136	6	15	202	800	9
59	Ики Манлаин хурула	71	2	2	40	-	-
60	Деду ламин хурула	51	-	2	26	-	-
61	Бага Манлаин шебенер (все шабинеры прежде управлялись Гелюнгами, теперь старшинами)	41	3	2	100	120	-
	Итого:	1316	148	446	2272	4932	213
Л. 35 об.							
	Кюбетева рода уклонившагося от всякаго повиновения под предлогом принятия христианской веры	135	67	192	788	1320	10
	Абганерова рода подвластных Владельцу Менко Очир тайши Тундутову	430	84	91	835	1350	18
	Эркетев (находятся смешанно между разными родами)	205	5	10	190	200	50
	Анданов	2					
	Итого:	772	156	213	1813	2870	78

Сведения о духовенстве

Хурулов	Бакшей	Гелюнгов	Гецулей	Манжей
44	80	798	127	662

	Кибитки	Скота				
		Верблюдов	Лошадей	Рогатого	Овцы	Козы
Итого	4413	738	1333	8167	15337	581
В том числе						
Шабинеров, или хурульных	942	77	139	1621	3272	63
(Эректу) или тарханов	205	5	10	190	200	50
Андынов	2	Неизвестно				
Авганеров	430	84	91	835	1350	18
Кебетов	135					
Следственно засим токмо остается отбывающих повинности Владельцу Тундутову (нижняя строка 2699 киб. Зачеркнута)	1714	166	240	2646	4822	131
	2699	672	1093	5521	10515	451

НА РК, ф. 7, оп. 4, д. 7. л. 33–35 об.

1837 г. Января 26 – Рапорт Исправляющего должность Малодербетовскаго Попечителя Зубрицкого Главному Калмыцкаго народа Попечителю и Кавалеру Андрею Михайловичу Фадееву

- Л. 149.** Сделав приблизительные замечания противу Ведомости Владельцом Тундутовым поданной, на те аймаки в коих находится ощутительная неверность, я таковых на благорассмотрение Вашего Высококородия при сем представить честь имею. В прочих аймаках значущих по ведомости Тундутова, как в числе кибиток так и в скотоводстве разности непримечается. В должности Попечителя Зубрицкий.
- Л. 150.** Замечания о состоянии Малодербетовскаго Улуса в настоящем быту. Учинены противу Ведомости поданной Владельцом Тундутовым за 1836 год.

В чьих имянно аймаках состоит неверность	Сколько показано	Примерно должно состоять	Разность в показаниях
<u>Зюнева рода:</u>			
1. Аймак Икичносова рода Зайсанга Хаара Джимбе			
Кибиток	130	250	120
Верблюдов	43	100	57
Лошадей	69	200	131
Рог. Скота	225	700	475
Овец	1170	2000	830
2. Аймак Зайсанга Зангжина			
Кибиток	189	-	-
Верблюдов	73	150	71
Лошадей	49	100	51
Рог. Скота	321	600	279
Овец	725	1500	775
Л. 150 об.			
3. Ики Бухусова рода Зайсанга Цульцума			
Кибиток	191	300	109

Верблюдов	-	-	-
Лошадей	25	-	-
Рог. Скота	300	700	400
Овец	625	1000	375
4. Шарнут чоносова рода Зайсанга Менко Церена			
Кибиток	160	220	60
Верблюдов	15	-	-
Лошадей	5	-	-
Рог. Скота	225	400	175
Овец	500	1800	1300
<u>Бурулова рода:</u>			
5. БагаУльдючинова рода у зайсангов Мукукенья, Окле и Балзана			
Кибиток	170	250	80
Верблюдов	35	150	115
Лошадей <i>*сие число состоит до угона горскими хищниками</i>	340	1000 (*)	660
Рог. Скота	250	2500	2250
Овец	800	5000	4200
Л. 151.			
6. Ики Ульдючинова рода аймак зайсанга Сумьяна			
Кибиток	100	150	50
Верблюдов	19	80	61
Лошадей	40	-	-
Рог. Скота	200	400	200
Овец	500	1800	1300
<u>Токтонов род:</u>			
7. Аймак Зайсанга Урубжу			
Кибиток	172	250	78
Верблюдов	63	90	27
Лошадей	152	250	98
Рог. Скота	300	600	300
Овец	600	2300	1700
8. Зайсанга Саранды			
Кибиток	27	40	13
Верблюдов	40	100	60
Лошадей	5	-	-

Рог. Скота	150	400	250
Овец	600	2000	1400
Л. 151 об.			
9. Зайсанга Бадмы			
Кибиток	47	50	3
Верблюдов	37	60	23
Лошадей	3	-	-
Рог. Скота	180	220	40
Овец	249	1500	123
10. Номчины управлявшиеся прежде Зайсангом Цеден Гелюнгом			
Кибиток	100	170	70
Верблюдов	100	200	100
Лошадей	250	600	350
Рог. Скота	75	150	75
Овец	600	2000	1400
<u>Шебенеры:</u>			
11. Ики Хурулова рода			
Кибиток	164	300	136
Верблюдов	4	70	66
Лошадей	13	100	87
Рог. Скота	220	700	480
Овец	353	1000	647
Л. 152			
12. Бага Хурулова рода			
Кибиток	131	250	119
Верблюдов	4	26	22
Лошадей	11	-	-
Рог. Скота	317	1200	883
Овец	655	3000	2345
13. Дунду Хурула			
Кибиток	281	400	119
Верблюдов	53	170	117
Лошадей	92	250	158
Рог. Скота	646	1700	1054
Овец	1244	3000	1756
14. Бакшин шебенеры			
Кибиток	136	200	64

Верблюдов	6	30	24
Лошадей	15	80	65
Рог. Скота	202	600	398
Овец	800	1500	700
Л. 152 об.			
15. Род Абганеров, Владельца Менко Очир Тундутова			
Кибиток	430	600	170
Верблюдов	84	200	116
Лошадей	91	-	-
Рог. Скота	835	2000	1165
Овец	1350	5000	3650
ИТОГО:			
Кибиток	2423	3619	1191
Верблюдов	692	1441	749
Лошадей	935	2310	1325
Рог. Скота	4621	13320	8699
Овец	10571	33200	22620

НА РК, ф. 7, оп. 4, д. 7. л. 149–152 об.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Калмыки¹

¹ Hempel F., Geissler J.G.G., Gottfried Richte J. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler Zeichner und Kupferstecher Nebst einer kurzen Erläuterung derselben von Friedrich Hempel Rechtskonsulent Deutsch und Französisch. Leipzig Baumgärtner Paris Fuchs, 1804.

Калмыки в кибитке²

² Hempel F., Geissler J.G.G., Gottfried Richte J. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler Zeichner und Kupferstecher Nebst einer kurzen Erläuterung derselben von Friedrich Hempel Rechtskonsulent Deutsch und Französisch. Leipzig Baumgärtner Paris Fuchs, 1804.

Калмыцкий хотон³

³Hempel F., Geissler J.G.G., Gottfried Richte J. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler Zeichner und Kupferstecher Nebst einer kurzen Erläuterung derselben von Friedrich Hempel Rechtskonsulent Deutsch und Französisch. Leipzig Baumgärtner Paris Fuchs, 1804.

Калмыцкое кочевье⁴

⁴Hempel F., Geissler J.G.G., Gottfried Richte J. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler Zeichner und Kupferstecher Nebst einer kurzen Erläuterung derselben von Friedrich Hempel Rechtskonsulent Deutsch und Französisch. Leipzig Baumgärtner Paris Fuchs, 1804.

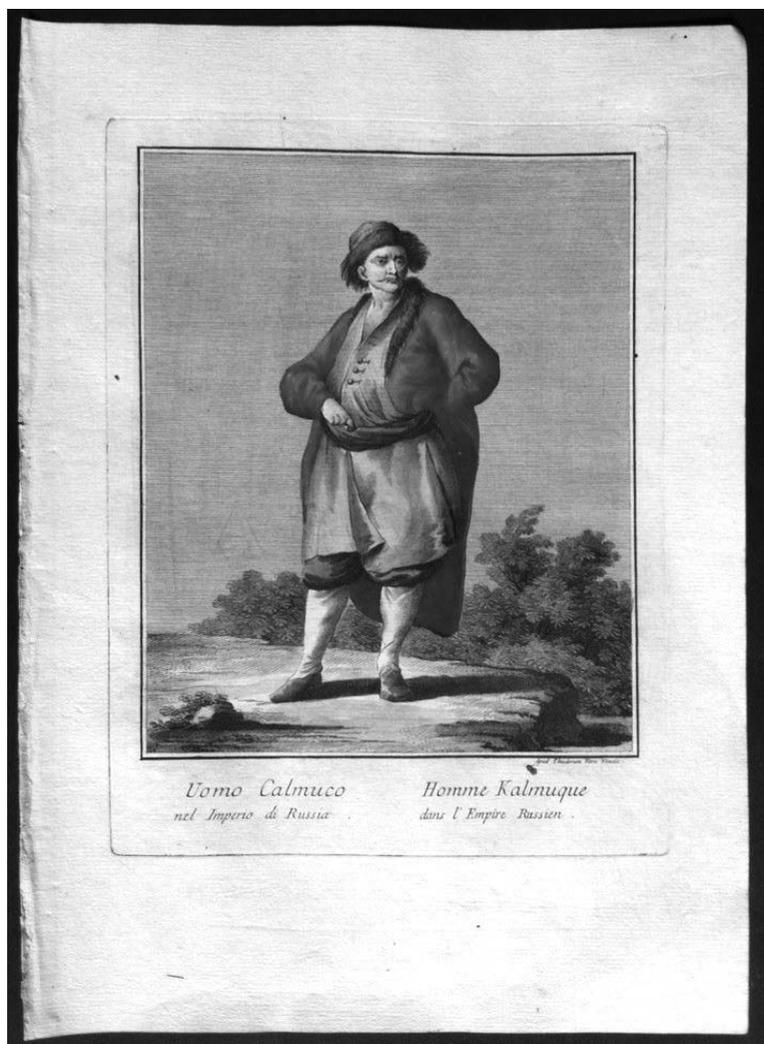
Калмык с ружьем и калмыцкий монах (Гелюнг)⁵

⁵ [HARDING, EDWARD.] *Costume of the Russian Empire*. London: John Stockdale, 1811.

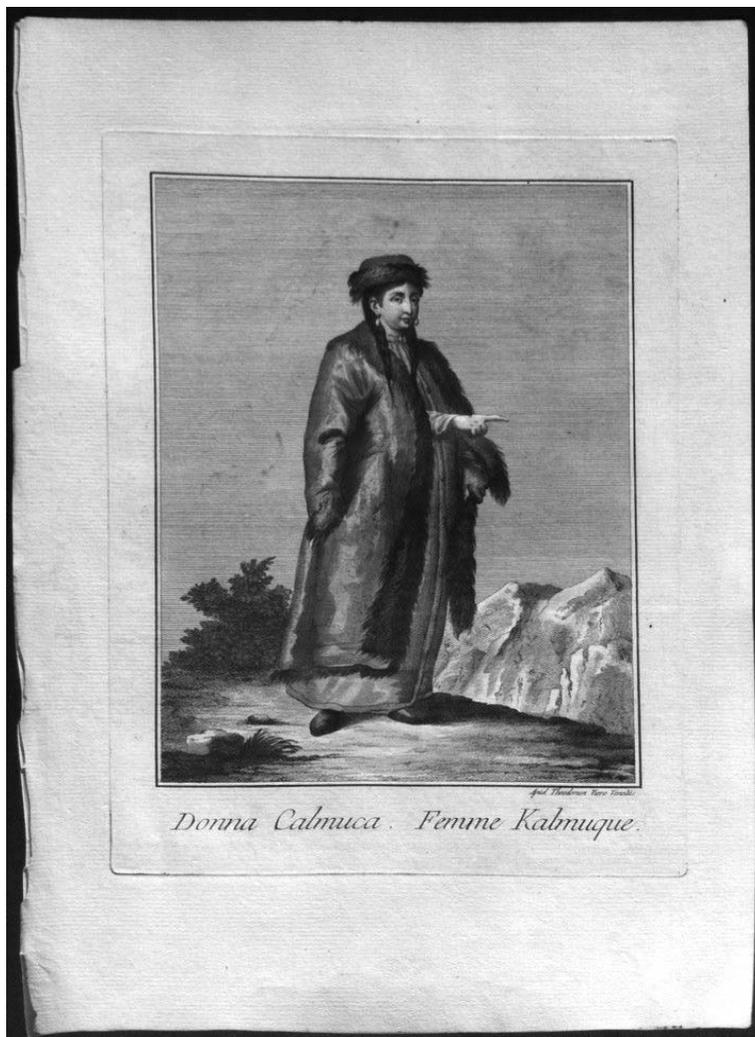
Калмыцкие женщина и девушка⁶

⁶ [HARDING, EDWARD.] *Costume of the Russian Empire*. London: John Stockdale, 1811. Рисунок приводится в соответствии с оригиналом, однако вызывает сомнения этническая принадлежность изображенных, особенно девушки.

Калмык⁷

⁷ Viero, Teodoro. Raccolta di ... stampe, che rappresentano, figure ed abiti die varie nazioni, secondo gli originali, e le descrizioni dei piu celebri recenti viaggiatori, e degli scopritori di paesi nuovi. Venice: Teodoro Viero, 1783-1791.

Калмыцкая женщина⁸

⁸ Viero, Teodoro. Raccolta di ... stampe, che rappresentano, figure ed abiti die varie nazioni, secondo gli originali, e le descrizioni dei piu celebri recenti viaggiatori, e degli scopritori di paesi nuovi. Venice: Teodoro Viero, 1783–1791.

Научное издание

Батыров Валерий Владимирович

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ ПОСЛЕДНЕЙ
ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.**

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Монография

Подписано в печать 04.12.2014.
Формат 84×108/32. Печать офсетная.
Усл. печ.л. 13,125. Тираж 300 экз.
Заказ 27-14.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8